

ОБРАЗ ЖИТЕЛЬСТВА

Я не поэт – я просто житель!
Я – житель-профессионал.

Вадим Ковда

«БЕСЦЕЛЬНО НАБЛЮДАЮ...»

Он припозднился с дебютом: первая книжка – 1971 год. Уже отошла ослепительная и громогласная Оттепель; в начавшемся Застое надо слушать не воинственные зовы, а загадочную тишину.

Победоносные жалобы «шестидесятников» пропустил мимо души. Запомнил другое, давнее, из военного времени, испытанное пяти лет от роду: «пожар, бомбежки, плач детей, предсмертный хрип и ор вокзальный». Запомнил фразу мальчика-одногодка, обращённую к отцу: «Ты чего не на фронте, папа?» Запомнил год спустя «похоронную серую карточку» и крик того мальчика: «Ты прости меня, папа, папочка!»

На этом крики кончаются, на громкое – запрет. Плач, хрип, ор, свист бомб – всё это отодвигается в памяти как далекий единый музыкальный фон. Вопрос: почему произошло то, что произошло, – лучше задавать себе в одиночестве. И, по возможности, – в тишине. Стоять и молча созерцать бездвижный пейзаж, перебирая вопросы, относящиеся к основам мироздания, и сознавая себе, что ответов нет, – эта позиция совсем не характерна для ровесников-«шестидесятников», только что просвистевших в поэтический зенит.

Они несутся, пересекая параллели и меридианы, летят навстречу ветру, упоённо отдаются скорости.

Он – стоит. «Земля остановилась на орбите». Небо опускается на землю. «Тихо, тихо, тихо, тихо». Скрип ботинок по снегу. Он тихо любит человечество, а оно его «толкает и машинами гудит, грубым словом обзывает и милицией грозит». Он из толчеи уходит, юмором гася отвращение. И опять стоит и созерцает.

Они – упоенно переназывают мир, меняют имена вещей, грозят вернуть словам звучанье их первородное.

Он вообще не хочет знать, как звучат имена. Названия «забыл». Куда вышел – не ведает. «Откуда жизнь и почему? Зачем природа захотела отдать неведомо кому сокровища души и тела?» Нет ответа.

Они – заморожены светлыми далями, изначальными ценностями, конечными целями.

Он видит другое.

Они – бредят станциями назначения.

Он – на вечном полустанке. «Мне всё это слишком знакомо... Обычный пейзаж за окном: коза возле белого дома и женщина с жёлтым флажком... Поблекшая пыльная травка. Неприбранный реденький лес. И голая, голая правда от голой земли до небес».

Очистить правду от шелухи, от цветастой мелочи, от гама, говора, грохота. «Голос вечности» нем. Аэропорты, театры, поезда, толпы, лифты, эстакады? Не нужно! А что нужно? Пенье птиц. Далёкий лай собак. Очень далекий звук поезда. Неслышный след аэроплана. Пелена облаков. Нежно-белый светящийся пух, покрывающий всё.

Мир вовсе не бесцветен. Но его цвета – не напор красок, каковой лучшие из «шестидесятников» подхватили у кедринских мастеров и повесили радугой самоутверждения. Здесь нет желания самоутверждаться таким образом. И цвета – блекнут, пропадают, разбеливаются, отступают перед обволакивающей белизной. «Жёлто-бело-зелёный колорит осени – ничто перед «дымкой» измороси, всё тонет в «блеклом»; из снежной бездвижности проступает «седая щетина стерни». Седина – тень белизны... Скоро это скажется. А пока – прогулка. Мирная, философская. В том смысле, в каком толстовский герой ощущал «всё во мне, и я во всём», гуляя ещё не под ядрами, а под липами. «Мир – это я, я – это мир», – вторит ему наш житель и развивает эту ситуацию

следующим образом:

Я в наибольшей мере я,
когда по улицам ступаю,
когда спадает бытия
подпруга жёсткая, тугая,
и мир бесцельно наблюдаю,
и наблюдает мир меня.

Житель... И ничего «больше»? Посмотрим.

Первый звонок – любовь. Пробивает белизну – пепел. Пепел седины в волосах любимой. Да, ведь пеплом, серым серебром, мягкими сумерками изначально завораживает белизна пейзажа! Так что не понимаешь, что значит эта седина: то ли она знак горя, то ли отсвет вечности, противостоящей суетному мельтешению цвета. И автор не понимает. Отказывается понимать. Это – его точка отсчёта: молчаливое замирание перед загадочностью мироздания. Что такое печаль любимой в этом контексте? Ещё одна непонятность...

Я понимаю едва ли
пепел в твоих волосах,
сгусток тоски и печали
в синих когда-то глазах.

Синева глаз – мета романтики, то ли выцветающая под напором времени, то ли гибнущая под напором... Как назвать напор страсти, сметающей все запреты? «Древнейший дух дикарский», «норов обезьянский», природная похоть, заставляющая петуха прыгать на курицу и таранить, тиранить её, чему лирический герой изумлённо завидует. Хотя слабеющий голос духа напоминает ему, что такое пиршество секса – безумье...

Словно безумье прорвётся
в жёлтый, горячечный миг.
Голос взлетит и сорвется
в злой, неестественный крик...

А что естественно? Что погасит взрыв жёлтого – страсти, ярости? И что всё-таки в истоке: взлёт духа над неукротимостью естества или неукротимое естество, заземляющее дух?

Что с тобой? Как поседела.
Что-то не то говорю.
Даже не знаю, что делать.
Даже в глаза не смотрю.

Ну, как же решить вечный русский вопрос: что делать? – когда не выяснен другой вечный вопрос: кто виноват? – нет на него внятного ответа.

Только лишь тень пониманья,
только вникаю, скорбя,
опыт какого познания
мучит, сжигает тебя...

Чужой опыт – потёмки, он коварен, неверен, неведом. Любовь – знак беды, это провал в чужой опыт, в чужую жизнь, в чужую душу. Из голубизны в белизну – в непроницаемость.

Как это вышло нелепо:
выцвел в сумятице дней
взор, повторяющий небо
цветом и сутью своей.

Ответ будет, и весьма горький: никто не виноват, кроме тебя самого.

Так что поневоле кинешься к обезьянам, к петухам, к дикарям, и, в конце концов, усмотришь это в поэме «Про это». Но не в той, что написана в 1923 году лучшим и талантливейшим поэтом советской эпохи, а в той, что на излёте этой эпохи, в 1992 году обнародовал разочаровавшийся в идеалах «шестидесятников» поэт Вадим Ковда, уложив происходящее в две строки:

Раб
баб.

МОСТКИ

В начале 90-х – перелом: автор полудюжины поэтических книжек, выведенный в свое время «из небытия» Борисом Слуцким и Давидом Самойловым (а до того – выпускник мехмата МГУ, переучившийся во ВГИКе на кинооператора) говорит себе, что при Советской власти он, конечно, выбился, но – в «плохие поэты».

Смута, случившаяся в государстве и обществе, позволяет поставить вопрос о хорошей поэзии ребром: книгу «Смута» Ковда, не откладывая, издаёт за свой счёт в далёком Ашхабаде. И с этой тоненькой книжки в жизни жителя начинается совершенно новая полоса.

В качестве опознавательного знака тематики, ещё недавно запретной, торчит еврейский вопрос:

Еврей, прости антисемита!
Прости несчастного, еврей.
Его душа черна, испита,
тоской и завистью размыта...
Прости его и пожалей.

По глубинной драме – это выявление скрыто мучающей Ковду раздвоенности (я – и она... я – и страна... я – и все...), лишь окрашенной в цвет крови (у полукровки русская и еврейская половинки мучаются: «к своим не желают приникнуть, к чужим не желают пристать»).

Но в данном стихе оборот смыслов приобретает оттенок провокации – вдумайтесь в финальную строку:

И не ропщи, что вы не квиты.
И, добротой зло поправ,
еврей, прости антисемита –
он иногда бывает прав.

Раньше как-то неважно было, кто прав, а важно, что герой готов был признать неправым себя и молча нёс ощущение греха. Ничто так не делало его несчастным, как ощущение внутренней боли, невидимой миру, а если у тебя при этом спёрли на улице велосипед, это как-то не фиксировалось.

Теперь фиксируется. Велосипед угнали, а свалить не на кого: жидомасоны свалили за рубеж.

Нам будет всё хуже и хуже.
Развеяны все миражи.
Разрушены храмы и души...
Обкомы зато хороши!

Ну, вот, и обкомы замечены. И кишлаки. Но не те, которые при развитии социализме проступали из мирной дали как свидетели общего братства, а те, которые «в исступленье кромешном» разносит в Афгане наш воин-интернационалист, ещё и удивляющийся, что вслед ему летят «каменья и проклятья».

Но каменья кишлаков и граниты обкомов (а также булыжники погромщиков) – лишь крайние сколы реальности, обнажающейся в Смуту. Главное тут – тот самый средний русский ландшафт, в умиротворении от которого прежде излечивалась душа. О, как пейзаж переменялся! Как

жестко общий план сменяется наездом (да прости мне бывший кинооператор эту терминологию): крупняк – деталь!

Всё родное: и грязь и вонища,
пруд зацветший, и рваный баллон,
и столовская чёрствая пицца,
и за пыльным кустом выпивон...

Где нежно-белая даль?

Эта даль – разбеленные краски,
вкривь и вкось летящие сердца,
гогот, вой, тоска и свистопляска...
Нет начала. Не видать конца.

Конца захотелось? А как же душа, сбережённая от свистопляски?

Харкнут в расцветшую душу,
грязью обрызжут пальто.
Пару мостков через лужу
не перекинет никто...

И куда же нам по этим мосткам, когда, наконец, их перекинут? Раньше достаточно было сказать себе: «пусть всё будет, как есть». А счастлив ты или несчастен – никто и не узнает. «У вечности нет тупиков».

У вечности – нет. А у Смуты – есть. Хорошо жителю, для которого жизнь важнее смысла. А тут такие смыслы наваливаются – сплошное беспутье. Раньше не имело значения, кто прав и кто не прав в ярмарочном балагане. Теперь оказывается: «и я был прав, и ты права, и все на свете правы».

Путь к мосткам: то ли кочки, то ль могилы.

Солнышко, свиночки, птички,
одуванчики, лужи, говно.

Всё, это предел! Надо сваливать.

Не суждено любимую любить,
Не суждено уйти от укоризны...
И мне счастливым никогда не быть,
Как и моей изломанной Отчизне.

Ещё целое десятилетие Ковда живёт на «родине беспечной». Оставляет её – уже в новом тысячелетии.

Справедливости ради: несчастья, сваливавшиеся на его семью, не имеют причиной политику, а всё ту же родимую удачу: брата, научного сотрудника, решившего подработать сторожем, убила пьяная шпана; мать погибла из-за удара костыля – разнимала дерущихся инвалидов. Метили не в неё...

С мостков – оглядывается:

Этот путь – бесхитроушен и горек.
Цельный мир, что скроен нехитро...
На снегу уснувший алкоголик.
И гармошка бесится в метро...

В Ганновере метро нет. Или уже есть?

От перемены мест...

Российское гражданство он сохраняет, эмигрантом себя не считает, да по внутреннему состоянию и не может быть таковым.

Так что никакой «политики» – чисто поставленный опыт: воздействие места жительства на образ.

...И рот набив ганноверским печеньем...

Ну, вот, на первый план выдвигаются вопросы ножа и вилки. Не потому, что в Германии трудно прокормиться, а напротив – потому что легко: легче, чем в непредсказуемой России. Но поэзия ведь на то и поэзия, чтобы всё переворачивать.

...Подавился свиною сосиской...

По-моему сосиска – только повод. Давится же герой тем, что сосиска ему обеспечена «чугунным» немецким порядком. Ещё ему обеспечен дантист. Ещё – дисплей, фарад, вошмашина... В русскую ткань вгрызаются немецкие слова, их надо объяснять в сноске: Farad – велосипед, Waschmaschine (та самая, что в русском поэтическом употреблении переглядывается с вошебойкой – у Ковды отличное чувство юмора) – всего-то машина стиральная... как, впрочем, и у англичан с американцами – можете обдумать с ономастической точки зрения фамилию основателя Соединенных Штатов...

Но шутки шутками, а живётся русскому новоселу в Германии хоть и сытно, а невесело. Ходит он по чистеньким улицам: «лысоватый дурной иноземец, без зонта среди дождливого дня ковыляю... Внимательный немец исподлобья глядит на меня...»

Ещё бы не глядеть: видно же, что жилец нездешний, сосисками давится, печенье хочет выплюнуть... Хорошо ещё, если немец просто глядит, а то ведь уже слышны «вопли пьяных скинхедов в метро». Уже и в Ганновере метро построили? Или это совмещение тамошних бритоголовых с отечественными?

Такие совмещения с поэтической точки зрения – самое интересное. «Казённые, тусклые стены управ, райотделов, судов. Печаль нескончаемой смены сирот, инвалидов и вдов...» Райотделы – нашёнок. И с управками управляемся. «Стол, кресло, очков полукружья. В подшивке бумага шуршит. Сквозняк, духота и бездушье. И тоненький голос дрожит...» Всё родное, только вот тоненький голос... у нас-то чаще в присутствии орут, требуют, качают права. А тут... «Щёлк принтера, шорох, проверка. Сгустившийся смрад неудач. Ощер аккуратного клерка...» Ясно! Германия! «...и маленькой женщины плач». Женщине и суждено вывести драму в предельный режим: «Стоит, опухшая, хмельная, Блюёт, опершись у перил... Она?? – Нет. Нет!.. ОНА! – Я знаю... Вот та, которую любил...»

Опять: то ли немецкое гноище, то ли российское. Ни фарада, ни вошмашины для опознания. Что вокруг – не углядишь. Но вслушиваешься в монолог героя: «В какие же забралась кущи, бомжиха, мученица дна! Подбитый глаз, чулок приспущен, бледна, растрёпана, грязна...» Нет, все-таки наша. Сейчас «дежурный мент» притопает, уведёт блюющую шлюху. И... «И, не оправившись от шока, я вспоминал, боясь взглянуть, её роскошнейшую попу, её божественную грудь...»

Прошу прощения, но «попу» вынужден прокомментировать особо. Если б у меня была охота разбирать творчество Ковды по правилам филологической критики, я отметил бы, что абсценная лексика (а «попа» – самый невинный её пример, иное я просто стесняюсь цитировать), каковой прежде у Ковды не было, – на германской почве заметно прорастает.

В контексте российско-германского кочевья встреча отдаёт саднящей блуждающей болью. Из стиха в стих – неотвязная ассоциация. Как когда-то Зинаида Гиппиус говорила Александру Блоку: никакая это у вас не Дама, это у вас... Россия?

Всё ушло, лишь голос прежний...

Я – не тот и ты – не та.

Словно снова правит Брежнев –
ложь, тоска и пустота...

Что-то сделалось со мною –
слова молвить не могу.
Красной жилкой кровяною
боль пульсирует в мозгу.

Вижу: выщипаны брови,
и подведены глаза...
Всё, родная!... Нет любви...
Тушь стекает и слеза.
Ах, житель, житель... Святые слёзы, чистая боль. Пронзительная поэзия.

БОЛЬШЕЕ НЕВОЗМОЖНО?

В конце концов, неизбежен вопрос, которым донимали ещё аббата Сийеса, пережившего и Людовика, и Робеспьера, и Наполеона: ты в революцию что делал? Ответ пережил века: я жил! Житель-профессионал отвечает так:

«А вровень иль не вровень с веком, что смог, а что не по плечу – не важно! Быть бы человеком... А большего и не хочу...»

Чего же боле?

«А большее хитро и ложно. А большее – одна ботва. А большее и невозможно без умерщвления естества».

Интересно, а с момента рождения и до смерти «жизнь бесценную лия» – не умерщвляет ли человек ежемгновенно возобновляемое естество?

Интересно: если уничтожить ботву, – хоть один клубень завяжется?

А если большее по определению хитро и ложно, – можно ли от него спрятаться, зажмурившись и объявив, что ты – только житель?

Человек, как когда-то говорили, кузнец своего счастья. И несчастья. «Ковда» по-украински – наковальня. Должен держать удар. И держит...

Лев АННИНСКИЙ

I. СЧАСТЛИВ ЛИ БОГ?..

* * *

Разбирать наши жизни не будут.
захотят разобрать – не поймут.
не простят нас, а просто забудут –
проморгнут, не заметят, сметут...

Но не бойся, не бойся забвенья,
не страшись позабытых могил...
минет время – настанет отмщенье,
позабудут и тех, кто забыл.

Кроме пепла, и тлена, и пыли,
что оставит годов решето?..
ну а если мы счастливы были,
пусть об этом не знает никто.

* * *

Я знаю: и моё искусство
не прояснит, не потрясёт.
Скажу восторженно иль грустно –
почти напрасен слов расход.

Рисую дни свои и ваши,
пою природы волшебство,
как первобытный рисовальщик,
не понимая ничего.

* * *

Когда пейзаж не знаменит,
когда пустей, когда безлюдней,
однообразье серых будней
всё больше сердцу говорит.

Неторопливость серых дней,
немногоцветный тон пейзажа
душе и телу всё нужней,
не замечаемые даже.

Однообразный серый вид
разнообразье мыслей будит.
Он глубину в себе таит,
без коей измельчают люди.

* * *

Звук души – воздушный звук валторны,
чистейший звук, набравший высоту.
Он кем-то был нечаянно исторгнут.
Он упадёт, когда я упаду.

И только лёгкий отзвук вознесётся,
взлетит туда, куда нам не летать.
И, может быть, когда-нибудь вернётся,
чтоб слышаться и снова пропадать.

* * *

Полюби меня по-старинному,
и слова говори красивые.
И у Господа испроси меня,
и смирение подари ему.

И возьми на глазах у неба
это тело и душу смутную,
как дистрофик – краюху хлеба,
всю судьбу мою неуютную...

... Чтоб изящно я не прикуривал,
не искал ходов ловко-холодно,
чтобы глаз хитро не прищуривал,
заморочь совсем мою голову!

Закружи меня! Заколдуй меня!
Научи себе не противиться.
Не кумекал чтоб, не раздумывал,
а упал к ногам сбитой птицею...

* * *

Что за страсти в пути запоздалом?
И куда меня рок поволок?
На лице моём детском и старом
проступают и дьявол, и Бог.

Бог и дьявол, конечно, не пара –
всё орут непонятно о чём,
всё ведут толковище и свару
в неприкаянном сердце моём.

Что за жребий такой злополучный!
Никому не могу услужить.
И без дьявола вроде бы скучно...
А без Бога не стоит и жить.

ПОЛУСТАНОК

Мне всё это слишком знакомо.
Обычный пейзаж за окном:
коза возле белого дома
и женщина с жёлтым флажком.

Открытая в домике дверца.
Там чайник, косой табурет...
Ах, всё это где-то у сердца
я чувствую тысячу лет!

Поблѣкшая, пыльная травка.
Неприбранный, реденький лес.
И голая, голая правда
от голой земли до небес.

БАБУШКА

Памяти Е.А. Цыбулевской

Бабушка метро не любила.
Она была какая-то нескладная.
Один мешочник, верно, после пива
свалил её однажды с эскалатора.
Она любила дворик наш ухоженный,
в нём – старые, с морщинами, деревья
и, смятую детишками и кошками,
кривую клумбу у аптеки в сквере.
Она других любила старушонок,
с дворов окрестных сгорбленных подруг.
Они сидели медленно и сонно,
сцепив негнущиеся крючья рук.
Беседовали – тряские, творожные –
хвалили дружно лживое кино.
И, чмокая, мусолили мороженое –
в серебряных обёртках эскимо.
У них свои проблемы возникали:
– А можно ль без яичек делать клёцки?..
– И как же, Боже мой, при Николае –
за семь копеек целый фунт селёдки!..
А после, что-то вспомнив, утихали,
сморкались долго в мятые платки:
– А мой лежит на Северном Урале...
– А мой – у самой Элебы-реки...
А рядом я копался бледно-розовый,
капризный и жестокий ползал я.
И наседали с какими-то вопросами.
И отвечала бабушка моя:
– Не знаю, милый... Будь здоровым, главное...
Потом домой мы с нею уходили.
Какая-то она была нескладная...
Я помню, как её похоронили.

* * *

Так бывает на свете нередко.
Невнимательный я человек –
за стеной умирает соседка,
а за окнами – солнце и снег.
А за окнами птицы и дети –
хлопотливый весёлый мирок.
А в прихожей толпятся соседи.
Слышу сдавленный их шепоток.
За стеклом голубая картина.
Так светло и бесхитростно так.
И стоит легковая машина,
и на ней милосердия знак.

* * *

А может, мир вокруг недоустроен
ещё и потому, что плох и я?
А может, я не очень-то достоин,
чтобы ко мне щедра была земля.

Проходят дни бессмысленно и трудно...
Но не ропщу – что толку в болтовне?
Я помню, как навязчиво и нудно
другие люди жаловались мне.

* * *

Кусочек рафинада над травой –
то колокольня дальней деревеньки.
И ветер луговой
проветривает синие поля...
Оранжево глядит из-за деревьев
огромный шар... И нету никого –
я и Земля.

СВЕТАЯ ТЕНЬ

1.

На могиле моей мамы
растёт трава.
Возле сварной ограды
клонится голова.
Возле сварной ограды
ничего не хочу.
Просто смотрю на землю
и молчу.....
Становится тихо-тихо,
а может, я просто не слышу.
И чувствую: катит к горлу
прошлое – выше, выше.
И вот я честней и звонче,
и жизнь опять простая...
И мамочка, мама –
в шляпке, немолодая...
Потом я цветы сажаю
и поливаю водой
кусочек моей планеты,
холмик святой.

2.

Вид лесов, что покоем помечен,
вид зелёных и жёлтых полей
так же чист, первозданен и вечен,
как лицо старой мамы моей.
Эти воды, что льются неспешно,
эта в зелени тихой река –
так же ласкова, так же утешна,
как моей милой мамы рука.
Эта птица, что по небу бьётся,
в скорбном крике крылами дрожа,
надо мной так же плачет и вьётся,
словно мамы умершей душа.

3.

Который год, который раз
среди житейского бедлама
вдруг снова мама возле глаз
и возле сердца снова мама.

Моё достоинство храня,
сквозь боль, тоску, сквозь невезенье
протянет руку из забвенья,
поднимет падшего меня...

И в день докучливый и серый,
безжалостный, безликий день
поддержит чистотой и верой
её СВЕТЯЩАЯСЯ ТЕНЬ.

Существованья суть и стержень...
Но как же так: не я её –
она меня ведёт и держит
сквозь тяжкое житьё-бытьё.

Родная кровь. Через года
мы с ней идём поодиночке...
И я б хотел являться дочке...
Когда-нибудь.
Когда беда.....

* * *

И карканье воронов грустных,
и лай полуночных собак...
Всё это искусство, искусство,
в котором и Пушкин, и Бах.
И свет, что так стелется тускло,
и зимних лесов забытьё...
Всё это искусство, искусство,
но только неведомо чьё.

КУПАЛЬЩИЦА

Там, у озера, солнечно, душно,
оплывает, дрожит небосвод,
и утробно гогочет лягушка –
друга ищет иль мужа зовёт...
Там, у озера, чуть в отдаленье,
одинокое слышится пенье –
кто-то голосом чудным поёт,
совершает в воде омовенье,
нежной лебедью белой плывёт...
И не ждёт никого, не зовёт.

БАКАЛЕЯ

Я по жизни, словно по аллее,
прохожу, не очень энергичен.
Мне вполне хватает бакалеи:
мыла, соли, сахара и спичек.
На свою зарплату – на копейки –
покупаю парочку тетрадей,
покупаю стопочку копирки
и толкаюсь в бакалейном ряду.
А потом домой ступаю чинно.
Дома я, от радости косой,
раскрываю ножик перочинный
и чай гоняю с колбасой.
А под вечер завожу девчонку
глупую, смешную длинноножку.
Мы с ней нахохочемся до чёрта,
а бывает, погрустим немножко.
И текут деньки неторопливо.
И вполне хватает бакалеи.
Так живу... Наверное, счастливо...
Вроде весел. Вроде не болею...

* * *

Что миру дать? Что миру надо?
В круговращенье бытия
ниспровержение догмата –
и есть профессия моя.
И я обязан жить крылато,
раз небо есть и есть земля...

* * *

Всё так просто.
Всё очень просто.
Мир за окном обесцвечен и пуст.
Я стою. Я дымлю папироской,
глядя на вздрагивающий куст...
Вот и настала такая погода –
серенький дождик царапает лужу...
Это уставшая за год природа
вдруг заглянула
в душу.

* * *

Как будто нанесён рукой гравёра
кусоч сосны причудливо ветвистый
на тонкой, чистой, терпкой синеве.
Но это не гравюра. Здесь ещё
засохших трав горчащий пряный запах
и дальней птицы плавный разворот,
и тишина, и солнце, солнце, солнце.
И здесь же рядом, чуть левее солнца,
родное и спокойное лицо,
и прядь волос, что мой висок щекочет.

КОЛЫБЕЛЬ

1.

Негромко,
бело-розово на белом –
и золотистый нимб, и закруглённость,
и тихая, огромная улыбка,
и синева двух окон в бело-розовом,
в которые видна душа.

1964

2.

...А в колыбели дочь глаза открыла,
загулила, запела, забубнила... –
и то была не просто воркотня:
через неё природа говорила,
а слушала она – через меня.

1965

* * *

Проехала машина под окном.
Стекло в окне слегка задребезжало.
Я как-то вдруг задумался о том,
что будущее, кажется, настало,
что я уж взрослый, что давно отец,
что дочери моей четыре года
и что пора, пожалуй, наконец,
чтоб на моё лицо легла забота,
что кончилась приятная игра –
ждать слишком много от пустой беседы,
что подошла известная пора
теперь уж самому давать советы.
Не то, чтоб слишком думать о чинах,
но тверже стать и заниматься делом.
И знать, что не к лицу быть неумелым
и не к лицу пустое начинать.

СТАРЫЙ ПРУД

А здесь, в ста километрах от столицы,
в имении, растасканном дотла,
старинная, спокойная водица
под ивами старинными цвела.

В пруду округлом, маленьком, зелёном,
забытая теперь уж навсегда,
всё лето, словно в обмороке сонном,
зелёная, стоячая вода.

А в осени, прозрачные, пустые,
в дни ясности, печали, красоты
в зелёное спускались золотые
спокойные и грустные листья.

А после пруд, исполнен той же краски,
заворожённый гулкой тишиной,
блестел замерзшей изумрудной ряской,
как сказочной русалки чешуей.

И в декабри, как будто между делом,
уже давно не зримое никем,
зелёное затягивало белым,
и белое царило надо всем.

И в тишине под этим одеялом,
подобно скрытой совести во мне,
зелёное под снегом прозябало –
и медленно готовилось к весне.

* * *

И опять тишина, и поляна лесная,
и косо́й ветерок пошумел и застыл...
Я лежу на траве, а названья – не знаю.
Надо мной кружит птица, а названиее – забыл.

* * *

Светло и грустно. Даже не пойму.
Прохладные, безветренные ночи.
Живу один в бревенчатом доме –
целебен дар глубоких одиночеств.

А за окном на маленькой реке
большая одновёсельная лодка
отчаливает плавно и неходко
до озера, что скрыто вдалеке.

И я, попав на эту же ладью,
плыву, неслышно воду рассекая...
Петуший крик из ближнего сарая
внезапно возвращает к бытию.

1969

* * *

Тихо.
Тихо.
Тихо.
Тихо.
Только ветра лёгкий шум.
Только лист, взлетевший лихо,
отвлечёт меня от дум.

Тёплый воздух, мокрый воздух
опьянит средь бела дня.
Лист пожухлый, лист промозглый
вдруг обрадует меня.

У СТАНЦИИ (Идиллия)

Тут совсем недалеко до рая:
городок средь лесов и полей.
В среднерусской грязи утопая,
дремлет мудрое стадо свиней.

Всё родное: и грязь, и вонища,
пруд зацветший и рваный баллон,
и столовская чёрствая пища,
и за пыльным кустом выпивон...

Воробьи! Вот ведь выдался случай!
Вот ведь выдалось счастье всерьёз:
на траве золотистою кучей
свежий, теплый, душистый навоз!

Вместе с ними слетевши с берёзы,
хохочу и, тряся бородой,
копошусь вместе с ними в навозе,
рву на части навоз молодой...

Ах ты солнышко! свиночки! птички!
одуванчики! лужи! говно!..
Всё пронзает свисток электрички –
мне уехать на ней суждено.

* * *

Ах, Боже мой, как всё лилово:
и снег, и небо, и дома.
Перепополняют душу снова
и краски, и полутона,
забытых чувств высокопарность,
старинных мыслей перелив,
и благодать, и благодарность
за то, что жив.

СРЕДИ БЕРЁЗ

1.

Куда это я вышел?
Куда забросил Бог?
Негромок, неподвижен
берёзовый лесок.

А в нём бело от снега,
в нём сизо от берёз,
и розово от неба,
и радостно от слёз.

2.

Берёзово-ольховый,
изжелта-белый лес.
В пространстве снег пуховый
до самых до небес.

Нетленно и просторно,
и счастью нет помех.
И карканье вороны,
похожее на смех.

* * *

Осоловелая, нагая
земля зевает вкусно, вяло,
и пятками туман сдвигает,
как будто это одеяло.

И снова тихая лежит,
закинув за голову руки.
И каждой жилкою дрожит,
как будто женщина в разлуке.

* * *

Голубые, серые тона.
Плоские, спокойные дома.
Лёгкое, замедленное тело.
Память так приятно опустела.
И бреду по ветреному дню,
и в кармане мелочью звеню.

В ЗИМНЕМ ЛЕСУ

Сосняк, откуда вышел,
сомкнулся с полутьмой.
Чуть светится, чуть дышит
окрестный мир земной.

И надо ж: напоследок,
не ведая никак,
как будто в царство света,
вступаю в березняк.

И, замирая телом,
притихший взгляд влеку,
где белое на белом –
берёзки на снегу.

А в просеке налево,
почти к земле прижат,
вселенского нагрева
чуть теплится закат.

И благодать слетает...
А глянешь в небо: ах! –
там кружатся и тают
берёзки в облаках.

ПОСЛЕДНИЙ СНЕГ

Вы знаете! вы знаете! я видел
такое смутное и горькое веселье –
Земля остановилась на орбите,
и небо тихо падало на землю.

Скользило, растекалось поднебесье.
Уж землю было видно еле-еле.
Вращаясь, опрокидывалась бездна,
беззвучно поворачивались ели...

А я стоял, к забору прислонившись.
И было так томительно и больно.
И тут открылось: значит, я не лишний,
не лишний я, раз видеть мне дозволено!

Зачем бы вдруг природа приоткрыла
такое смутное и горькое веселье?..
...Минута за минутой проходила,
а небо тихо падало на землю.

НАЧАЛО АПРЕЛЯ

Утро. Ни тучки, ни ветра.
Матовый снежный покров.
Речка небесного цвета
вольно течёт меж снегов.

И расписная пичужка
свищет, красиво до слёз,
на осиянной опушке,
среди обнажённых берёз.

КОРОЛЕВА ПЕЧАЛИ

1.

Единственная женщина, которая
допущена во снах ко мне явиться.
Единственная женщина, которая
меня погладить может по ресницам.

Единственная женщина, готовая
стать рядовым в мои любые войны.
Единственная женщина, которая
меня обидеть может
больно-больно.

2.

О, владычица радости,
королева печали,
обживаем парадные,
как когда-то вначале.

Всё война да кручины
над твоим королевством...
Я целую морщины
на челе твоём детском.

Сто дорог нами пройдено.
Потерпи – всё удастся!
Раз остался я подданным
твоего государства.

3.

Я помню, у тебя был серый плащик
и шляпка – несуразный пирожок.
Но я забыл, забыл я, как ты плачешь,
а серый плащик помню хорошо.
И наших слов не говорю, как обещал.
Не поминаю о былом с усмешкой.
Я бережно храню свою печаль.
Но помоги – печали той всё меньше!

4.

Я и не знал, что ты надела
пальто и старенькие боты.
Мне в эти долгие недели
не хочется идти с работы.
И я не замечаю осени
за стенами и за асфальтами.
Иду домой – и только россыпи
окон да дворницкие фартуки.
Да и тебя почти не вижу я,
дыханье слушаю ночами.
И не гоню беду, нависшую
над нашими над головами.
Беды всё явственнее контуры.
И, может, сам её лепя,
как будто бы в другую комнату,
скрываюсь в самого себя.

5.

Ладно! С Новым годом...
С новым, может, счастьем...
С новым, может, домом –
крепким, не дощатым!

Да будет у тебя любовь,
большая, чем была ко мне!

Память зарубцуется,
зарастёт морщинками.
Новый год по улице –
новыми снежинками...

6.

Птице, которая пела
щемящую, тихую песню,
мы голову напрочь свернули.
И радостно били в ладоши,
и гулко стучали словами...

Вот мы с тобой и чужие.

* * *

А. Тихомирову

Надо мной снежок витает.
Не метель, а благодать.
И нога легко ступает,
да и что ей не ступать.
Я иду по тротуару,
я ботинками скриплю.
И бессмысленно, и даром
человечество люблю.
А оно меня толкает
и машинами гудит,
грубым словом обзывает
и милицией грозит.
Ну а я ступаю плавно,
ухожу от центра прочь.
Разрабатываю планы
человечеству помочь.

1969

* * *

Изящно, вроде лебедей, –
не жить. И, может, для контраста
боль настигает всех людей,
чтоб лучше понимали радость,
чтоб после боли снова взмыть,
лететь и снова грохнуть наземь,
и вновь карабкаться из тьмы,
и снова – в синее из грязи...
И знать, что, как тут ни ершишь,
ещё не раз взлетать и падать,
и понимать, что это жизнь,
и в кулаке слезинку прятать.

* * *

Земля сосредоточенная вся.
Её лицо бесхитростно и просто.
Нагие руки к небу вознеся,
О чём-то шепчут белые берёзки.

Ещё снегами всё обволокло.
Но снегопады стихли по России.
И ветер клочья белых облаков
остановил на высветленной сини.

Стога застыли в фельдшерских ермолках.
И Солнце в небе прекратило лёт.
Природа напряглась и приумолкла.
Все ждуг:
сейчас
весна произойдёт.

* * *

Благословляю ту свободу,
когда спокойно и с ленцой
могу подставить небосводу
своё усталое лицо...

Благословляю труд руками,
благословляю труд горбом,
благословляю пот ручьями
и отдых праведный потом.

О ВОЙНЕ

1.

Если только в моё парадное
ходят три пожилых инвалида,
Значит, сколько же было ранено?
А убито?

1965

2. МУЖИКИ

Как соберутся мужики
на нашем дворике на лавке.
Моргнут. Прищёлкнут в кадыки.
Пойдут по-тихому к палатке.

Окурки медленно сомнут.
Пивка. Тараночки. Салату...
И заведут, и заведут –
про Кенигсберг да про Бреслау.

И покраснеются носы.
И кепки сдвинут на затылки.
И дядя Вася без ноги
пошлёт, чтоб принесли бутылку.

Загромыхают голоса.
Заврут, руками заразмахивают.
И вынут фото, и рассматривают...
И тонкая взойдет слеза.

И начинают вспоминать
отца Нинельки конопатой,
отца Володьки Бармина,
отца Маркуши из десятой...

1966

3. МАЛЬЧИШКА

Жил обычный мальчишка, учился свистеть
и мусолил во рту грязноватые пальцы.
Он любил на трамвайных колбасах висеть.
И чечётку на кухне бацал.
Но, наверно, жесток был он в сорок втором.
Серый дождь по стеклу царапал.
Он спросил, опуская глаза над столом:
– Ты чего не на фронте, папа?..
А ещё через год
шёл он с мамой домой.
Их ждала похоронная серая карточка.
И забился мальчишка, и крикнул, дурной:
– Ты прости меня, папка, папочка!

4. СОСЕДКА

Её зовут Фаина Таусон.
Перед войной – в Одессе проживала.
Я помню, как она в сорок шестом
мужской пиджак на рынке продавала...

Застыл глухой, невыкричанный крик
в её стоячих бельмах мутноватых.
Старуха эта странно говорит.
Так говорит, как будто виновата.

По вечерам свой розовый ночник
она зажжёт и вынимает фото.
Сидит и смотрит, смотрит и молчит,
корявым пальцем гладит там кого-то.

А днём пройдёт, тоща и горбоноса,
всколочена, похожа на сову...
У нас ей хлеб по очереди носят,
а за спиной «Жощеевной» зовут.

БЕСКОНЕЧНОСТЬ

Из бесконечности приходим.
И в бесконечность улетим.
Работу тихую находим.
В саду на лавочке сидим.

И, к бесконечности причастны,
не часто думаем о ней.
И вот по-мелкому несчастны,
смутны, и в помыслах неясны,
и бранны в суতোлке дней...

Ах, эта горе-бесконечность,
она покоится во всём.
Мы бестолково и беспечно
в самих себе её несём!

И я прошу о доле скромной:
раздумья эти миновать.
Иль никогда о ней не помнить,
иль никогда не забывать.

1968

МЕТАМОРФОЗЫ

Ненависть сменишь на милость.
И замыкается круг.
То, что недавно любилось,
возненавидится вдруг.
В бросовом времени давнем
вдруг замечаешь красу.
То, что считалось забавным,
вызовет боль и слезу.
И начинается темень
в мире за ближней межой...
Что же ты делаешь, время,
с ясной моею душой?

* * *

Туда, где смрад, искривлённые лица,
туда, где мат, подонки и ворьё,
он приходил, чтоб поскорей напиться
и позабыть убожество своё.

Там дух крепчал, дух пробовал подняться,
рвануться, разогнуться, воспарить...
И он мечтал попеть или подраться,
иль, на худой конец, поговорить.

Но сам был слаб – и драться было трудно,
а голос хрипл – ну как тут попоёшь?
Но говорить, пусть сбивчиво и нудно!!
И он молот бессмыслицу и ложь...

Пусть так, пусть так у этой коновязи,
таким вот жалким, призрачным путём
он укреплял слабеющие связи
с колеблющимся, зыбким бытием.

* * *

Когда деревья обезлиствели,
они сражаться перестали.
Но я добавлю ради истины,
что не заметил в них печали.

Заметил я в хитросплетенье
их неустойчивого хора
великолепие паденья,
великолепие разора.

Они смеялись безответно
в пылу трагической игры.
И громко радовались ветру...
Но это тоже до поры.

ГОРОДОК

Только свисты стрижей, только блянье коз,
только пыльно, пустынно и жарко,
да забытой церквушки глубокий наркоз,
да портреты на стенде у парка.
Куры. Пыль. Провода. Провода и столбы,
да дремотное множество кошек.
Да сидят старики, морщат тихие лбы,
провожают глазами прохожих.
У обочин колонки стоят вперекос.
А вдали радиолу заводят...
Только свисты стрижей, только блянье коз,
да кряхтит непонятный заводик.

* * *

Вот твой дом, моя душа.
Тихо. Пыль да грязь...
Крыса, лапками шурша,
ходит не таясь.
Хочет рукопись понять,
то ль допить вино.
Долго смотрит на меня
мутное бельмо...
Харкну на пол, поманю
крысу колбасой,
завалюсь на простыню
грязный и косой...
Буду вскрикивать, храпеть,
видеть жуткий сон.
В голове начнёт греметь:
скрежет, лягз и звон.
Будет мутное кино
через душу плыть,
телевизора бельмо
до утра светить.

* * *

Две косы да щёчки наливные.
Жаркий взор, обтянутая грудь.
Юбочка да ножки козырные.
И задок, что трудно ущипнуть...
Сердце бьётся, а душе неймётся.
Ни уйти, ни подойти нельзя.
А она всё смотрит, всё смеётся.
И глаза сжигают мне глаза.

КРУГОВОРОТ

Напьюсь! Уволюсь! Разведусь!
Начну жизнь новую... Свобо-о-да-а!
Чего желал, чего боюсь –
всё обрету за четверть года.
Начальству – нахамлю. Жену –
оставлю. Разорву все сети...
В народ!! – заглаживать вину
и видеть мир в реальном свете...
Но вытолкнет меня народ,
хоть не обижусь я, поверьте.
Пойму, что счастья не даёт,
пожалуй, даже и бессмертье...
Советскую, святую Русь
пройду, родным попорчу крови...
К зиме раскаюсь и вернусь,
чтоб снова смысл искать в любви.
Найду хорошую жену,
усядусь в должность. Пить не буду.
Опять переживу весну –
в который раз такое чудо!
С душою заключу союз
во славу блага и покоя...

И снова скурвлюсь и сорвусь,
опять произойдёт такое:
напьюсь, уволюсь, разведусь...

* * *

Как разобраться бережно и мудро
в словах, что мне нашёптывает утро,
что мир туманный за окном лопочет,
и в том, что пискнул старый гладиолус,
который стал печальней и короче,
увядший в узкой вазе на столе,
и в том, что радиолой прохочут
в другом дому, как на другой земле?
Какие-то не те материки
коснулись слуха, зренья и руки.

* * *

Какая странная дорога
уводит из родного края!
Легко переступают ноги,
в какую даль, не сознавая.

Навстречу гнутые деревья
да чёрные сырые травы.
И небо на глазах стареет,
к земле приплюснутое справа...

Какие скорбные грачи
застыли на парах промозглых,
пытаясь отыскать харчи!
Какой густой и серый воздух
закрыл далекий водоём!
Как тихо на пути моём!

Лишь где-то возле облаков,
в краю, что недоступен взору,
взлетают клики петухов
да песнопения мотора...

.....

* * *

А цветы! Ах, какие цветы!
Поле белое – вроде бы греча...
Это сколько ж кругом красоты! –
не хватает обыденной речи.
Волны счастья сжимают виски,
заставляют над миром подняться...
Птичьи песни в пространстве теснятся,
разноцветны, чисты и легки.

В САМОЛЁТЕ

Я захожу в огромный самолёт,
в его большое тело проникаю.
Гляжу вокруг и, утирая пот,
в его огромном кресле отдыхаю.
И, заложив за щёку леденец,
клонюсь к иллюминатору и вижу:
вот взлётной полосы начало и конец,
и облака всё ближе, ближе, ближе.
Вот облака у самого лица.
А вот поляны солнечного света.
А вот желто-зелёно из просвета
встают поля земные и леса...
И пелось мне. Душа была легка.
И светел был доставшийся мне жребий.
Но боль пришла. А может быть, тоска?
А может, слишком близко стало небо?
А может, вдруг расширился предел?..
И лес велик. И полноводны реки.
И есть куда податься, коль посмел.
И всё же хорошо в двадцатом веке.
Не знаю, как там раньше дело шло,
не ведаю, как дальше обернётся.
Ну, а пока летается ещё.
Ну, а пока бывает, что поётся.

* * *

А где-то слева свет несло
неторопливое светило.
Не согревало, но светило.
Потом за горизонт сошло...
И начал начинаться вечер
с каких-то невеликих дел:
вот свет немного поредел,
и цвет порастеряли вещи.
Сначала синий вдруг исчез,
потом зелёный стал неясным.
Но долго на краю небес
отсвечивало тёмно-красным...
А после мир малозаметный,
смущенный чуть и оробелый,
светился сам – великолепный,
хоть не цветной, а чёрно-белый.

СТОЛБ СВЕТА

Конус света, конический столб
вертикального, цельного света
с высоты пролился в этот дол
посредине счастливого лета.
Из-за тучи обрушился вниз.
Над подсолнухом, гречей и хлебом
восклицательным знаком повис
и застыл меж землёю и небом.
Словно символ вселенской любви,
он своей чистотою напомнил
о таинственной связи огромной
между небом, землёй и людьми.
От небес до притихшей земли
он стоит, две стихии связуя.
Рассекает пространство вдали,
Путь единственный нам указуя.

НАЧАЛО ЗИМЫ

Снегами лишь чуть опалённый
в туманном своём полусне
наш мир желто-бело-зелёный
сегодня прекрасен вдвойне.
В колеблемой дымке мороза
верша бесконечный полёт,
одна золотая берёза
печальную песню поёт.

А дальше, сколь видно до края,
в белёдые дали земли
уходит, пространство марая,
седая щетина стерни...
Чисты и разбелены краски,
тонки и воздушны тона.
Незримыми узами ласки
в природу душа вплетена.

* * *

Всем хватит надежды и света.
Дай волю страстям и уму.
А жизнь не имеет сюжета,
придумать – тебе самому.

Тут нет никакого секрета,
тут важно решиться и сметь.
А жизнь не имеет сюжета,
вот разве рождение и смерть.

И надо унять суесловье,
и вспомнить, покуда не лень,
что был бы наполнен любовью,
а там все равно, какой день.

МЕЛОДИЯ

Смеркалось – старинное дело.
Мир медленно падал во тьму.
Пластинка вступала несмело
в каком-то соседнем доме.
И, словно речные излуки,
поляны и травы весной,
прекрасные чистые звуки
из вечности плыли немой.
Мелодия та затопляла
вечерний трепещущий свет
и плотью своей пронизала
и шумы, и запах, и цвет.
Она, соскочивши с пластинки
и вылетев через окно,
тончайшей своей паутинкой
весь мир собирала в одно:
и голос ребенка капризный,
закат и собак перелай –
крупницы бессмертья и жизни,
случившиеся невзначай!

* * *

Бог взирает! Ты чувствуешь трепет?
Рядом смерть – и ты смысла лишён.
Всё не вечно и здесь, и на небе,
чтобы вечным был только лишь ОН?

Оттого ли ропщу и сникаю,
подводя неизбежный итог?
Дьявол – счастлив! – я вижу, я знаю...
Но не ведаю: СЧАСТЛИВ ЛИ БОГ?

ОТТЕПЕЛЬ

От проводов, провисших вдоль дороги,
исходит треск. Оттуда рвётся ток.
Противен слуху этот звук жестокий.
И вид столбов железен и жесток.

Река открылась. Блещет кровью чёрной.
На низкий берег налипает дождь.
И зеленью пугает обречённой
озимая открывшаяся рожь.

А на ветвях, под льдистой оторочкой,
оттаивая к середине дня,
обманутая вскрикивает почка
и гибнет, никого в том не виня.

Пейзаж пустынный, тусклой дымки полный.
Грустнеет зверь. Грустнеет человек.
А ближе к ночи – гололед безмолвный.
Земля устала, ожидая снег.

Трава и лёд – дурное сочетание.
Я это знаю. И запомню впредь,
что оттепель не есть благоденье,
когда она приходит в декабре.

Кто повелел бессмысленно вмешаться
в степенный ход природы и земли?
Зачем ветрам за это было браться,
зачем тепло так рано принесли?..

Восстановись, течение вековое,
неторопливый шаг свой возроди.
Не приходи пока, тепло земное.
Я подожду. Пока не приходи.

* * *

Вот пень застенчивой птицы,
вот сморщенный, тихий лесок,
вода, чтоб напиться, умыться,
и ветер, студящий висок.

Наверно, я слишком серьёзен,
когда продолжаю любить
и зиму, и позднюю осень.
О лете – чего ж говорить!

И мне одинаково близки
земля и небесная твердь,
живые и палые листья,
рождение и честная смерть.

Во чреве огромной квартиры
я помню восторг этих слёз,
когда я гармонию мира
впервые воспринял всерьёз.

И понял: не прав я вчистую,
когда я проклятия шлю
и жизнь, хоть какую плохую,
в безумье своём не люблю.

СИРЕНЕВАЯ НОЧЬ

Буду просто стоять и смотреть,
буду слушать, вдыхать этот воздух.
Свет исчезнувший начал гореть
в проступающих медленно звёздах.

От земли до небес – тишина.
Тёмно-жёлты огни за рекою.
Да сиренево светит луна,
освещая пространство земное.
Тишину и сиреневый свет
отражают замерзшие лужи...
Пусть так будет хоть тысячу лет,
я подобный покой не нарушу.

Пусть нарушит его самолёт,
пусть нарушит дурная собака.
Пусть петух тишину раздерёт,
отвлечёт от сверканья и мрака.

Мира этого я не сужу.
Это дело другим оставляю.
Ничего у него не прошу
и ни в чём его не укоряю.

И, создание его одного,
не ругатель и не низвергатель,
я – хранитель, смотритель его,
я – любитель его, восторгатель...

Звёзды, звёзды да эта луна,
да ещё огоньки за рекою.
Тишина только цветом полна –
освещение сегодня такое.

Так спасибо, сиреневый свет!
Лес ночной, тебе тоже спасибо!
Миллионы вам праздничных лет.
Оставайтесь чисты и красивы.

Значит, это бывает с людьми:
как когда-то в минуты молитвы,
вновь чудесные слышатся ритмы,
выше музыки, выше любви.

ХРОНИКЁР

Не только Фауста тревожит
мгновений скоротечный ряд.
Остановить мгновенье может
синхронный киноаппарат.

Я благодарен хроникёру,
который в суете сует
мгновенья ловит, из которых
восстанет истины портрет.

И снова должен повториться
тот миг, скользнувший, как налим.
Ах, боже мой, то наши лица
и голос наш – он был таким!..

Но я сознаюсь в даре пошлом
(сей дар – особая беда!):
остановить мгновенье в прошлом
мне всё ж хотелось иногда.

А вот когда текли мгновенья,
я как-то так, по глухоте,
не проявлял большого рвения
остановить мгновенья те.

Цветастой мелочи в угоду
о самом главном забывал
и только после, через годы,
я те мгновенья призывал.

Рад хроникёру поклониться,
высокий смысл в его труде.
Мгновенье может повториться,
да только мы уже не те.

Как плавно при любой погоде
мы провожаем каждый миг
и всё уходим, всё уходим,
уходим от себя самих.

* * *

Снова снег покрылся пятнами,
и с небес исчезла мгла.
Над полями необъятными
снова оттепель прошла.
Чуть подмокло, чуть подтаяло.
Стало ясно и легко.
Всё, что мучило, что маяло,
отпустило, отлегло.
Снова лай собачий слышится,
птичий щебет в небесах.
Детский смех висит-колышется,
как слезинки на глазах.
Снова плачется, хохочется...
Видно, нам не поумнеть.
Снова жить на свете хочется,
совесть чистую иметь.

* * *

Давно покинутый мной мир:
мир кукол, пряников и кошек,
мир сказок, прятков и лукошек,
мир ябедников и задир.

Меня он снова окружил,
каким-то чудом обнаружил.
Он тот же. Он ничуть не хуже.
Он тот же, хоть меня забыл...

Он тот же, только в нём не я –
другие, праздничные дети.
Они снуют вокруг меня.
И славно жить на белом свете.

И страшен мрак небытия.

БАЛЛАДА О ВОРОБЬЯХ

А воробьи – отчаянный народ.
Они – шпана среди птичьего семейства.
Невежливы, жадны. Но в свой черёд
не чопорны и чужды фарисейства.

Чуть свет они горланят и галдят,
сидят у луж иль у помоек вьются.
Людей боятся, жизнь боготворят
и целый день едят или дерутся.

Один другого плоше и наглей,
начнут скандал из-за кусочка ваты...
Они таскают корм у голубей
на площадях, трусливы, вороваты.

А серость – их природная черта.
Им не знакомы нравственные муки.
И в пении не смыслят ни черта,
хоть издают какие-то там звуки.

Но веселы – поклясться я готов,
хоть гнёзд не вьют, кормов не запасают.
И не понятно, что же их спасает
в провинции в период холодов...

Наглы. Грязны... Но как их ни ругай,
как с птицей их ни сравнивай красивой,
они родной не покидают край
по самым тяжким осеням и зимам.

Не из господ они, не из рабов.
Они живут, и жизнь не проклинают...
И не видал я мертвых воробьёв –
наверное, они не умирают.

* * *

Воробушек толстенький мой,
куда ты, голубушек, скачешь?
Сейчас небосвод голубой,
и всё же ты скоро заплачешь.

Вот вижу я через стекло,
как лужа на солнце сверкает...
Тебе и светло, и тепло,
и бабушка пшёнку бросает.

Конечно, я вовсе не Бог,
и сам я от Бога завишу,
и взгляд мой не очень глубок,
но всё же я вижу, я вижу,

что скоро придут холода,
повиснут они над землёю.
И в лужах замёрзнет вода,
и бабушку в землю зароят.

Тоской отзовется в крови
всё то, что затеяно летом...
И всё же не думай об этом.
Живи себе, милый. Живи!

* * *

Чёрная птица с белым крылом
Чем-то напомнила мне о былом.
Утка ли мелкая? чибис? сорока?
кружит, летает одна одиноко.
Петли округлые медленно вьёт,
плачем не плачет и песнь не поёт.
Ищет кого-то иль просто грустит?
Кружит на месте, а вдаль не летит.
Кружит растерянно в мире большом
чёрная птица с белым крылом.

* * *

Хоть на миг, на секунду хотя бы
повернуть это время назад,
где березы, как курочки рябы,
на пригорке на белом стоят.
Не спешите, родные мгновенья,
подчинитесь нехитрому мне.
Продолжайся, синичкино пенье,
на моём опустевшем окне.
Пой, синичка, счастливо и тонко,
продолжай по кормушке скакать.
Словно кинщик свою кинолентку,
я хочу времена пропускать.
Только слишком в былом застаеваю –
настоящее мимо летит,
забываю и не успеваю.
Настоящее мне не простит.
И, былъём и забвеньем поросши,
нелюбимое всё наперёд,
настоящее, сделавшись прошлым,
свои старые счёты сведёт...

В ЛЕСУ

Я в лесу стихаю и добрею.
Мне светло, вольготно, одиноко.
Радости лесные, как умею,
медленно вкушаю понемногу.
И морзянкой рассыпает дятел
в блёклые, задумчивые дали,
что по лесу бродит добрый дядя
и чтоб птицы от него не улетали.
И чтоб рыбы плавали в реке,
не пугались белки и лосихи.
Я бреду, торжественный и тихий
с рюкзаком и прутиком в руке.

ПРОСТОР

Простора тоска и беспечность.
Печальное счастье дорог.
Как прежде, кругом бесконечность
на север, на юг, на восток...

Под небом – бескрайнею сенью,
бродить по лесам и жнивью,
глядеть на родимую землю
покуда не устаю.

Сквозь муку и честь постоянства
звездой в кромешной ночи
в душе безрассудной пространства
непетая песня звучит.

Как чисто кругом, как широко!
Как гулок и пуст небосвод!
Я вижу: уходит дорога.
Я слышу: пространство зовёт.

И дней промелькнувших не жалко.
И сердце не давит укор.
И душу безумно и жадно
сосёт бесконечный простор.

* * *

Нет ни столба, ни забора.
Нет для взгляда упора.
Нет ни холма, ни куста,
даль однородно пуста.
Нет и следа человека...
Вот облака потекли.
Сколько простора и света,
сколько небес и земли!
Нет предела для взгляда.
Нет – и не надо, не надо!

* * *

Красоту перешиб красотой,
затушил своё сердце гитарой.
Этой болью отвлекся от той...
Новой болью отвлекся от старой.

МИР ПУТЕЙ

Мир путей – странный мир нереальный,
межвокзальный, мерцающий мир,
неухоженный, горький, печальный –
на тебя не нашёлся Шекспир.

Этот блеск, этот холод путейский
и сцеплений разнuzданный лязг –
тут мне чудится голос летейский,
голос жизни, в которой увяз.

Эстакады нелепого вкуса,
балки, мостики, склады, огни –
всё вселенский, бесхитростный мусор,
что хаосу вселенной сродни.

Круглый год – через лето и осень,
через зиму и через весну –
мчат платформы, груженные тёсом,
и теплушки, как будто в войну...

Мир путей – мир таинственный, смутный.
Репродукторный, лающий звук.
Мир забытый, сквозной, неудобный,
ты совсем уж отбился от рук.

И бесшумно из ночи кромешной
мне стреляет в распухший висок
твой безжалостный, твердый, прилежный
фиолетово-синий глазок.

ПОЕЗД

1.

Стук колёс. В полумраке стрекозы
бьются в стёкла, крыла распластав.
Равнодушные, сонные козы
провожают глазами состав.
Спит студент – разметались страницы.
Спит ребенок – на маме повис.
Инвалид, полупьян, матерится,
вспоминая прошедшую жизнь.
Запах гари из тамбура вьётся.
Я тяну остывающий чай.
А соседка смеётся, смеётся,
прикоснувшись ко мне невзначай.

2.

Звон гитарный, гвалт картёжный,
храп да крепкий дух носка,
сахарок, чаёк дорожный
да дорожная тоска...

За окном туман морозный.
Сквозь туман леса видны...
Стук спокойный, стук колёсный –
сердце вечное страны.

Полустанок. Пёс пролаял.
Стрелки. Стрелки. Свист в ушах.
Поезд мчит на Николаев.
Расправляется душа.

Белый призрак деревеньки
в белом мареве возник.
За чаёк считает деньги
утомлённый проводник.

Сходит вечер нереальный.
Робко светится земля...
А к утру – пирамидальны
Украины тополя.

СИВАШ

1.

Шелест маленьких гнутых деревьев
да морское сиянье вдали –
всё ж отрада для слуха и зренья
у покинутой Богом земли.

Но и чахлые эти уродцы
тихо мрут у меня на глазах.
А их души уносятся к солнцу
в бесконечных, пустых небесах.

Остаются в белесом просторе
нарастающий солнечный свет,
голубое блестящее море,
да рыбацкой ладьи силуэт.

2.

Возле моря гнилое болото –
засолённая, гиблая топь.
Ничего не растёт отчего-то.
Лишь полынь, да и та не растёт.

И мяучит печальная птица,
детским тоненьким криком кричит.
Не забыться, никак не забыться –
каждый раз что-нибудь уличит.

Содрогаясь, дымится болото,
высыхает в палящих лучах.
И каймой светло-серого пота
проступает в грязи солончак.

Стонет птица, мяукает резко
в почерневшем, гнилом камыше.
Что за странное, гиблое место?
Что за гнёт у меня на душе?

ЗА ДНЕПРОМ

Словно кожа столетней старухи
в чёрных трещинах эта земля.
Здесь огромные, злобные мухи
да обугленный цвет ковыля.

Давит ветер ненашенной силы.
Пыль столбом. И хрустит на зубах.
Раскалённо и жёлто светило
в заднепровских бескрайних степях.

И зыбучих песков безобразие
в благодатном приморском краю.
И сюда желтолицая Азия
тянет дерзкую руку свою.

Чуть маячат отары овечьи.
Даль плывёт, замутнённо-бела...
Бесконечны труды человечьи.
Преходящи людские дела.

ПЕЙЗАЖИ

1.

Моя нога по ракушкам ступает:
песок, трава морская, рыба кость.
А море отступает, наступает,
шуршит и не выказывает злость.

Вот галька – вся в прожилках и крапах.
Вот краб, членистоногий, молодой.
И еле уловимый рыбный запах,
и свежий дух, солёный и морской.
А рядом степь – горчащий дух полынный,
колючий куст, невиданный досель.
И чаек крик, скорбящий и пустынный.
И жаворонка брызжущая трель.

И странность есть в подобном редком хоре,
в краю, где солнце давит и слепит,
где степь незримо переходит в море,
где море продолжается в степи.

2.

Синева. Прибой и скалы.
Чайка плавная летает.
От красот душа устала –
ничего не замечает...

Ей для самосохраненья
в этом мире, этом море
нужно чуточку сомненья
и ущербности. И горя.

3.

Пусто. Прибой недалёкий.
Берег запущен и дик.
Слышится разновысокий
нечеловеческий крик.

Слышится крик протяжённый.
Нет ни травы, ни цветка.
А над душой поражённой –
солнце, ветра, облака...

Сколько же в этом просторе
счастья, и смуты, и горя.
Птица кругами летит.
Чайка, и солнце, и море
слиты в немеркнущем хоре.
Хор тот с душой моей слит.

4. ВЕЧЕР НА КАРАДАГЕ

Вот показалась звезда.
Море сливается с небом.
Маленький город вдали –
как со свечами пирог.

Воздух набух, загустел.
Гор силуэты ослабли.
Только с дороги в горах
сполохи света плывут.

Чу! шелестение крыл,
удестерённое тишью...
Вслед за летучею мышью
пепельный демон проплыл.

5.

Опустелая даль предо мною.
Только ветер да тучи вдали.
Равномерные звуки прибоя,
как дыханье усталой земли.

Бесконечное серое море,
бесконечный слепящий песок.
И о счастье, свободе и горе
в крик срывающийся голосок.

6.

Стих,
словно рыба, выхваченная из моря,
дышит, бьётся.
Стих – словно женщина, выбежавшая из моря,
стесняется своих слишком красивых форм.

НОЧЬ

Проскользнёт по тишине с балкона,
подойдёт, обнажена,
и погладит по щеке ладонью,
словно чуточку пьяна.
И, прохладная, прильнёт, прижмётся,
обоймёт и закружит...
И в буфете вдруг стакан проснётся,
отчего-то задрожит...
А потом она размечет кудри,
будет лжива и нежна.
И уйдет к себе домой под утро,
как неверная жена.

* * *

Б. Камянову

Эта душа поднялась,
чёрное небо проткнула,
красным огнём занялась,
вспыхнула и потонула...

Тьма и усталость в крови,
голову вырвал из пасти.
Милый мой, только живи
пусть без любви и без счастья.

Мама, любимая, брат...
Эти года не вернуться.
Дальше брести наугад.
Время пришло разогнуться.

Милый, прощай, – улыбнись.
Пусть всё по новой начнётся.
Пусть эта блядская жизнь
там хоть тебе улыбнётся.

1976

* * *

Прекрасный день. Прекрасная погода.
Закат прекрасный – золото и медь.
О, Боже мой, я снова про природу.
Неужто больше нечего воспеть?

А город – толпы, лифты, эстакады,
аэропорты, театры, поезда?
Но, Боже мой, мне этого не надо.
Мне этого не надо. Никогда.

Да, да. Всё так. Ах, нет – всё это кривда!
Что я болтаю? Полный ералаш!
Ведь я и сам – большой любитель лифта,
особенно, когда седьмой этаж.

Ведь я и сам – любитель самолётов.
Зачем я вру? Ну, кто меня поймёт?
Ах, человеки – море сумасбродов!
И я, конечно, – первый сумасброд.

Ведь я же сам, я сам – большой любитель
такси, компаний праздных и кино.
Я – города матёрый потребитель,
и по-другому мне не суждено.

И в суете, без радости, без пользы,
от удовольствий дышащий едва,
я сам – ловец мельчайших удовольствий.
Я сам. Я сам... Кружится голова.

И редко вижу озеро и поле.
И редко вижу небо и закат.
На то моя, моя лишь только воля,
и больше в том никто не виноват.

И этот выбор будет проявляться
неразберихой, смутой и тоской...
Я – плоть от плоти всех цивилизаций.
Я – тёртый их ребёнок городской.

* * *

Эти скудные лесопосадки,
шейки тонкие мелких деревьев,
и листья, что дрожат в лихорадке,
и ветров равнодушный напев...

Дерева в обступившем хаосе,
предосенняя эта земля –
так слабы, так участия просят,
так о многом подумать велят!

Вижу мёртвых собратьев остатки:
ветви, чёрные прутья, пеньки.
А из них, миг используя краткий,
нежной зеленью брызжут ростки.

* * *

Прощайте, сытные обеды,
мяса и булки, что нежны!
Я наконец-то еду, еду
в командировку – от жены!

Отныне властвуй, властвуй, случай!
Бери в тиски и в оборот –
случайной дамы круп могучий,
столовский чёрствый антрекот.

И вы, расхлябанные койки,
гостиниц бросовый уют,
провинциальные попойки,
где пахнут редькой и блюют.

И вы, панельные кварталы,
и дрянь, идущая в кино.
И фруктов нет, и мяса мало.
Начальство – сволочь и дерьмо.

Пуškai, пускай на душу ляжет
та даль, что не была видна.
Пуškai, пускай себя покажет
моя беспечная страна!..

И всё ж домой уеду ясный.
И мрак изыдет из души...
А всё же земли тут – прекрасны!
А всё же люди – хороши!

1978

* * *

Вороний кар-р-р проткнёт глухой покров,
рассеет утра каменную вату.
Услышу голос кур и петухов
и голос индюков придурковатых.

Начнётся день не из моей судьбы.
Я городской, не этого я круга.
Вон – телекрест, торчащий из избы,
а вон – «в болонье» – коз пасёт старуха...

Вновь налетит воронья колготня,
и мокрый ветерок примчится с луга.
И я на коз, а козы на меня
с недоуменьем глянем друг на друга.

И облака очнутся, поплывут,
и замычит серьёзная корова...
И будет всё не громко и не ново,
а где-то листья палые зажгут...

И буду я, торжествен и не скор,
вкушать сей день промозглый и чудесный....
Услышу трактор – то земной мотор,
услышу самолёт – мотор небесный.

* * *

Реки тихие, дали пустые
да лесов неизбывная рать.
Нагляжусь, надышусь на Россию
и поеду в Москву умирать.

Там, в столице, живу ли? дышу ли?
Тьма на сердце – таи не таи...
Арзамасы, Касимовы, Шуи...
золотые, родные мои.

Привязался я к средней России,
где на сирых полях вороньё,
где просторы гудят ветровые,
где грустят деревеньки её
молчаливые, тёмно-кривые,
так похожи на наше житьё.

Для чего мне сюда так стремиться?
Разве жизнь эта так хороша?
Лес да небо, да редкая птица.
И душа...

НАДЕЖДА

А ласточки попили и ушли.
А соколы? – а соколов и не было.
И солнечность на донышке души.
И донышко почти окаменело...

А дальше что? – Терпение надену.
Я сам всех бед творец и настоятель.
А что теперь? Надеюсь ли? – Надеюсь!
А мир каков? – Мир прежний, настоящий!

* * *

Опять в лесу багряно и свежо.
Опять душе печально и уныло.
Душа моя, ну что тебе не мило?
Душа моя, ну что не хорошо?

Опять в лесу исчезли муравьи,
пошли грибы – чернушки да опята.
Опять душе так хочется любви,
как будто бы она не виновата.

Как будто это вовсе не она
искала для себя уединенья,
и, тяжела, капризна и мутна,
просила от любви отдохновенья.

Как будто в ней свершился поворот
(так ей уже казалось не однажды!)
и новую любовь не оттолкнёт,
чтоб снова ждать, печалиться и страждать.

* * *

Пень подгнивший – опят полведра,
мягкий мшаник с брусникою блёсткой.
У берёз отслоилась кора
в высоту человеческого роста.

Скрёб кору здесь, наверно, олень,
пень точили древесные черви
сотню лет и сегодняшний день,
чтоб мои успокоились нервы.

Я щавель после зайца доел,
я рябину поднял после птицы.
И счастливую песню запел.
И в ручье подпевала водица.

А шмели – хоботок к хоботку,
тяжко выдержать тонкому стеблю.
Как шмели припадают к цветку,
припадаю к поляне и небу.

Руки вскинул – всё это люблю!
Вкруг меня – лишь любимые лица...
Не могу насладиться – пою.
Всё равно не могу насладиться.

ХОЛОД

Холод опять не ушёл.
Холод опять нарастает.
Плотен, угрюм и тяжёл,
снег и не думает таять.

Серая даль не видна.
Тусклых небес колыханье...
Что же с того, что весна? –
Вмиг застывает дыханье...

Просят поляны и снег,
просят деревья и реки,
чтоб полюбил человек,
ищут любви в человеке...

Ты запахнись,
и душой
(только, чтоб пали все шоры!)
слушай, как перед тобой
стонут земные просторы,

дышит убогий росток...
Видь это! Впитывай! Слушай!
Ты ведь один полубог...
Чувствуешь в горле комок? –
То переполнило душу.

* * *

Пусть всё будет как есть, как положено быть.
Ну а мне, ну а людям всего будет мало...
Зиму я никогда не могу разлюбить,
но хочу, чтобы лето настало.

Ах, юдоль моя – солнце, земля и вода...
Милый ветер, играючи, дунул...
Стань я Богом самим – всё равно и тогда
лучше этого я б не придумал!

Всё бы так и оставил, как Он нам послал,
точно так же, при лучшем усердьи...
Только б маме покойной бессмертие дал,
только доченьке дал бы бессмертье.

* * *

На слежавшемся тёмном снегу
от луны золочёные блики.
И медлительно тянутся миги...
Лай собаки на том берегу.

Полумрак и покоя печать.
Дальних звёзд непонятные знаки.
И душа начинает звучать,
вторя дальней печальной собаке.

Ей, душе, в эти миги и жить.
Ничего не гнетёт и не глушит.
Душу редко дано ощутить,
потайную, вечную душу.

Чуть искрится слежавшийся снег.
Я сращённый стою с темнотою.
И шевелится воздух у век –
это время проходит волною.

* * *

Когда-то коснулось, скользнуло,
но мимо направило путь.
А ныне в глаза заглянуло,
и глаз не могу отвернуть.

Открылась такая примета,
старинный, как видно, закон,
когда не зима и не лето
лишь боль, разоренье и стон.

И я, благодушный, свободный,
узнал, как о смерти дитя,
тот тайный процесс переходный,
двуликую суть бытия.

И стал осязаем и ведом
ход скрытых времён непрямой:
зелёное поле, как летом,
и холод, как будто, зимой.

РАБОЧИЙ ПОСЁЛОК

Снег подтаявший, матовый, позавчерашний.
Тёмно-серый посёлок – домов ералаш.
И огромная водонапорная башня
вместо церкви вдали завершает пейзаж.

И ползёт вдоль плетня грузовик с неохотой.
Следом розвальни тянутся возле плетня.
И поёт радиола французское что-то
из барака, в закатное марево дня.

И цепочка столбов через поле ступает.
Токи с треском в провисших бегут проводах.
Я стою. Я смотрю. И слеза подступает...
Эх, да что ж это я – при моих-то годах!

ЗА ОБЬЮ

1.

Я очнулся в неведомом мире,
в блёклой дымке ушедших времён,
за Уралом, за Обью – в Сибири,
в деревушке, где царствует сон,

среди болот, среди хляби зелёной,
где ночами вздыхает сова,
где корнями, стволами и кроной
тыщевёрстно сплелись дерева,

где лошадка понурая ходит,
лебеда возле церкви растёт...
Эта жизнь всё проходит, проходит...
Всё никак не пройдёт, не пройдёт...

Воздух чист. Небеса не прогоркли.
А лесник работающ и небрит.
Лишь долблёнку сменил на моторку,
глушит рыбу и в уток палит.

А поляны цветочные – в волнах,
под ногой голубика хрустит,
и ромашка – с хороший подсолнух,
и осклизлый маслёнок блестит.

Небосвод неколеблем и вечен.
Цельный мир! И ясна голова.
И поёт невидимка-кузнечик,
и по грудь золотая трава.

2.

Как бревенчато и косо!
Тихо. Выпала роса.
Запах пиленого теса
заполняет небеса.

Нежный, прибранный, румяный
от светла и дотемна
городишко деревянный,
деревянная страна.

Хмурый дед в косоворотке,
с чёрной прядьё в бороде.
А кругом всё лодки, лодки –
на земле и на воде.

Бесконечна, с белизною,
светло-серая во мгле
Обь лежит передо мною,
словно небо на земле.

Облака плывут, как духи.
Окна смотрят на леса.
На завалинках старухи
щурят белые глаза

и в немой закат над Обью
песни ясные свои
стонут, полные любовью,
плачут, полные любви.

3.

Редколесье. Криволесье.
Мхи да камни. Снова мхи.
Да стальное поднебесье
над излучиной реки.

И в пространстве этом трудном
вязнет взор, скользя вперед:
лесотундра, лесотундра
в ржавых пролежнях болот.

И над глушью перестылой,
над землёй непочатой
веет вечностью и силой,
человеческой тщетой.

4.

Дом старинный работы топорной,
а за ним наподобье слюды
блеск неистовый, белый, озерный,
блеск нетронутой, юной воды.

Пень трухлявый и согнутый ворон,
что проклятья гортанные шлёт
в это синее небо, в котором
неприметный жужжит самолёт...

Рядом ширь первозданного луга,
что цветами, как дымкой, увит.
И цветочная, жёлтая вьюга
по-над миром, играя, скользит.

ЗОЛОТОЙ ЗАКОН

Как берёза из церкви растёт,
камень ест, чтобы к солнцу тянуться,
мотылёк у стекла вопиёт,
чтобы лапкой к огню прикоснуться,
под асфальтом живут муравьи,
набираются сил шампиньоны,
так и ты – не противься любви,
подчинись золотому закону!
Так и ты – знай устои свои,
страх забудь и не ведай корысти.
Никогда не противься любви,
как они не противятся жизни...
В этом деле подолгу не лгут.
И тебя эти чувства найдут.
И тебя они жёстко проучат.
Не потерпят заслонов и пут,
как гудрон, приподнимут и вспучат,
сдавят сердце и душу прорвут.

ПРЕКРАСНЫЙ ПТАХ

Прекрасный птах, он пел среди ветвей.
Он пел, его гортань не уставала.
И над могилой матери моей
та песня добрым ангелом витала.

Он громко пел, невзрачен и убог,
лишь глаз горячей кровью наливался.
И слышал я такой высокий слог,
который мне ни разу не давался.

Такие звуки щедрые дарил,
так булькал, свиристел и надрывался,
что я его, как мог, благодарил
и за него, за глупого, боялся.

Как столько звуков выдумать он смог?
Как в его горле столько поместилось?
Прекрасный птах, он пел, как птичий бог.
Он пел. И ничего с ним не случилось...

И каждый звук, весом, упруг и смел,
соскальзывал, в нутро мне проникая.
Прекрасный птах так исступленно пел,
что слышала душа моя глухая.

* * *

Когда разгорается костёр,
мне ветви жаль,
которые сгорают...
Когда затухает костёр,
мне жаль костёр.

* * *

А мы в стогу притихшие лежали
вдали жилья, тропинок и дорог –
среди мороза, ветра и печали
тепла и счастья малый островок.

И кто-то, кто присутствовал при этом,
следил с небес, следил из-за снегов.
Потом немым, огромным силуэтом,
как Саваоф, скользнул меж облаков.

И следом звук пронзительный раздался,
казалось, зверь рассерженный ревёт.
И вдруг над нами взмыл и распластался,
вполнеба, реактивный самолёт.....

Потом исчез. И стало тихо-тихо.
Лишь ветер заметался, застонал...
О миге том на протяженье мига
испуганный твой взгляд напоминал.

* * *

Ты не любовь моя – моя болезнь.
Зачем ты мне – давно уж не пойму.
Ты просто застарелая боязнь
остаться перед смертью одному.

Проходит всё. Дожди сменяют лето.
Пройдут дожди, и выпадут снега.
А ты со мной, без всякого просвета.
А ты со мной, бессрочно, на века.

Пуста ладонь. Ушли меж пальцев годы.
Пуста душа. Охладевает кровь.
Но кто-то странный, очень странный кто-то
всё шепчет мне, что ты моя любовь.

ПТИЦА

Что ты там напеваешь? Про что?
Что ты впала в разгул и веселье?
Под твоей залихватскою трелью
я гуляю в осеннем пальто.
Всё приемлет мой горестный ум.
Но сейчас разобратся охота:
чем ты счастлива? что я угрюм?
Ведь одна нам и та же погода.
Ты мала. Ты мала и глупа.
Победить никого ты не можешь.
Ты природы слуга и раба.
Ты в мороз свою голову сложишь.
Бьётся радость на птичьих устах...
Тру своё утомлённое веко:
отчего же ты счастлива так,
раз слабей и глупей человека?

* * *

Окончилось всё, не начавшись.
Чуть вспыхнув, сгорело дотла.
И жизнь моя, чуть покачавшись,
по прежним путям потекла.
И вновь сиротливо и с болью
гляжу я во тьму и на свет.
Того, что считается солью,
как не было, так и нет.
Лишь маленькой, зыблемой частью
души мне дано ощутить
негромкое, верное счастье
на свете родиться и жить.
Но жить без высокого звука,
пронзавшего каждый мой миг...
Ну что ж, проживём друг без друга...
А чем же мы лучше других?

ВСТРЕЧА

Я понимаю едва ли
пепел в твоих волосах,
сгусток тоски и печали
в синих когда-то глазах.

Словно безумье прорвется
в жёлтый, горячечный миг.
Голос взлетит и сорвётся
в злой, неестественный крик...

Что с тобой? Как поседела...
Что-то не то говорю.
Даже не знаю, что делать.
Даже в глаза не смотрю.

Только лишь тень пониманья,
только вникаю, скорбя,
опыт какого познания
мучит, сжигает тебя...

Как это вышло нелепо:
выцвел в сумятице дней
взор, повторяющий небо
цветом и сутью своей.

ПРОГУЛКА

Я в наибольшей мере я,
когда по улицам ступаю,
когда спадает бытия
подруга толстая, тугая,
и мир бесцельно наблюдаю,
и наблюдает мир меня.
Сначала из себя смотрю
на прочий мир под небесами.
И в эти небеса курю,
а мир течёт перед глазами.
Потом ко мне подходит миг
(живём ради такого мига!):
мир – это я, я – это мир.
Я наблюдаю мир из мира!
И ясность чувствую, и твердь,
и полное приходит знание.
И сам – частица мирозданья,
могу спокойно встретить смерть.

* * *

К.Д.

Из мельтешенья улиц окружающих,
из блеска фар, и лязга, и мороза
придвинулось ко мне лицо дрожащее
из звяканья холодного хаоса.

Возникло и придвинулось из тьмы,
и, скорбное, склонилось безголосо...
Два хрупких глаза, пряди седины –
из звяканья холодного хаоса...

И я не знал: любовь то или жалость
меня свербила, ввинчиваясь тонко.
Её душа к моей душе прижалась,
как в январе в подъезде собачонка...

А дальше что? Шесть лет неразберихи.
И если всё собрать – неделя счастья.
Потом она забыла эти миги,
ушла в хаос, чтоб больше не встречаться...

И я не знаю, как теперь отделаться
от памяти, в которой тот мороз,
в которой та немолодая девочка –
два хрупких глаза, брошенных в хаос.

* * *

Средь бела дня иль средь ночной дремоты
вдруг оглянусь, в себя направлю свет:
– А где душа? – Нет. Нет! – Одни пустоты,
Одни темноты. Нет её, и нет.

Всю промотал с последнею любовью.
Всё затоптал, что теплилось едва.
Лишь боль одна... Но может... вместе с болью...
Раз боль жива, то и душа жива?

Опять завспоминаю, затоскую,
задумаюсь о том, о чём нельзя.
И, видя эту женщину чужую,
не буду знать, куда девать глаза.

УЧЕНИК

А кого это я учу,
карандашик в руке крутя?
Я сижу у окна, молчу
и учу самого себя.
А зачем это нужно мне
поучать себя самого?
У окна сижу, а в окне
никого нет, совсем никого.
Только чёрный согнутый куст,
да ещё грязно-жёлтый дом,
да снежок навевает грусть
за холодным пустым стеклом.
Что ругаю себя, сужу?
И зачем головой поник?
Что учителю расскажу
я – свой собственный ученик?

ПАМЯТЬ О ДЕТСТВЕ

Я тормозил кузнечиков в стерне.
Ловил ладонью солнечные блики.
А ночью долго слушал в полусне,
как что-то мне рассказывал будильник...

Когда же я всё это потерял?
Когда я стал так смутен и рассеян? –
Когда спряженья длинно повторял,
когда терзал задачи на бассейны?..

Прошло полжизни. Всматриваюсь в мир
и вновь ищу с надеждой и опаской.
И иногда случается на миг:
мир обнажает запахи и краски.

И вновь поют кузнечики в стерне,
и тёплый блик лежит в моей ладони.
И мой будильник в долгой тишине
мне снова что-то вкрадчиво долдонит.

АВГУСТ

1.

Вот август. Вот зелёная опушка.
Деревьев цвет устойчив и глубок.
Испуганная мокрая лягушка
выпрыгивает с криком из-под ног.
За брюки мне цепляется репейник.
А рядом, возле елочного пня,
коричневый огромный муравейник
доверчиво взирает на меня.
И комары взлетают, свесив жала,
ленивые большие комары.
Но крыльями размахивают вяло,
свой аппетит утратив до поры.
И на тропу, где мох иль подорожник
серебряными нитями увит,
серебряный пробрызгивает дождик
И щёку мне приятно холодит.
А вдоль ручья иль тоненькой реки
травинки цвет, как цвет гусиных лапок.
И между них белесые, без шляпок,
пузатые торчат дождевики.

2.

В эти ночи всегда грусти больше, чем радости,
если в поле трава устаёт зеленеть.
Так бывает в холодные поздние августы:
небо в виде тумана приходит к земле.
Небо блеклым туманом на землю ложится
и, обняв горизонт, до рассвета гостит.
И смолкает земля, и смежает ресницы,
и, уткнувшись в потёмки,
о чём-то грустит.

* * *

Согнувшаяся женщина с зонтом,
торчащий ствол обугленной осинки
да мелкий дождь напомнили о том,
что скоро снег – по осени поминки.

Под серым небом – серая земля.
Поникли травы, сжались, почернели.
Далёкие пустынные поля
под серой дымкой видны еле-еле...

И всё же мир исполнен красоты.
Осенний день. Обыденно и сиро.
На голых ветках капли, не листья.
Но в этих каплях отраженье мира:
осинка, поле, небо и кусты.

* * *

Осень мне не надоела.
Грязь. Ну что же, рад и ей!
Выпал снег и потеплело.
Думал: станет холодней.
Снег! Его-то мне и надо!
Начинаю понимать:
заменять природа рада
благодатью благодать.
И земля не хуже неба,
только ближе и родней.
Я обрадовался снегу,
как вот этот воробей.
Воробей – моя жар-птица,
серовата и глупа,
распевает и кружится
у фонарного столба...
А за день, что мне подарен,
за мгновение одно
я кому-то благодарен,
благодарен всё равно.

ОСЕННИЙ ДЕНЬ

Вблизи нагих окостеневших ив
расхристанный холодный день осенний
печален, но по-своему красив
всей красотой грядущих потрясений.
Что будет с этим уголком земли
от воли нашей иль от непогоды?
Растения, что здесь произросли,
какие вам готовятся невзгоды?
И вам, и мне – куда ни устремиться –
всё равно от времени не скрыться.
Пронзительный вселенский ветерок
стучит ветвями вдоль больших дорог.

ОКТЯБРЬ

Лист, распростившийся с небом,
пламенный лист на снегу.
Лист, вперемешку со снегом.
Больно. Смотреть не могу.
Ах ты, октябрь, октябрь!
Как ты прозрачен и чист!
Душу мою окорябал
снегом присыпанный лист.
И почему – сам не знаю,
ах, объясните – молю –
этот октябрь проклиная;
этот октябрь – люблю?

* * *

Край небесный – остатки угасшего дня,
и луна золочёная всходит,
и неяркие звёзды глядят на меня,
наливаются и хороводят.

Прошибает пространство и крепнет мороз.
Ветер дует за шиворот косо.
И стреляют стволы обнажённых берёз,
как в костре, но сейчас от мороза.

И развёрстая стелется даль впереди.
А душа, а душа не скудеет –
распирает мне рёбра и давит в груди,
расширяется и молодеет.

В стог зарылся. Сижу. Мне чуть видно село
в чистом, лунном, сверкающем поле.
Даже в холод тепло, даже ночью светло.
И покой, и бескрайность, и воля.

* * *

Стало тихо и светло.
Это сызмалу знакомо.
Снег идёт, а мне тепло,
только как-то по-другому.

Снег дела свои вершит:
возлетает, упадает,
на лету спокойно тает,
и кружится, и кружит...

До земли не долетает.

* * *

Двух милых жён, что я любил,
двух милых жён, что я забыл,
хотя и клялся не забыть,
лелеять вечно и любить –
забыл. Ну а душой прирос.
В меня их души проросли.
Я знаю: счастья не принёс,
но и они не принесли.

Былая жизнь рождает свет,
хоть в ней и тленье, и тоска...
На голубые двадцать лет
гляжу из гиблых сорока...

В былое памятью вернусь.
А в нём, как в будущем, – темно.
Былому грустно улыбнусь.
А разобраться – не дано.

БЕЗ ЛЮБВИ

Сколько лет ты прожил без любви?
Сколько месяцев – с полулюбовью?
А теперь – хоть зови, не зови –
не идёт к твоему изголовью.

Сколько чувства в себе загубил?
Сколько лгал? Сколько душ заморочил? –
Никогда никого не любил
даже в самые пылкие ночи.

И теперь среди никчемных сует
вдруг ты понял, трезвея до жути,
что любви по-прежнему нет
и, наверно, не будет, не будет.

И что тьма у тебя впереди,
что сомненья тебя не покинут,
что отрубленных крыльев культи
никогда никуда не поднимут.

И что ты сам себе господин
в этом доме, пустом и не милом,
и навеки один на один
с беспощадным и яростным миром.

* * *

Что не оплачено кровью,
сгинет – и нет ничего.
Всё, что не стало любовью –
пусто, уныло, мертво.
Если живёшь несчастливо,
вдумайся, не обозлись, –
в чём-то она справедлива,
неумолимая жизнь.

* * *

Не столько грустил, как смеялся.
Не столько – любил, как влюблялся.
И всё же не лгал никому.
А то, что я так распылялся, –
так худо лишь мне одному.

И детям – вот правда – и детям,
которых сумел породить...
До гроба мне мучиться этим –
продрогшие души согреть им...

Ни вычеркнуть, ни замолить...

У КОСТРА

Г. Фролову

А ты, бежав бессмертья, не понесёшь урона.
Насколько жизнь прекрасней, когда полна потерь.
Великая природа, прекрасная природа,
жестокая природа, куда же нам теперь?

Давно пора согреться. Пора бы, в самом деле,
и ноги, и ладони, и души отогреть.
Вот срублена берёза, вот сучья полетели.
Распилена берёза. И не о чем жалеть.

И мало толку знаться с безверием и тленом.
Ну что же тут поделать? Подумай о другом:
а счастлива ль берёза, что сделалась поленом,
а счастливо ль полено, что сделалось огнём?

ДЕКАБРЬ

Свет полуденный, декабрьский,
истончённый за год свет...
Для души моей лекарства
лучше не было и нет.

Неба синего осколки.
След пугливого зверья.
Свет, чуть розовый, чуть жёлтый,
из иного бытия.

Свет, чуть розовый, чуть жёлтый,
тусклый, нежный колорит.
Невсамделишные ёлки...
Тишь. Сугроб. Снегирь горит.

ЯНВАРЬ

Морозец забористый, колкий.
След копытца – кабан или чёрт.
Грубошерстные, пышные ёлки.
И снега, как рождественский торт.

Ярко-жёлты лосиные лужи.
Даль чуть розова. Высь – в облаках.
Тишина заложила мне уши.
Свежий воздух навяз на зубах.

Лес роскошный меня обступает,
чуть колышется, тишью объят.
Красногрудые птицы летают,
как игрушки, на ёлках сидят.

* * *

Такие снега только в детстве лежали –
так пышен и праздничен каждый сугроб.
Забуду едва ли, забуду едва ли
сияние взгляда, и жар, и озноб.

Пойдём же, пойдём, посяем глазами,
свободные души свободно неся.
По просекам снежным гуляем часами.
Нам в городе встретиться даже нельзя.

Запомни, запомни, как смотришь, как дышишь,
какая щемящая песня звучит.
Осталось немного – и ты не услышишь,
и в мире никто её не различит.

* * *

Заброшенный, заснеженный посёлок,
людьми полуоставленный к зиме,
пустынный, полутёмный, невесёлый
стоял и мёрз в вечерней полутьме.

И чудилось, бродила вдоль заборов
по узким тропам, меж забитых дач
душа посёлка, полная укора
за то, что он беззвучен и незряч.

И в воздухе вечернем, сине-алом,
голубо-алом, сине-голубом
переливалось что-то и дрожало
и плыл далёкий самолётный гром.

В СТОГУ

Боже мой, боже мой, не могу!
Если б только в моей было власти,
так и умер бы в этом стогу,
так и умер от света и счастья.
Значит, стоило жить и гореть,
и чтоб сердце металось и билось!
И впервые за жизнь захотеть,
чтоб мгновение остановилось.
С болью в сердце мгновение длю.
Знаю: лучше не жил и не буду...
Как люблю я тебя! Как люблю!..
Только, жаль, всё равно позабуду.

КУЗНЕЧИК ЗВЕНИТ

Это что там кузнечик звенит?
Что поют эти серые пташки?
Отчего так зовёт и манит
беззащитное поле ромашки?

И о чём прошумел ветерок?
Что там ворон гортанно пророчит?
Что шуршит муравейник у ног,
самолётик бубнит и бормочет?..

Рвётся смысла тончайшая нить.
Я взвалил непосильное бремя:
ничего не могу объяснить –
только трачу пространство и время.

Не могу даже толком понять...
Только теплится смутное чувство,
что всё это сумеет объять
только жизнь да, быть может, искусство.
«Сероватая дымка берёз» –
болтовня! Это всё не всерьёз!
Всё равно — это всё несказанно!..
Даже пошлый мотив ресторанный,
жалкий шлягер, вдруг тронет до слёз...

Кто времён разгадает поток?
Что поможет? Какая наука?
Жалко мне улетевшего звука...
Жалко каждый увядший цветок...

СЛУШАЯ БАХА

Покуда я ботинки
и брюки надевал,
Бах колдовал с пластинки,
по комнате витал.

Покуда щи я ставил
на плитку разогреть,
он мирозданье славил,
звал в небеса взлететь.

И я его послушал –
оставил свой обед,
в мои глаза и уши
ворвался белый свет.

И я из пыльной кельи
от книг и тёплых щей
взлетел на легких крыльях
в звенящий эмпирей.

И там средь чистых облак,
средь блеска и огня
парил счастливый отрок,
похожий на меня.

У ФОТОГРАФА

Ты сотвори, фотограф, диво:
запечатлей судьбу мою.
Вот перед оком объектива,
как перед вечностью, стою.

Во мне вопросы без ответа...
Но при довольстве и ленце
вся суетность и смута века
в моём растерянном лице.

ЕЩЁ О ВОЙНЕ

1.

Ворошили голуби помойку,
ворошили баки у стены.
Находили голуби помногу.
Ворковали, жирны и нежны.

И я вспомнил город тот сутулый,
азиатский город на песке.
А в газетах: ОН уже у Тулы.
А на рынке: ОН уже в Москве.

И восстали вновь сороковые.
Те года святые не предам.
Мы тогда сбегались по России
к пассажирским редким поездам...

Вот стоим,
худы, бритоголовы,
в довоенных продранных портках.
И шапчонки сдавлены в голодных,
грязноватых наших кулаках.

2. ПАМЯТИ ДОКТОРА ЯНУША КОРЧАКА*

Среди самых священных историй
я не помню священной такой.
Доктор Корчак, Вы шли в крематорий,
чтобы детский продлился покой?..

Но сиял ли тогда в поднебесье
строгий глаз среди литой синевы?
Ведь Христос-то, он знал, что воскреснет.
Ну а Вы, доктор Януш, а Вы?..

Вот чугунные двери закрыли.
Вот одежды заставили снять.
Что Вы, доктор, тогда говорили?
Вы смогли во спасенье солгать?

Но какое же это спасенье?
Все мертвы, а страдания – не счесть.
Слышу пенье, негромкое пенье...
Спасены от распада и тленья
только совесть людская и честь.

Вы глядели спокойно и немо.
Вы другой не искали судьбы –
вместе с дымом в безмолвное небо,
вместе с дымом из чёрной трубы.

Растворились в просторе широком,
по пространствам ветра разнесли...
Я вдыхаю Вас, старый мой доктор,
чую в каждой частице земли...

---

* Януш Корчак (22.7.1878 – авг. 1942) – литературный псевдоним польского еврея, врача и педагога Генрика Гольдшмидта, погибшего в газовых камерах Трешлинка вместе с 200 своими воспитанниками.

3.

Я помню, помню те года:
вокзалы, толпы, погорельцы,
оборванные провода
и исковерканные рельсы...
Пожар, бомбёжки, плач детей,
предсмертный хрип и ор вокзальный
остались в памяти моей,
как звук единый, музыкальный...
Следы той жизни не видны.
Окопы зажили на теле
земли... Как пели в дни войны!
Так никогда уже не пели.
Какая сила, мощь и боль,
какие чистые начала!
Какая ярость и любовь
в тех песнях билась и кричала!
Мальчишкой всматривался я:
надмирная слепая сила,
сорвав покровы с бытия,
всё перед взором обнажила.
Разор и кровь родной земли,
огонь, и слёзы, и железо...
А песни ясные текли,
как сок древесный из надреза.

4.

Зарастают воронки.
Земные соки разъедают гильзы и осколки.
Оплывают, выравниваются брустверы окопов...
Постепенно вымирают инвалиды.
Но, как прежде, шевелятся корни волос
и холодок пробегает по коже,
если слышишь из далёкого радио:
– Пусть ярость благородная
Вскипа-а-а-ет, как волна.
Идёт война народная,
Священная война...
И кровь с непонятною силою бьётся в жилах...

О РУССКОЙ ДУШЕ

В старинной обжитой Европе,
исполненной благородных традиций,
не сжигают свои города, если их взял неприятель,
как мы сожгли Москву в 1812 году.

Не обороняют города до полного самозабвения,
как мы обороняли Ленинград.

Наполеон брал целёхоньким Берлин,
Гитлер брал целёхоньким Париж...
Как это гуманно и как удобно!

В старинной обжитой Европе,
исполненной благородных традиций,
не ездят по таким дорогам, как у нас, —
там они считаются непроходимыми...

И столько стихов не читают,
столько спиртного не пьют,
по родине так не скучают,
песен таких не поют...

1982

* * *

Грянет ветер – погибнут нивы.
Грянут воды – земля на дне.
Тектонические разрывы
убивают, как на войне...
Мирозданье не справедливо!
Как же быть справедливым мне?
Но когда распадутся звенья
утлой логики – возропщу:
– Боже! Чем идеала меньше,
тем сильнее его хочу!

Утлой свечечкой в ночь свечу.

ЛЕДОВИТЫЙ ОКЕАН

1.

Как берег океана грязен!
Как нищ, и мёртв, и безобразен
представший пред душою вид!
Как щедро мусор здесь лежит!..
Все эти ящики и брёвна,
ошмётки плёнок и сетей,
тряпьё и птичий труп бескровный
среди шевелящихся камней...
Но как красив закат щемящий,
берёза, что кривой выросла,
смятенной чайки крик скорбящий
и след потухшего костра,
и гор задымленные склоны,
ветров качающийся звук,
и, всё пронзающий, солёный
незримой водоросли дух!

2.

Два часа пополудни, а вечер.
Мгла. Огни сухогруза видны.
Снег да брызги, да воющий ветер,
да размытое око луны.
Рядом остров – маяк за дорогой,
лысый берег, скупое жильё...
Острый нож красоты этой строгой
проникает под сердце моё.
Я смотрю: что ж, и это Россия,
где полгода полярная тьма.
Всё равно – здесь настолько красиво,
что от этого сходишь с ума.
Я под снегом стою перекрестным
и придавлен, как будто бедой,
этим Севером, диким и честным,
беспощадной его красотой.

3.

Белым перекрестным ураганом
снег над Ледовитым океаном...
Чёрная качается вода –
Ледовитый ныне безо льда.

Снег над океаном Ледовитым
падает, вздымается, кружит он
и бесследно – в чёрное стекло.
Землю – ту давно бы замело.

А вода незримо поглощает,
словно ничего не замечает.
Сколько б ни пуржило, всё равно
так всё и останется черно.

ОСТРОВ АРХИПЕЛАГА ГУЛАГ

Б.В. Ведьмину

Край мой смутный, край мой милый...
Глянeshь – сердце закричит.
То ли кочки, то ль могилы –
уж никто не различит.

Каменистая земляца...
Проступают всё ясней
еле брезжащие лица –
души умерших людей.

Тут лежат они под спудом
на просторах ветровых...
Если мёртвых позабудем,
позабудем и живых.

ОПАСНОСТЬ

В искривлённой, вывихнутой жизни
люди просветлённые поймут:
можно быть счастливым при фашизме,
если ты накормлен и обут.

* * *

Пускай осядет столп нерукотворный,
и глохнет пусть народная тропа...
Помочь бы лучше тёте Дусе двор мыть,
морщин решётку вытравить со лба.

Собрать бы ей денег на ватник новый,
сынка-бандита б перевоспитать...
Когда помрёт, не пожалеть бы ноги –
тропу к её могиле протоптать.

* * *

Ничего, что долго медлил, –
ныне затоскуй.
Обними родную землю,
землю поцелуй.

Не давайся укоризне,
даже если прав.
Всё прости родной Отчизне,
даже боль и страх.

Ты с лихвой изведал в жизни
подлость, ложь и стыд...
Всё прости своей отчизне –
кто ещё простит?

ПОХОРОНЫ А.Т. ТВАРДОВСКОГО

Этот день был скуден и не долог.
Тусклый свет витал над головой.
Я запомнил запах свежих ёлок,
монастырь огромный, снеговой.

Этот день, наверное, обыден
у природы вечной на кругу.
Был покойник так и не увиден
за толпой, сомкнувшейся в снегу.

Но открылось странное явление
(я принять такое не готов):
я читал тоску и потрясенье
даже по глазам его врагов.

И слеза особенного рода
мир разъяла – несколько минут
забивали гвозди в крышку гроба.
Это был единственный салют.

Бухали и вскрикивали доски,
отдаваясь в сердце и в мозгу.
И, казалось, Александр Твардовский
всё сопротивлялся молотку.

А потом мелькнули, поразили
и исчезли в мареве Москвы
скорбный профиль совести России*
и седины маленькой вдовы.

Декабрь 1971

Вдову А.Т. Твардовского Марию Илларионовну, взяв под руку, вывел с Новодевичьего кладбища А.И. Солженицын

ИНАКОМЫСЛЯЩИЙ

Где тот муж? – Он распался, пропал.
Он в земле иль в дыму крематория.
Ненароком однажды попал
под колёса всемирной истории.

Навалилась она, налегла.
Хрустнул он и забился неистово.
А история дальше пошла.
Место мокрое вскорости высохло.

* * *

Вновь дождям по крышам тихо тенькать.
Вновь замёрзнут окна к декабрю.
Пропадут под снегом деревеньки...
Я на небо серое смотрю.

Под неярким этим небосводом
принимаю каждый буерак,
каждую околицу завода,
каждый поредевший березняк.

Принимаю тонкий посвист сойки,
странных песен буйство или стон
и панельный свой микрорайон
бесконечной серой новостройки.

Сгнивший ствол и полусгнивший пенёк,
падающий лист изжелта-красный...
Ясный день или неясный день –
Родина мне кажется прекрасной.

1965

* * *

Сколько истины в том, кто страдает!
Свет живёт в том, кто долго страдал.
Человек от беды пропадает –
без беды бы и вовсе пропал.

* * *

Умерла моя старая тётка,
полусумасшедшая, одинокая,
подслеповатая,
с серыми рыхлыми щеками
и седоватыми усами...
Вот и не стало человека,
который меня действительно любил.

* * *

Столько мучились, столько теряли!
Столько будет потеряно впредь!
Столько страсти в себе умерщвляли!
И самим предстоит умереть.

Сам не ведаю, свет мой откуда.
Помню холод, и мрак, и войну.
Страх и гибель невинного люда.
Только жизнь всё равно не клянчу.

Никогда не дойду до кошунства
осудить всё, что стало судьбой,
злобы нет, только тёплое чувство,
только нежность, и горечь, и боль.

* * *

Судьба моя, не бойся бездорожья!
Укоренись, естественность моя.
Вот лист дрожит ветхозаветной дрожью
от чистого восторга бытия.

Взвивайся, дух, в отчаянном кураже.
Взрывайся, плоть, – была иль не была!
Пусть ветер бьёт, беснуется и пляшет,
пусть лупит жизнь во все колокола.

И разум пусть не ищет оправданья –
ему не всё проведать суждено...
Пускай дождями плачет мирозданье,
пусть солнцем улыбается оно.

II. ЖИЗНЬ ЛЮБЛЮ БОЛЬШЕ СМЫСЛА ЕЁ

* * *

Там, в мирах, затеряна Галактика...
Где-то в ней затеряна Земля.
На Земле распластанный, заплаканный
в полутьме затерян где-то я.

Самолёт мерцает вдалеке,
и зарниц глухая пантомима...
И слеза стекает по щеке...
Думаю о женщине любимой.

Через ночь, идущую к концу,
вижу вдруг в тоске неумолимой,
как слеза стекает по лицу
одиноким женщины любимой.

* * *

Я всегда накануне, много лет накануне,
накануне огромной и ясной зари...
И когда ноябри – я всё кличу юни.
А приходят юни – зову ноябри.

* * *

По такому бездорожью,
где лишь хлябь да слизь,
между мудростью и ложью
коротаю жизнь.
Между святостью и грязью
мну тропу свою,
подчиняясь безобразью,
то есть бытию...

По такому бездорожью
Всё-таки иду!
Озираю землю Божью –
в солнце и цвету!
Как ни скатываюсь в бездну,
расшибаясь в кровь, –
всё равно выходит песня,
песня и любовь.

В АРБАТСКИХ ПЕРЕУЛКАХ

Эти брошки и шляпки старушечьи,
эта пыльная в рюшах вуаль...
Жизнь ушедшая, ты недоручена,
на меня навеваешь печаль.

И такая тоска безутешная
заполняет души окоём.
Аромат безвозвратно ушедшего,
но, в котором незримо живём.

Переулки кривые, продутые,
на нечистом асфальте роса.
Тихо шаркают стёртые туфельки,
и туманно слезятся глаза...

Я смотрю, и сказать даже нечего.
Примеряю к себе эту роль...
Аромат безвозвратно ушедшего –
лишь тоска, да сердечная боль.

* * *

Сколько сладкоголосых птиц на свете,
которых никто не слышит?
Сколько пронзительно душистых, ярких цветов,
которых никто не соберёт
и даже не увидит?
Сколько всевозможной красоты, адресованной нам
и не востребованной нами?..

Если б дано было впитать всё это,
может, смягчились бы наши сердца?..

* * *

Пусть всё кончается песней и пляской!
Позабуду и боль, и тщету.
Всё пойму на земле этой блядской.
Всё прощу за её красоту.

Дай-то Бог свет в окошке увидеть.
Не желаю о прошлом жалеть.
Никого не хочу ненавидеть.
Не простив, не хочу умереть.

* * *

В обход известных правил
Господь наш пошутил:
он мне годов прибавил,
а денег – позабыл.

Своею властной лапой
в семейство внес разор.
Морщины процарапал
и лысину протёр...

И всё ж его я славил,
и всё ж его любил.
Он мне годов прибавил,
считать рубли заставил...
А всё же позабавил
и душу сохранил.

ПОВАДКА СУДЬБЫ

Даниилу Вебстеру
Ничего не предвидит душа.
Гладок ум и притуплено зренье.
Начинается всё не спеша,
с неприметного глазу движенья.

Среди дней, что бегут, как столбы,
среди скуки, томленья и спешки
вдруг заметишь повадку судьбы
и её ледяную усмешку...

Словно злой ветерок засквозит...
Вдруг тебя подняло, завертело...
Грохнет оземь, сомнёт, разорит
дом, семью и безвольное тело...

И, низвергнувшись с горних высот,
испытав униженья и муки,
созерцаешь литой небосвод,
слышишь вечности чистые звуки...

УТРО

Человек,
он хрипит, он вспотел,
он торопится,
он бежит за автобусом,
он жуёт на бегу...
Э-э-й! Постой, человек!
Твой автобус уж тронулся.
Не спеши, дорогой.
Дай тебя отвлеку.
Подойди. Не смущайся.
Не косись на наручные.
Вот платок – оботри с переносицы пот!
Посидим, дорогой, на скамье со старушками
и послушаем, как воробья орёт.
И подставим лучам наши бритые щёки.
Помолчим пять минут,
поглядим на толпу...
Есть такие носы! Есть такие причёски!
Но труднее заметить
морщины на лбу.
Посидим,
перекурим «дукатик» дешёвый.
Ну чего? легче стало? – Теплеют глаза...
А теперь торопись.
Если хочешь, дожёвывай.
Да и мне до работы всего полчаса.

ТО, ЧТО ХОЧЕТСЯ ЗАБЫТЬ

Июльский полдень на исходе.
Жара, и пыль, и толкотня.
Мочой пропахший идиотик
В трамвае стал возле меня.

Большоголов, сучил губами,
мычал, повизгивал мертво...
А рядом сгорбленная мама
держала за руку его...

И стих вагон наш говорливый,
косясь испуганно и зло.
И каждый думал: – Я счастливый!
И мне-то, в общем, повезло...

А тот кастратской тряс бородкой,
пускал слюну, промежность тёр...
А мама вздрагивала робко
и синий опускала взор...

МАРТ

1.

Снова зябко, промозгло, марко.
Ветер гонит по водам рябь.
Это время – кончина марта –
вдруг напомнило мне ноябрь...

Всё равно хороша погода!
Всё ж нас балует жёсткий век:
неприметно дарит природа
первый дождь и последний снег.

2. ПРИГОРОК В МАРТЕ

О, Боже, здесь трава! – Снега поотступили.
Гуляет ветерок и облачко висит.
С пригорка моего все воды укатили,
и солнце, ошалев, и жётся, и слепит.

А в двух шагах – снега! Я лёг и загораю.
И видно далеко: вон в дымке поле, лес...
Не я ли здесь сейчас от счастья умираю
на милой мне земле, под синевой небес.

3.

Какое каменное небо!
Оно на землю давит грузом.
Земля в халатике из снега,
поизносившемся, кургузом...

И бродят сумрачно и вяло
деревья. Кар-р-р летит вороний.
Земля взирает оловянно,
А я как будто посторонний.

А я зову, зову апрель.
Он где-то рядом – птичий, маркий...
Немую муку ноябрей
мне так напоминают марты!

4.

Нежной птицы горячечный бред
после мглы и безмолвья морозов.
И младенческий розовый цвет
над сквозными ветвями берёзы.
Где-то в небе гудит самолёт –
брезжит в облаке тень небольшая.
А безумная птица – поёт,
реактивного гул заглушая.

* * *

Солнце. Тропа. Подорожник.
Даль. Переливчатый свет...
Жалко, что я не художник.
Может, ещё не поэт...
Тихо. Роса на могилах.
Речка. Обрыв за межой.
Жаль, что я кистью не в силах –
словом, а больше душой.
Ни уваженья, ни денег
не накопил на веку.
Нежность! – Куда её денешь?
Только любить и могу.

* * *

Уж сколько лет, как я живу в России.
С ней радуюсь, и плачу, и тужу.
Со скорбию глядел в глаза людские,
пришла пора – и с ужасом гляжу.
И слышу звук – всё тоньше, всё острее.
Он душу рвёт, пугая и маня...
Я старше стал, но я не стал мудрее.
И мир, как прежде, тайна для меня...

ВОКЗАЛ

Рядом был асфальтовый перрон.
А меня крутило и мотало...
Пел, гудел, вращался Вавилон,
Вавилон Казанского вокзала.

Длилось это много дней и лет –
вечное вокзальное движенье.
Тот вокзал напомнил белый свет,
только в большем сжатье и сгущенье.

Выл вокзал, вибрировал, дрожал,
вскрикивал, храпел и матерился.
Я, как часть его, его вращал,
и, как часть его, я в нём крутился.

Разгонялся, словно колесо,
дёргался, мелькал, перемещался...
Полоумный, я коловращался.
Вдруг... то неподвижное лицо.

Там, в мельканье звуков и огней,
Среди спин, локтей и чемоданов
маленькая женщина стеклянно,
сломлено глядела на людей.

Репродуктор хрип, сминая мат,
вечер нависал, тосклив и чёрен.
И светился тёмно-синий взгляд,
чуть размытый возрастом и горем.

Этот взгляд меня остановил,
я в него иль он в меня уткнулся.
Разум мой зачумленный очнулся.
Рваться дальше не хватало сил.

И в сознание собственной вины,
ощущая трепетность и жженье,
от себя отринув мельтешенье,
я застыл у каменной стены...

А толпа всё ширилась, текла.
Выл вокзал, вибрировал, смещался.
Весь огромный мир коловращался...
В центре эта женщина была.

То ль ждала кого-то, то ль в пути
погибала, временем подмята?
Помощи просила? иль пощады?
Я к ней не решился подойти...

ДОЧКЕ

Останься душою светла.
И даже во времени чёрном
лети, распростёрши крыла,
как птица на воздухе горнем...
Какие законы верны,
понять не в моей было власти.
Но мы рождены не для счастья –
для жизни лишь мы рождены.
Ты эти слова передай
в мученье рождённому внуку...
Дай мне на прощание руку,
ручонку вспотевшую дай.

* * *

В напускной суровости
неприступный вид.
От нечистой совести
голова болит.
Ходишь в тьме и горести,
тяжело дыша.
От нечистой совести
устаёт душа.

* * *

Как песчаная буря пылила!
Как светило полдневное жгло!
А в глухой ледниковый период
сколько жизни из мира ушло!

Наводнения, сушь, недороды...
Смерчь-убийца, вулкана пальба...
Неужель аморальна природа?
А выходит, и Бог, и судьба?
Люди милые! Где мы витаем?

Что мы ждём? Что нам совесть кричит?
Как ни путаем мы, ни плутаем,
как себя ни клянём-проклинаем –
больше некому мир научить
ДОБРОТЕ...

СТИХИ О МАТЕРИ

1.

Загрубела моя душа.
Не застонет теперь, не заплачет.
На могилу мамы, шурша,
опускается жёлтый лист.

Загрубела моя душа.
Даже здесь ничего не чувствует.
Где-то рядом хрустит-похрустывает
под чужою ногой песок.

Закошел, суетой зарос.
Уезжать из Москвы мне надо.
Человеку, меня родившему,
я дешёвый букет принёс.
Я грущу, но уже без слёз.

2.

Холодно. Птица поёт.
Птица поёт монотонно...
Где ты, родная моя?
Карие вижу глаза.

Где ты, родная моя?
Ты ведь совсем не исчезла?
В том некрасивом гробу
только лишь тело твоё?

3.

Доводил до полусмерти,
до отчаянья в глазах
девять месяцев под сердцем
и два года на руках.

Сна лишал. Тиранил вволю.
Что я знаю про неё? –
Что в моей счастливой доле
счастье видела своё.

Вспоминаю глуше, реже...
Хоть во сне бы увидеть:
те страдания утешить,
те страданья оправдать.

4. ВИДЕНЬЕ

Подошла и глядит золотисто.
Вот склонилась – хотела обнять...
Как бессильны борцы и штангисты!
Как сильна моя слабая мать...

Прёт толпа – равнодушные лица.
Я смотрю, я пытаюсь понять.
Как бессильны врачи и милиция!
Как сильна моя хрупкая мать...

Мир огромный, несущее твоё бремя,
никого не хочу обвинять...
Как бессильны пространство и время!
Как сильна моя мёртвая мать...

5.

Прах матери в полметре от меня.
Прах матери в полметре под ногою.
На маленьком газончике стерня,
политая водою дождевою.

И чувствую: душа моя мертва,
душа молчит, душа окостенела.
В ней гибнут нерождённые слова,
как в темноту, проваливаясь в тело...

Над нами птица весело поёт –
воробышек бессмысленно радушный...
Соединиться с мамой не даёт
недолгий срок да мрамор равнодушный.

6.

Помню, как я тебя обижал.
как ты плакала, как тосковала,
как твой голос летучий дрожал...
Как на чуждых руках умирала...

Доживу, дотоскую на свете
без улыбки твоей и любви.
За тебя рассчитаются дети,
справедливые дети мои.

* * *

Откуда жизнь и почему?
Зачем природа захотела
отдать неведомо кому
сокровища души и тела?

Зачем расщедрилась она
на слух и зрение цветное
и предоставила сполна
великолепие земное?

И нашим дерзким головам
доверила светлейший разум.
И до сих пор прощала нам
жестокость нашу и проказы.

Она беззлобна, но сильна.
Я даже высказать не смею,
как рассчитаемся мы с нею,
как рассчитается она.

* * *

В платьицах дешёвых, не модны,
стайкою гуляют ученицы.
Вот они присели у воды.
Вот поют, воздевши к небу лица.

Жухнет клевер. Кружится оса.
Наплывают запахи речные.
Детские взлетают голоса –
о любви поют они, родные.

Песня их возносится, дрожа,
кружится нескладно и щемяще...
У меня шевелится душа.
Это значит – песня настояща.

Ах, поэтик, милый шелкопёр,
композитор с модной сединою,
вашу песню подхватил простор,
но не вы, не вы тому виною.

Просто души вырвались из пут,
хоть мотив убог, слова невнятны.
Не гортанью – душами поют.
Оттого и слушать их приятно.

Сколько сил восходит из души!
Сколько пропадает бестолково.
Что уж песни – души хороши!..
После им не выдохнуть такого.

ДУРНУШКА

Голубоглазая дурнушка,
куда сегодня держишь путь?
Кротка, уныла, как старушка,
прыцава и носата чуть.

Глядишь в лоснящуюся книжку.
Поправь пеньку своих косиц!
Твоё нескладное пальтишко,
Пожалуй, что не для столиц.

Твой лик, уставший от обид,
и небольшое косоглазье
нарушит лиц однообразье
и вдруг притянет, как магнит...

Но, Боже мой, не плачь, не надо!
Прости, прости за цепкость взгляда...
Губа шевелится, дрожа.
И сердце маленькое сжато.
И вечно согнута душа.

* * *

За окошком идёт старичок,
еле слышно дочурка хохочет,
холодильник, как будто сверчок:
то молчит, то опять застрекочет.

Свет белесый плывёт из окна,
свет белесый от белого света.
И полоска берёзы видна –
вертикальная белая мета.

Тихо-тихо... Лишь время течёт,
затопив нашу старую дачу...
Только сердце от счастья плачет
и от счастья поёт и поёт...

* * *

А чтобы мне себя найти,
а чтобы вправду состояться,
пришла пора не покоряться –
сплошную костью прорасти.

Да, надо, надо закоснеть
и повторять одно и то же.
Оно с того не станет ложью,
но не сумеет умереть.

Я знаю тех, кто дал зарок,
они, бывало, повторялись.
Но каждый иначе не мог.
И в вечности не затерялись.

НА ВЕЛОСИПЕДЕ

1.

Сквозь ельник, потом сквозь дубраву
летел я – мелькали стволы.
И мушек сквозная орава,
как нимб, вокруг моей головы.

А в заросли круглой и сочной
пел дрозд и орал воробей,
и листья, пробитые солнцем,
сверкали окраской своей.

Сквозь солнце и птичьи причуды
промчалась моя борода...
И дождик – не знаю откуда.
И сам я – не знаю куда.

2.

Орешник – зелёные патлы...
Блестящие лужицы – вброд!..
Вот спешился – травы запахли,
и птичий поплыл хоровод.

Забулькало всё, засвистело,
запело, забилося, зажглось...
И тело, усталое тело
сумятице той отдалось.

И мухи, весёлые мухи,
поя и беснуясь вдвойне,
от голода или от скуки
внезапно слетелись ко мне.

Под птичьи счастливые вопли
и муший настойчивый гуд
мои неурядицы глохли,
и я отделялся от пут...
Вил шмель золотистые петли,
а травы упруго цвели,
друг друга толкали и лезли,
рвались и рвались из земли...

Пока я на этой опушке
лежал, опрокинувшись ниц,
всё слышался голос кукушки
среди прочих распевшихся птиц.

Она, не смущаясь нимало,
покуда я в травах дремал,
без отдыха всё куковала...
Я даже считать перестал.

СИНИЦА

Вот так и всё на этом белом свете:
чем живо? – а ведь счастливо меж тем!
Синичка малая – у смерти на примете.
Синичка милая – ты жёлтая совсем.

Крылатая, ну как твои старанья?
Всё кружишься, всё трудишься... Не лень?
Хватает ли тепла и пропитанья
в короткий ледяной ноябрьский день?

А ты поёшь! – и это ль не искусство
и не пример ли нам на все века?
Синичка смелая, о, как ты златоуста,
когда мороз и скована река!

Всё прыгаешь средь веток и средь кочек,
всё мельтешишь, заметная едва.
Распевшийся летающий цветочек,
синичка ясная – комочек божества.

* * *

Подниму от дороги глаза:
вот стоят озабоченно-хмурые
бесконечные зелено-бурые,
чуть в подпалинах серых леса.

Никуда не умеют стремиться.
Им неведомы спешка и страх.
Далеко, далеко от столицы
постоят и умрут на ветрах...

Распростёртые чёрные птицы
равнодушно парят в небесах.

СЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Из голубой и белой круговерти,
где поле, и река, и снежный наст,
я прикоснулся к смерти...
Уже в который раз.

Я долго шёл, часа четыре кряду.
На лыжах за Москвой-рекой бродил.
Вдруг увидел печальные ограды
и скопище могил.

Кресты, кресты сварные
из ржавых, чёрных труб.
Букеты жестяные
стучат на ветру...

За кладбищем, на белизне напевной,
сходящей в бесконечности на нет,
я увидел какую-то деревню
и церкви силуэт.

И я уж знал: мне скоро станет легче, —
забудет слух, потом забудет глаз.
Каких природа мыслей не нашепчет,
каких природа мыслей не подаст!

И мне знаком негромкий привкус счастья.
Я знал его, он был в моей судьбе.
Но с каждым годом чаще всё и чаще
смерть напоминает о себе.

Вот кладбище. Всё ясно, ясно, ясно.
Кто не видал могил в родном краю?
Я подхожу, наверное, напрасно.
И вот стою.

Кресты, кресты сварные
из ржавых, чёрных труб.
Букеты жестяные
стучат на ветру...

* * *

Утро, а всё не светает.
Темень лишь крепнет кругом.
Боль, что во мне умирает,
не возродится ни в ком.

Тихо она отгорает
в мерном теченье минут...
Чувство во мне умирает.
Что ж, и галактики мрут.

Жизнь! Позабытые лица!
Всё обращается в прах.
Только мельчайшей крупнице
спрятаться в этих строках.

ПРОЩАНИЕ С БОРОДОЙ

Ну, куда я с моей бородой?
Что мне делать? – Подумайте сами.
Я давно уже не молодой.
Да и бритые правят мирами.

Но я так к ней сумел прирасти,
рыже-чёрно-седой, нагловатой,
что подумал – уже не уйти
от планиды моей бородатой.

Да! Гляделся я в ней наглцом,
но таскал неизменно с собою...
Отдеру её вместе с лицом,
с надоевшей, нечистой судьбою.

Стану гладок, и сладок, и мил.
Дамы дружно запросятся в койку...
Я её, чуть помучившись, сбрил.
И в пакете отнёс на помойку.

БАЛЛАДА О СКЕЛЕТЕ

Нет! чёрта с два! уж я не постарею!
Я просто так: возьму и не умру!
И распрямлю морщинистую шею,
и кармазином лысину натру.

И модный мумиё вминая в кожу,
и йоговской гимнастикой храним,
в который раз я время облапошу,
в который раз останусь молодым!..

И буду жить красиво и беспечно:
любовь, искусство, гости... Благодать!
А мимо будет время скоротечно,
немилосердно, хамски протекать.

И лет через пятьсот так, через тыщу,
страстями непристойными томим,
я буду молодым до неприличья,
до неприличья буду молодым!..

А коль не удержусь на белом свете,
коль продержаться долго не смогу,
пусть мой скелет при школьном кабинете
стоять с улыбкой будет в уголку.

И, сладко вспоминая о пороке,
я загрущу – Онегину под статью.
Учительница будет на уроке
меня указкой скучно щекотать...

Но верится, но чудится, но мнится,
что всё равно мне не угомониться,
что жар души не сможет так пропасть.
И мой скелет прекрасной ученице
сумеет в скорбном крике в ноги пасть.

Колени ученицы! Ах, как жгутся!
Как хороша она в юбчонке куцей!..
Но тут гербарий пыльный упадёт.
Все закричат, уборщицы сбегутся,
и тучный завуч медленно войдёт.

Учительница гневно вскрикнет: – Ах!
Мою стопу стопою отодвинет.
А ученица, красная, в слезах,
меня руками теплыми поднимет.

О, ученица! милая! люблю!
Но завуч бдит казёнными глазами.
А я стою и клацаю зубами,
и проволокой в фалангах шевелю.

* * *

Как совладать с живучестью своей,
способностью случайной и постыдной,
свой интерес блюсти среди людей
и щель найти, где выхода не видно,
всё рассчитать и вовремя успеть,
и выжить там, где нужно умереть...

СУДЬБА

В этой жизни, стеснённой и шаткой,
разрешу послабление себе,
отдавая поводья лошадке –
норовистой, упрямой судьбе.

Вот взлетает, не чувствуя ног.
Мчит меня через реки и горы...
Вдруг в такие заносит просторы,
куда сам ни за что бы не смог.

ЛОВЛЯ ФОРЕЛИ

1.

В этом лучшем из лучших миров,
где речушка гремит сквозь кустарник,
ловит рыбу счастливый напарник.
И летучая тьма комаров
залепила его накомарник.

Неприметная птица поёт,
льёт в простор золочёные трели.
И, блеснув чешуёй в небосвод,
вылетают на камни форели.
И крючок раздирает им рот.

2.

Кровь с губы. Рот пошире открыла.
Затихает безмолвно в руке.
Ну, чего тебе, глупая рыба,
в этом гадком, худом червяке?

Как, родимая, ты поспешила,
развалила свой рыбий уют.
Ну зачем ты наживку схватила? –
Просто так ничего не дают.

* * *

Раскройте любую газету.
Журнал пролистайте любой.
Прислушайтесь к нашему веку,
к музыке его непростой.

Отбросьте пустую научность,
мудрёных словес вещество,
проникните в самую сущность
страстей, одолевших его.

Уймите своё раздраженье,
вникайте хоть раз, не спеша.
Его торжество и крушение
пусть ваша воспримет душа.

И, мудрый, утонченный житель,
созданье его одного,
вы всё же его полюбите.
Прошу – полюбите его.

Музыку дослушайте эту,
страдая и всё же любя...
Потом отложите газету.
Потом загляните в себя.

* * *

Ветер, голубушек, вей!
Но не рыдай так истошно.
Милое солнышко, грей,
если светить невозможно.
Сердце родное, гори!
Ты так расчётливо тлеешь.
Друг мой, смелей говори:
после сказать не сумеешь.

* * *

За боль, что меня миновала,
за лень, за излишнюю прыть
судьба меня била, карала
и всё ж продолжала любить.

Втравила в тоску, в униженья,
с деньгами брала в оборот...
Хранила лишь дар песнопенья,
который ещё отберёт.

И всё ж позволяла влюбиться.
Явила дочурку в мой дом.
И хлебом даёт насладиться.
Даёт насладиться теплом...

Всё было ни поздно, ни рано.
И я понимаю теперь:
всё было по тайному плану
прихода, расхода, потерь.

Как прежде, живу безоглядно,
неправый кругом наперёд.
Судьба меня лупит нещадно,
но смерти покуда не шлёт.

* * *

Пока ещё всё поправимо!
И жизнь на земле хороша!..
Удачи и радости – мимо,
предела не знает душа.

Всё, всё на земле поправимо
и счастья меня не лишит –
пока ещё сердце ранимо
и муку могу ощутить.

ОСЕННЕЕ

Что же так гложет и точит?
Что так мутнеет твой взгляд?
Что так вороны гогочут,
срут и крылами стучат?

Ветер в полях хороводит,
буйные пляски вершит,
плачет, болезненно воет,
и, обезумев, шипит.

В кости сочится усталость,
в сердце сквозит забытьё
неотвратимо, как старость
и как бессилье твоё.

Болен ли дух истончённый?
Гибнет ли горестный ум?
Мир, как и ты, обречённый,
холоден, тёмн, угрюм...

РОДСТВО

Эй, родные поля и дубравы,
утро ясное, стог и ручей!..
Я люблю вас, деревья и травы,
как своих беззащитных детей.

Обниму эту землю руками.
Даль белесая, сизый простор...
Я люблю вас, озёра и камни,
словно братьев своих и сестёр.

Животворный, целительный воздух.
Ночь светла. Ветерок поутих...
Я люблю вас, планеты и звёзды,
как родителей вечных моих...

Что в основе подобной любви?
Что спасало во все времена?
Мы одной с вами плоти и крови,
и душа у нас тоже одна.

СГУСТОК СВЕТА

Как безводное облачко, пуст,
как стерильная марлечка, чист,
сгусток света дрожит, проплывает.
А внизу задыхается куст,
искривляется высохший лист
и безмолвно его проклинаяют.

Не спасёт ни куста, ни листа...
Даль на небе ясна и чиста,
даль земная рыжа и безводна...
Только всё ж неспроста, неспроста
вновь ниспослана нам красота,
истончённа она и бесплодна,
не спасительна, но благородна.

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ГРУЗОВИКЕ

Ах, зачем это я еду?
Что так зябну на ветру?
То ли море, то ли небо
за холмом? – Не разберу!

Сколько песен перепето.
Сколько нажито грехов.
Сколько грусти, сколько света
от любви и от стихов!

В рюкзаке краюха хлеба,
книга, кислое вино...
Что там: море или небо
за холмами? – Всё равно!

Ещё есть, куда податься,
чистой жизнью пожить,
что лелеять, чем пленяться,
с кем о вечном говорить!

* * *

Снег. Деревья. Белесое солнце.
Тихий свет в ускользящем дне.
Это всё в бесконечность оконце,
что неожиданно открылось и мне.

К этой праздничной, чистой минуте
сердце вышло из злобы и мути...
Небо. Сосны. Снегов забытьё.

Ах, мои непутёвые люди!

ЖИЗНЬ ЛЮБЛЮ БОЛЬШЕ СМЫСЛА ЕЁ.

* * *

Г. Фролову

А когда я сошёл с электрички
и домой зашагал по леску,
нежный голос печальной синички,
нежный заячий след на снегу...
А потом у речного откоса –
дальних бледных домов силуэт,
и церквушка, стоящая косо,
и застывшая в поле берёза,
и небес вечеряющих свет.

* * *

Лёг закат. Самолёт-невидимка
приумолк, нежно краски легли.
И скрываются в палевой дымке
лик и лоно усталой земли.
Эй, грачи! поскорей прилетайте.
Вы, снега заскорузлые, – тайте,
чтоб земле стало легче дышать,
отдохнуть, успокоиться, дайте –
забеременеть ей и рожать.

* * *

Колеблемый временем воздух.
Звенящих пространств кривизна.
Холодные, ясные звёзды –
неведомые письма.

И шорохи, вскрики ночные,
смертей и рождений недуг...
Куда вы, пути мировые? –
Лишь свист да колёс перестук.

ОБЛАКА

Над городом, где лязги, гулы, гамы,
над сонмищем машин, домов и лиц
воздушные раскрашенные храмы
восстали, воспарили, вознеслись.

Лиловостью, и золотом, и медью
дарили мир, потом, как корабли,
неслышно развернулись и, помедля,
за горизонт торжественно ушли.

И город затопила предвечерность,
сочилась в душу каждую и дом...
А храмы тихо уплывали в вечность,
куда и мы невидимо плывём.

ВОЗРАСТ

1.

С каждым годом труднее с людьми говорить.
Даже друга понять, даже сердце открыть.
Даже песню запеть, даже в праздник сплясать,
даже несколько слов о любви написать...

Только в ясные дали лесов и полей
с каждым годом смотрю всё смелей.

2.

И стал суетам менее подвластен.
Пустым скорбям всё менее пригоден.
То ли старею, то ли стал причастен
уже не человечеству – природе.
Прохладной ненавязчивой реке,
камням, полузасыпанным в песке,
ветрам, что исчезают налегке...

СВЯТЫЕ ГОРЫ

1.

Зовёт людей настойчиво корова.
А небо невысоко и сурово.
И августовских листьев хоровод,
довольно редкий, но необратимый,
привычной, но трагической картиной
остановиться мыслям не даёт.
И ветры льют торжественные хоры,
и за листом нисходит новый лист
на мраморный спокойный обелиск.
Святые горы – Пушкинские горы.

2.

Здесь лёгкая гранитность постамента,
неброские строения окрест,
и ближние поля, и дальний лес –
всё это только траурная лента.

И этот древний монастырский храм,
он, белотелый и благочестивый,
стоит один, вздыхает по утрам
над пушкинской могилой молчаливой.

3.

Так небеса домашни и теплы,
так запахи земли теплы и близки,
такие в парках древние стволы,
такие на могилах обелиски.

И до того здесь дышится легко,
и воздух так сгущён и мелодичен,
что мыслей ход стал менее логичен
и на душе немного отлегло.

ПРОЩАНИЕ

С.Д.

1.

Умер легко и без боли.
Умер – навеки исчез.
И без него будет поле,
поле, и небо, и лес.

Даже недоброго слова
больше не слышать ему.
Даже могильного свода
толщи не видеть ему...

Мир, он такой же, как прежде.
Точно такой, как вчера.
Только чуть меньше надежды,
только чуть меньше добра.

2.

Глупая, глупая птица,
петь и кружить перестань.
Дай помолчать и проститься,
слов не находит гортань.

Вот он лежит и не дышит.
Птица, не пой, не кружи!
Мира не видит, не слышит
тело его без души.

Вот он лежит без движенья,
ясный, спокойный, худой...
И не найти утешенья...
разве негромкое пенье
птицы нелепой одной.

СТАНОВЛЕНИЕ НОЧИ

Солнце село. Смолкает село.
Уплыла белобокая туча.
Так спокойно, прозрачно, тепло!
И трубит угасающий лучик.

На высокой сосне возле нас
блик всё выше, красней и короче.
Вот и он растворился, угас.
Началось становление ночи.

Посинела белесая даль.
Показалась луна из-за леса.
Самолёта бордовый дюраль
промелькнул нежной блёсткой прогресса.

А небесная сфера тверда,
фиолет загустел над травой.
И восходит, восходит звезда
и горит над моей головою.

Потемневшей листвою шурша,
ветерок неприкаянный веет.
И светлеет, светлеет душа.
А кругом всё темнеет, темнеет.

* * *

Так вот, как есть – и пускай!
Мы ничего и не просим...
Боже мой, вот уж и осень!
Только ведь был Первомай...

Где же вы, запахи, краски,
нежные горлышки птиц?..
Скомканных дней свистопляска.
Коловращение лиц.

Вот оно, наше бессилье,
слабости нашей приют.
Вижу садов изобилье –
яблоки щедро гниют.

Лёгкая, сизая дымка.
Никлый туман и грязца.
Только покой и улыбка
всё не уходят с лица.

Тускло, и ржаво, и мокро.
Даль – переливы пустынь...
Вдруг... потаённая охра,
нежная, чистая синь...

ПОРА ЛИСТОПАДА

Осень. Пора листопада.
Ветренный день конопат.
Это не стужа – прохлада.
Что ж, я и этому рад.

Есть ещё время до стужи.
Нам горевать ни к чему.
Солнце покоится в луже.
Там и не плохо ему.

В медленной, тихой дремоте
лето уходит на слом...
Что ж, я и сам не в почёте
И не жалею о том.

А средь небесных угодий
облачко плавно плывёт.
Тихая радость в погоде
сердце продрогшее жжёт.

* * *

Обугленная, битая трава.
Озимые – младенческие пашни.
Не до конца опавшая листва.
И мелкий дождь, гнилой, позавчерашний.

Подмокшая, несвежая стерня.
Осенний мир, глухой и молчаливый.
Осенний день, спокойный, некрасивый.
Осенний лес, похожий на меня.

Он тут со мной, неприбранный на вид.
Он тут со мной, поблекший и усталый.
Я шлю ему привет свой запоздалый,
а он в ответ – всю душу мне дарит.

Я с ним брожу, безмолвно говорю.
И он со мной беседует открыто...
Нашли язык – спасибо октябрю.
Спасибо чувству – думал, позабыто.

* * *

Что-то огромное – мимо да мимо...
Возле души только смутно, нерезко...
Вдруг
напролом
проступает из мира,
остро и больно, как кровь из надреза.

Сбито дыханье, натянуты мускулы.
Я умолкаю, смиренно, торжественно...
...Что-то такое послышится в музыке,
чудится в лепете женщины.

* * *

Ноябрьский лес. Почти не видно снега.
Чуть сладкий запах гнили. Тишина.
Ни птичьих голосов, ни окрика, ни смеха.
А наверху небес печальная стена.

И хочется смежить набрякнувшие веки,
и медленно взлететь, и мчаться в никуда.
На просеке следы проехавшей телеги,
в них мёртвые жуки и мёртвая вода...

Но что это? Откуда пенье птичьё?!
Давно пора всем птицам улететь.
Откуда трав зеленое обличье?!
Давно пора всем травам умереть.

Откуда здесь и свежесть, и приятность,
и воздуха густого чистота?
И почему не давит неопрятность
опавшего и мокрого листа?

СВЕТ НЕТЛЕННЫЙ

А всего-то подоплёка
за сумятицей веков –
свет, летящий издалёка
и летящий далеко.

И в нетленном этом свете,
тёплом, чистом и живом,
лес растёт, рождаются дети,
явно пахнет волшебством.

Лёгкий лепет, лёгкий трепет
из тенёт небытия
ускользнул и реет, реет,
жизнь бесценную лия.

* * *

Вы в дымке, далёкие годы,
где бабушка, Сталин, война...
Дух дерзкой, тлетворной свободы.
Всё можно, мы – дети, шпана!

Казалось, что жили отлично.
«Счастливые!» – это про нас.
А как это было трагично,
мы поняли только сейчас.

* * *

Вот облака поплыли, словно думы,
в прекрасном небе нежно-голубом.
Я вижу их, но помню о другом:
о том, что проживаю я угрюмо,
откладывая счастье на потом,

о том, что я не смыслю ни черта,
что упускаю радость в каждом миге,
что мог и я быть счастлив в этом мире,
но нет любви, и совесть не чиста.

* * *

Вот и нам повезло,
если это и вправду везенье,
если это и вправду,
пускай хоть какая, любовь.
Что ж, спасибо судьбе,
нам она обещает спасенье.
Я не стану мешать,
и ты тоже ей не прекословь.
Что ж, спасибо судьбе,
что она подтолкнула друг к другу,
в этот призрачный день
посидеть на скамейке дала.
И свела наши души,
свела наши руки и губы
и в неприбранной комнате
грешные наши тела.

Так отлажена жизнь,
так не просто любви вписаться:
всё притёрто впритык
и расписано всё наперёд.
Месячишко пройдёт,
неужели придётся расстаться?
Месячишко пройдёт,
и куда нас потом понесёт?

Ах, не слушай меня,
ах, не думай, не думай об этом!
Ничего не решай,
и судьбе своей не прекословь.
Нам ведь так повезло
этим долгим, засушливым летом:
если вправду любовь,
ну, пускай, хоть какая, любовь!

Ну а вдруг, ну а вдруг
не пойдут наши чувства на убыль?
И сумеем взлететь
над бессмыслицей скуки и лжи.
Дай мне руку свою,
дай мне плечи, дай робкие губы.
Дай мне душу свою,
и мою, и мою удержи.

* * *

Не борись, не отталкивай ласки.
Ни меня, ни себя не кори.
Не смотри ты с такою опаской
и с тоскою такой не смотри.

Ведь и сам я в себе не уверен:
плоть познаю – души не коснусь...
Ведь и сам я – нет счёта потерям –
полюбить тебя тоже боюсь.

Ты устала, ты жаждешь покоя,
ты желаешь былое забыть.
Всё равно – с красотою такую
ты не сможешь счастливою быть.

* * *

Вот тела твоего блесна
в последний раз блеснула ночью.
Теперь мне суждено познать
страшнейшее из одиночеств.

Теперь дорогами пойду
искривленными и порожними,
пойду вышагивать в поту,
из будущего делать прошлое...

И рухну... Руки протяну.
И прокляну дороги длинные,
прокрикивая тишину
твоим полуушедшим именем.

* * *

Две разных жизни прерывались,
старались о себе забыть
и в чистой радости сливались,
чтоб жизнь и радость породить.
И небу виделись сквозь листья
в невинном, чистом торжестве
два тёплых тела золотистых,
простёртых вольно на траве.

* * *

Где же ты? Что с тобою случилось?
Где ты, моё родное существо?
От той любви ребёнка не осталось,
а значит, не осталось ничего.
Нет, всё же есть, есть призрачная малость –
печали дым сквозит в моей судьбе.
Но жаль, у нас ребёнка не осталось.
Мне – жаль, не знаю, как тебе.
Да письма, письма... Ты хранить старалась.
Твои целы. Мне больно их иметь.
Но жаль, у нас ребёнка не осталось.
Я б так хотел в глаза его смотреть.

* * *

Всё незримой исполнено нормы,
и закон простирает права.
Замечаю неправильность формы:
облака, горный кряж, дерева...
Воля есть, что сгибает пространство,
мир кругом своевольно кроя.
Нет симметрии, нет постоянства...
И любовь так, и жизнь так моя.

* * *

Задумаюсь вдруг в тишине
и лишь головой покачаю:
никто не скучает по мне,
и я ни по ком не скучаю...
На газовом синем огне
согрею вечернего чаю...

Долго сижу за столом,
в грязную скатерть уставясь.
Ссохлась в морщинистый ком
дней моих будущих завязь.

Кружат видения молча:
бабушка, мама и брат,
дядя забытый и дочка –
все, перед кем виноват.

* * *

Этот ближний лесок нездоровый,
жилмассив, резкий смех детворы,
пень гнилой рыже-черноголовый
отвлекают меня до поры.

Беловатая сырость на небе,
чёрно-серая голость стволов,
лягушачье живое отребье –
для рассудка полезный улов.

Банки, грязь, воронья злые карки,
лужи, старый башмак, комарье –
всё не Бог весть какие подарки,
но смиряют тщеславье моё.

* * *

А в этой важной области
не существует спора –
хватает в мире подлости,
хватает лжи и горя.

Но не хватает малости –
она не в нашей власти.
И сходим в ад от старости,
а лучше бы... от страсти.

БРАТЬЯ МЕНЬШИЕ

1. КОШКА

От луны по асфальту дорожка.
Тучи сдвинулись, дождь унося.
Тонко-тонко мяукает кошка,
что-то тщетно у неба прося.

Что ты стонешь? Что просишь у неба?
Что рыдаешь, давясь и хрипя?
Может, вынести корочку хлеба?
Может, просто погладить тебя?

В веке космоса, веке науки,
как упрёк непонятно кому,
слышу я эти скорбные звуки
в полуночном, притихшем дому...

А на улице всё не светает.
Кошка тоненьким криком кричит.
Выхожу, а она убегает
и скрывается где-то в ночи.

2. БАЛЛАДА О ПОРОСЁНКЕ

Нежный хрюк и восторженный визг
ежедневно будил на заре.
То хозяйский парась выходил
на прогулку на нашем дворе.

Скрип и шорох прохватывал дом,
пели балки, обвалом грозя:
это он, позабыв обо всём,
тёрся боком об острый косяк.

Как дрожал, как подпрыгивал он!
Сколько нежности вкладывал в крик,
если пойло, вонючий бульон,
нёс абхазец, горбатый старик...

А ещё через четверть часа
он спокойным и ласковым был,
и смиренно смотрел в небеса,
и мочил тёмно-серую пыль.

И опять вдруг смеялся, кричал
от подруги, еды и питья...
Сколько радости он получал
от простого того бытия...

Я живу, свою лямку влачу.
Если честно сказать – ничего!
Только изредка всё же хочу
жизнелюбья и страсти его.

Чтобы утром до солнышка встать,
потереться спиной о косяк,
помочиться и вдруг завизжать
наподобье того поросья...

Но потом, вспоминаю, потом –
на заре, среди солнечных брызг –
я услышал на нашем дворе
раздирающий внутренность визг.

И когда этот визг, этот крик,
представленье о мире круша,
перешёл в затихающий хрип –
отошла поросьячья душа.

Я заметил в тот длительный миг
над травой сверкающий пар...
А потом шёл абхазец-старик
с торбой мяса на старый базар.

Я не знаю, кто мясо купил,
что сготовил из мяса того...
Поросёнок, он праведно жил.
Дай Бог жить так едящим его!

3. БАЛЛАДА О БЫЧКЕ

Воздух влажен. Жара нарастает.
А бычок, что средь луга стоит,
так траву, так траву уплетает –
аж ушными хрящами хрустит...

Ешь, мой милый! Недолго осталось.
Травка, лужи да тёплая грязь...
Скотобойня замешкалась малость,
скотобойня тебя заждалась.

Тёплый, масляный взгляд волоокий...
Добротою глаза налиты...
Ешь, бычок, этот клевер высокий,
подъедай и траву, и цветы.

Всё в порядке, судьбой не обойдён –
можно есть, можно спать, можно пить...
Ты к тому ж, безусловно, свободен –
вкруг кола на верёвке бродить...

Он зевает протяжно и тяжко.
Звучно лужу нагретую пьёт.
Производит коровьи кругляшки.
Взгляд туманится, слюнка течёт.

Жизнь, как пишут поэты, права.
Даль открыта, река голубеет.
Ах, как солнце сверкает и греет!
Как сладка и зелёна трава!

4.

Жук-плавунец, как Иисус Христос,
по луже побежал, гоня мушек,
чем вызвал восхищение лягушек,
в них породив смятенье и вопрос.

Черняв, усат, в расцвете жучьих сил,
по водам прошвырнулся, как по суху...
Но подвига, увы, не совершил –
ни подвига телес, ни даже духа.

5. СОБАКА

Вот где ты бродишь, миляга!
Свидеться вот где пришлось.
Здравствуй, соба-ка, соба-а-ка!
Мокрый твой кожаный нос.

Что ты так смотришь, моргая?
Вновь не везёт? Полоса?
Ах ты, родная, родная,
как загноились глаза!

Тишь. Ветерок над рекою.
К небу возносится тьма.
Кажется, мы тут с тобою
медленно сходим с ума.

Шерсть на тебе стала мокрой.
Мутные слиплись глаза...
Что ты так смотришь, так смотришь?
Хочешь мне что-то сказать?

.....

6. КОРОВА

Шли рыбаки с садками без улова.
Светилась даль, беспечна и крива.
В тенёчке рядом прилегла корова,
зевая от избытка естества.

Вот еле встала, вымя подняла,
от напряженья жвачку отрыгнула.
Плывать не стала – за щеку взяла,
подумала и снова заглотнула.

Потом проплыла, бёдрами качая.
Неторопливо. В ореоле мух.
Меня туманным взглядом привечая,
ища свою старуху среди старух.

7. КОТЁНОК

Я в этот день занемог,
вечером дома остался.
Мрачно сидел одинок,
мрачно к себе придирался.
Вдруг запищал и прижался
тёплый, пушистый комок.

В мареве полупотёмок
я на него поглядел:
этот нахальный котёнок
ласки моей захотел!

Я его – шлёп! – по спине,
в скучную книгу уткнулся...
Он убежал. Но вернулся –
на руки впрыгнул ко мне.

Блюдцами глаз заблестел,
весь замурлыкал, распелся...
Душу мою отогрел,
сам у меня отогрелся.

8. ВО ДВОРЕ

Кот дремлет на мусорном баке,
весёлая птица поёт,
и бабочка скромно летает...

Но бабочку птица сжирает.
Кот прыгнет и птицу сожрёт.
И еле сбежит от собаки –
цепь воздаянья прервёт.

ПОЭТ

1.

Душа твоя за годы собрала
тоски и счастья, боли и красот.
Душа твоя от жизни зачала,
и скоро понесёт.

2.

Всё выходило, что не дострадал
и что опять на нём живое мясо.
И снова от удара упал,
не успевая на ноги подняться...

И начинал он смутно понимать,
что так и будет – никуда не деться,
что лучший человек, наверно, мать
и лучшая пора, наверно, детство.

Что так и будет, если не добьют,
что обуха – перешибают плетью...
И вдруг огромных несколько минут,
простых и светлых, – сквозь десятилетье...

3. ВЕЛЕМИР

И попытался он всерьёз
без ухищрений и оглядок
строкой, где муть и беспорядок,
хаосом – исчерпать хаос.
И мощь таинственной строки,
её неузнанная сила
коробила его стихи
и в жизнь его переходила.
И странных слов за рядом ряд,
их конвульсивное движенье,
как будто страсти изверженье,
любви и мысли камнепад...
Вздымалось духа вещество –
нагорья, каменные гряды,
непроходимые громады...
И невозможный путь его.

ДИРИЖЁР ПРОСТРАНСТВА

Любил взобраться на Кавказ,
на край хребта свирепый
и запрокинуть пару глаз
в разверзшееся небо.
Он слушал там астральный хор
и зрел звезды обитель...
То был пространства дирижёр
и неба повелитель.
И поворачивалась высь.
Он взмахивал руками –
и горы вокруг него неслись
вослед за облаками.
И, криком облегчивши грудь,
взлетал, раскинув локти.
И мчал, и мчал сквозь Млечный Путь,
среди звёзд и среди Галактик.

* * *

«На свете счастья нет, но есть покой и воля...»
Покоем я и волей не богат.
На свете счастья нет, но есть река и поле,
что каждому отпущены стократ...

Но редко выпадает эта доля.
И в этом я один лишь виноват.

* * *

Солнце милое, мир просыпается!
Разгалделись скворцы и щеглы.
На пригорках трава поднимается,
налились и набухли стволы.
Лай собак, синева и гармошка...
Солнце милое, мир принимай!
Пол-России сажает картошку.
Нежный, тёплый, парной Первомай.

ОЖИДАНИЕ АПРЕЛЯ

Нетронутых далей колеблемый пар.
Снег старый, зернистый, неплотный.
И солнца разбухший, дымящийся шар,
и перистый след самолётный.

Нагие берёзы в излучке реки
молчат в ожиданье апреля.
Какие-то птицы, снегам вопреки,
льют чистые, нежные трели.

Незримая сила в берёзах живёт,
когда этот март на исходе,
и почка, раздувшись, как женский живот,
дурманом и соком исходит.

ПЕРВАЯ ПОЧКА

Как солнце снега колошматит!
День жёлт. Он лучами прошит.
Один сумасшедший комар-маразматик
уже надо мною кружит.
Всё лужи да грязь, да снегов оторочка,
детишек и птиц мельтешенье и свист...
Вот с грохотом лопнула первая почка,
и режется новенький лист.

* * *

Вот они, эти райские кущи,
этот утренний царственный звон.
Вот земля, я не видывал лучше!
Вот где счастье черпать испокон!
Всё едино – трава и ромашки,
палисадник и старый сарай,
небеса, и холмы, и овражки...
Тут, и правда, всамделишный рай!
И какая-то ранняя птичка,
что стремглав улетает в зенит,
чирканёт о пространство, как спичка,
и литое пространство звенит...
Что со мной, что со мною творится?
И за что столько счастья дают?
Вот щекастые детские лица
в белом облаке песню поют.
И ничто на земле не замято.
Зло мирское увидеть – тщета.
Возлежат и гуляют телята.
Как ни сдвинутся – всё красота!
Всё вокруг бесконечно и вечно,
всё рождает немеркнущий свет:
небеса, и пригорок, и речка...
Только мне бесконечности нет.

* * *

Стою между берёзками, как пастор.
В глазах у них – и доброта, и святость.
И солнце золотит их алебастр
сквозь изморозь туманную и ватность.

Я начинаю медленную мессу.
Потом они вступают тихим хором...
И долго-долго молимся мы вместе
за утомлённый, мечущийся город.

МАК

Окошко. Штакетник невзрачный.
Барак и земли лоскуток.
Молчащий, сверкающий, мрачный,
весёлый и страшный цветок.

Из зелени, из позолоты –
как кровь, как огонь, как напасть...
Сквозило в нём царское что-то:
величье, гордыня и страсть.

Глядел прихотливо и жутко.
Пчела собирала медок...
Не хватит, не хватит рассудка
понять этот вечный цветок.

Цветок из трагедии древней,
проникший под отческий кров,
в заброшенной русской деревне,
как в герцогстве средних веков.

* * *

Открытое окно под самой крышей,
захлавленный участок под окном
и среднерусский шум. Его я слышу.
Он оживает в существе моём:

коровы, самолёты, петухи –
тот незабвенный гомон подмосковный...
Родной пейзаж в излучине реки.
Родной пейзаж, весёлый и неровный.

Горластых птиц скандал и щебетня.
Собранье их на ветке у окошка.
Собака лает около плетня
на самолёт, на курицу, на кошку.

А небо в тех прохладных длинных днях
синеет так бессовестно и дико,
как васильки в неубранных полях,
как небо на холстах Фра-Анжелико.

И солнце проникает сквозь листву,
которая совсем уж поредела.
И мнится мне, что я уже плыву
в те небеса, за всякие пределы.

* * *

Колеблющийся стрекот самолёта,
мужские голоса из-за реки,
да мечущейся птицы резкий посвист,
да надо мной кружащийся комар...

Но самолёт уплыл и растворился,
и голоса из-за реки пропали,
и взбалмошная птица приумолкла.
И тишина... Звучит один комар.

* * *

Я был вознаграждён, за что – не знаю:
земля моя, окрестная, живая,
по мне истосковавшись и любя,
так щедро отдавала мне себя.
Она меня нисколько не смущалась,
она травой прохладной прижималась,
и омывала чистой рекой,
и ягодой сладчайшей целовалась,
и сонно и счастливо улыбалась,
и навевала ясность и покой.

* * *

В. Лукьянову

Тайная жизнь полей.
Ветер скребёт по озимым.
Заяц меж серых стогов,
как привиденье, скользит.

Шорохи, стуки ветвей.
Тайны осеннего леса.
Листьев прощальная месса.
Птицы исчезнувшей писк.

Тайна молчащей земли.
Тайна вечерней природы,
Тайна родного народа.
Тайные мысли мои...

* * *

Этот цветок полевой,
словно страданье ребёнка –
так же пронзительно чист.

* * *

Я здесь брожу по доброй воле,
турист из недалёких мест.
Река и луг, река и поле
в дожде, сомкнувшемся окрест.
Коровы долгий баритон
и голос дальний человеческий
ушами втягиваю, ртом
и сердцем. И как будто лечит
меня нехитрый сей уклад
старинной жизни деревенской.
Как будто лечит от утрат
любви отеческой и женской.

* * *

Редкий лесок. Молчаливая стужа.
Поле. Заката черта.
На рыжих, присыпанных листьями, лужах
почиет сама красота.

Птицы неведомой чистые блёстки.
Матовый свет. Небеса.
Воздух прозрачный, туманится воздух,
словно родные глаза.

Поздняя осень – тут нету худого.
Палые листья. Гнильца.
Словно прекрасного, немолодого
в том отраженье лица.

Птица поёт и покой навевает.
Солнце прощально блестит.
Жаль, что бессмертным ничто не бывает.
Миг. Паутинка летит...

ПРОГУЛКА С ДОЧКОЙ

Откуда столько терпкой сини
на небе в этом ноябре?
Идут пушистые гусыни,
трясут задами во дворе.

Блестит ледок на мелкой луже,
косое солнце светит влать.
И синева сочится в душу
и надо мной имеет влать.

И, взявшись за руки, по кругу
мы нашим двориком идём
и улыбаемся друг другу,
и тихо песенку поём.

ЛУЖА

Лужа лесная зелёного цвета,
синий, заблудший цветок,
что же, прощайте, прощайте до лета —
время свершило виток.

Тихо. И нет травяного народа.
Сгинул древесный народ.
В луже холодной шевелится кто-то —
там лягушонок живёт.

Мёрзнет вода, и с последнею силой
водит он длинной ногой...
Как же ты выживешь, маленький, милый,
слабенький мой, дорогой?

* * *

Тот горьковатый аромат
листвы, которую сжигают,
опять наполнил закрома
души и к горлу подступает.

И проникает холодок,
сухой и тонкий, мне под спину.
И мыслей взбалмошный ледок
смерзается в сплошную льдину.

ГРИБ

Я листву у корней разгребаю,
потаенную чувствую суть,
нежно глажу рукой, открываю
гриб прохладный, как женская грудь.

Две травинки льнут ветошью пляжной,
а под ними живым бугорком –
налитой, несгибаемый, влажный,
с абрикосовым лёгким пушком.

Гриб нахальный, отчаянно смелый
исподлобья глядит на меня.
Белый гриб, боровик загорелый
на исходе дождливого дня.

В этой жёлтой берёзовой роще
среди листьев, что всё погребли,
вот он, вот! – боровик мой хороший,
как напрягшийся мускул земли.

* * *

Ах, какие чистые деньки
придержала осень напоследок!
Я надену завтра сапоги,
в лес пойду, зажгу костёр из веток.
Посижу, на пламя посмотрю.
Станет и беспечно, и крылато.
Да негромко песню запою,
да сварю супец из концентрата.
Буду тихо думы ворошить,
на небо белесое взирая...
А потом пойду себе бродить.
Может быть, грибов пособираю.

* * *

Нежная озимь во льду.
Лёгкая изморось с неба.
В этом проклятом году
так и не выпало снега.

Ссохлась, слежалась земля –
комья запекшейся грязи.
Бедные эти поля
сжались в печальной гримасе.

Вот и свалилась беда,
связи времён разрушая.
Дождь, гололёд, холода...
Нечего ждать урожая.

Сердце, ты бьёшься в груди?
Ты не болеть не умеешь.
Снег, дорогой, приходи!
Может быть, всё же успеешь.

* * *

Висят на верёвке рубахи –
подобье жестяной стены.
Вороны, как злые собаки,
на улице голой слышны.

Конец ноября. Воскресенье.
На улице мёрзлая грязь.
И не обещает спасенья
небес тёмно-серая бязь.

Пустынно и холодно. Дует.
Бесцветно. Уныло. Мертво.
Забывшись, снуёт и кочует
больное моё существо.

ВОЗДУХ ОСЕНИ

В. Субботину

Тонкие, чистые свисты синиц...
Редкие вскрики неведомых птиц.
Жухлые травы, гнилые листья.
Блѣклые, чуть голубые цветы.

Вся облетела, опала листва.
В дымке сквозные стоят деревья.
Шепчутся тихо, качаясь едва.
Кругом идёт голова.

В графике этой совсем уж простой
воздух тончайшей сквозит красотой.
Вечер, душой не моей ли согрет,
льѣт истончѣнный, серебряный свет.

* * *

На белом свете – серый свет.
Нет солнца, снег под деревьями.
Но этот свет и этот снег
как будто говорят словами.

И весело блестит ледок,
приклеившись к траве зелёной...
Трепещет лист испепелѣнный,
жестяный серенький листок.

Кругом пустынно и мертво –
лишь снег, и лёд, и увяданье.
Но замечаю без страданья
зимы и смерти торжество.

Туман, что плыл, как молоко,
свернулся, обратился в иней.
И снова видно далеко,
и снова на сердце легко,
хоть небо и не стало синим.

РЕЧКА НЕЗНАЙКА

Я знаю, где тёплый, как в детстве,
ледовый и снежный уют,
в каком ледяном королевстве
синицы так громко поют.
В какой ослепительной смуте
зелёные, синие льды,
и белые маки на прутьях
торчат из замёрзшей воды.
А выше, бесстрашен и тонок,
застыл у прибрежной гряды
прозрачный и хрупкий лосёнок,
зажмурившись от красоты.

* * *

*... Мир не закончен и не точен.
Поставь его на пьедестал
и надавай ему пощёчин,
чтоб он из глины мыслью стал.
Н. Ушаков*

Пластмассы рвань да ржавое железо,
разводы нефти в чахлом камыше...
Наш мир попал под ступицу прогресса.
Он, может, не поднимется уже...

И ты, поэт, не будь упрям и точен,
в своей душе гордыни не носи.
И миру не отвешивай пощёчин,
лишь, как ребёнка, на руках носи.

И не спеши судить, что в мире лучше,
какой прекрасней – жёлтый, голубой?
Ты лишь люби, ты лишь смотри да слушай.
Он, может, поумнее нас с тобой.

МОРОЗ

Холод всё пропитал и пронизал.
Смёрзся воздух. Немеет рука.
Снег лежалый доходит до визга,
вырываясь из-под сапога.

Тонут лица в клубящемся паре.
Ломит зубы. Болит голова.
В подступающей тьме, как в пожаре,
от мороза трещат деревья.

Мгла комками проносится мимо.
Ветер жжёт, вышибает слезу.
Мир клубится. Луна недвижима
в тёмном небе стоит на весу.

И ликует в бесовском веселье
леденящий, хрустящий мороз,
переполнивший воды и землю,
достигающий неба и звёзд...

А под настом, под снегобетоном,
где личинки, грибницы, трава, –
дух таинственный, звук потаённый
притаившейся жизни канва.

* * *

Петуший крик, вороньи хороводы,
лесная даль, заснеженный предел...
Всё это я подслушал у природы,
всё это у природы подглядел.

Каким огнём душа моя объята?
С окрестным миром чувствуя родство,
как алчный вор – любитель плагиата,
гляжу на мир и слушаю его.

И червь манит не менее, чём звёзды.
Я отовсюду что-нибудь извлёк
и лишь чуть-чуть сам вырастил и создал
того, что мир создать так и не смог.

Уходит вдаль пустынная дорога.
И, обходя житейский бурелом,
я о себе поведаю немного,
о горе и о счастье своём.

И нет мне в том печали и мороки,
чтоб каждый день, страдая и любя,
природу перекладывать на строки,
на строки перекладывать себя.

* * *

Раздвигаю мордой ветки,
словно лось или медведь.
Словно вырвался из клетки,
чтобы слушать и смотреть,
чтобы вдосталь надышаться,
набродиться, налюбить,
чтобы жизни поднабраться
и души поднакопить.
Лес глаза мои смиряет.
В блеске, ясности, тиши
что-то злое умирает
в глубине моей души.
В небесах плывёт без звука
длинный, толстый самолёт,
а синичка возле уха
свистом тоненьким поёт.
И, закону неподвластный,
словно древний человек,
ощущаю мир прекрасный,
это небо, этот снег.

* * *

Снова молю тебя, Господи,
не обрывай эту нить.
Дай пошататься по городу,
дай по леску побродить.
Дай излечиться от гордости.
В сердце всели благодать.
Шли мне удары и горести,
чтоб научиться страдать.
Звёзд драгоценные россыпи...
Песен щемящая боль...
Поудивляться дай, Господи,
поулыбаться позволь.

ВОРОНЫ И ВОРОНЫ

1.

Поле снега – плавное до неба.
Горизонт расплылся и замолк.
Тихий белый мир. И так нелепо
прыгнул грузный встрёпанный комок.
И закаркал, крыльями шурша,
как обман, безжалостен и чёрен...
Белый мир – чистейшая душа.
Где же ты скрывался, чёрный ворон?

2.

Эта тёлочка на поле зелёном
всё зелёную травку жуёт...
Этот ворон на столбе воронёном
изолятор стеклянный клюёт...
Эта тёлочка на поле на травном
всё о счастье, о счастье твердит...
Этот ворон на столбе телеграфном
всё над тёлкой над глупой острит...
Чистит клюв, усмехается ворон.
Чёрствый карк застревает в крови...
Он толкует о смерти о скорой...
Ну, а тёлочка – о скорой любви...

3.

Здравствуй, старая ворона!
Как твои дела?
Ты кого там с небосклона
целый день звала?
Потеряла воронёнка?
Ворон твой сбежал?
Что ты каркаешь так громко,
чёрт тебя бы взял?
Тишину всю искромсала,
душу рвёшь мою!..
– Ничего, – она сказала. –
Это я пою.

4. ПАРТИЯ «ЕДИНЫЕ ВОРОНЫ»

Уж не тыща ль картавых ворон
на ветле возле старого зданья
собиралась с различных сторон
на воронье своё заседание?
Гомонили упорно и зло,
от волнения слегка подлетали.
Словно что-то их изнутри жгло,
люто каркали и гоготали.
А потом загалдели... снялись,
зная, решил что-то чёрный их кворум.
Долго выли, гнусавили хором...
И очистили синюю высь.

5.

Дыханья лёгкий пар. А рядом в старом доме
пар валит из дверей. Замёрзшее стекло.
Мороз дерёт лицо и переносье ломит.
И только на душе – спокойно и тепло.
А на снегу сидит, исполнена страданья,
ворона, до костей продрогшая насквозь.
И голосом глухим, простуженной гортанью
скрежещущий звук роняет на мороз.
Скрежещущий звук – неведомое слово.
Но мы его поймём, поймём, коль захотим:
от той вороны пар, что от всего живого,
и перекошен клюв отчаяньем немым.

6.

Их рой надо мной колготится.
В их криках звучит торжество.
Хотят эти чёрные птицы,
как вижу, мяса моего.

Пора – говорят, мол, – иному
на этой земле прорасти.
И новому телу живому
в пространство и время войти.

* * *

Вот иду я, себя не неволю.
Никому на земле не видим,
по снегам, по бескрайнему полю,
как по жизни, иду я один.

Сбоку брезжит лесочек бесплотный...
Колотьё ощущаю в груди...
Ветер, холод да звук самолётный,
да один огонёк впереди.

Шаг за шагом ступаю упорно –
в мирозданье, в холодную тишь...
В полумраке, по тропке неторной,
без лыжни да ещё и без лыж.

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Апрель! Апрель! – приметы верные.
Я вижу, как и там, и тут
старушки с веничками вербными
все к храму Божьему идут.

Грачиный грай, земля распахнута.
В канаве серый снег с гряздой.
И ветерок гуляет бархатный,
ласкает душу и лицо.

И дали свежие за реками:
поля, холмы, туманный лес.
И солнце отварною репою,
вовсю дымящее с небес.

А мимо всё идут несмелые
старушки из глубы веков.
Вкруг храма их платочки белые
взамен истаявших снегов.

ПОСЛЕ МОРОЗОВ

Ах, как быстро вспомнили уют!
Как легко опомнились от жути!
Птицы, те, что выжили, поют,
цепкие, живучие, как люди.

Видно, птичья память коротка,
видно, помнить горе не умеют...
Им ещё погибнуть, а пока
пусть поют, влюбляются, пьянеют.

* * *

Собачий лай да грай грачиный.
А больше звуков нет.
Чернеет лес, вода в лощине.
С небес лавиной – свет.

И воздух влагой пересыщен,
просвечен добела.
Душа не страждет и не рыщет,
душа моя светла!

И тихо-тихо, тихо-тихо
(уж звуков вовсе нет)
невдалеке стоит лосиха,
уткнула морду в снег.

И словно дымом, лёгким дымом
размыта акварель.
И жаль секунд, скользящих мимо,
похожих на капель.

СЕЛО КОВДА*

1.

К Северу краски стихают,
тише, степенней народ.
К Северу песни слагают –
словно природа поёт.
Силой и честностью веет,
веют глаза синевой...
К Северу люди светлеют
от белизны снеговой.

2.

И вот засветился, встречая,
поплыл вокруг моей головы
лиловый мазок иван-чая
среди зелени и синевы.
И что-то в душе шевельнулось,
зажглось, засмеялось, рванулось
и в нежном поплыло дыму...
И солнце с небес улыбнулось,
и я улыбнулся ему.

3.

Валун, врытый в землю, дебелий.
Насупленный северный вид.
Грунт скальный, гранитный, замшелый –
бугристый рябой монолит.

Пейзаж заскорузлый и косный...
Но это лишь мнится... Зато
цепляются красные сосны
корнями не знаю за что.

Зато полыхает рябина,
озёрная плещет вода.
Зато красота нестерпима,
и мощью земля налита.

Зато рвётся ввысь беззаветно
могучий и слаженный хор
тумана, и камня, и ветра,
лесов, водопадов, озёр.

4.

Это серое небо приемлю.
Эти холод и голод стерплю.
Эту хмурую, грустную землю
до сердечного спазма люблю.
Ветер воет, шипит двое суток,
сеет дождь с беспросветных небес.
И пейзаж обнажается, жуток,
там, где поле, посёлок и лес.
Только тёплое чувство не тает
от отсутствия благ и красот.
И любовь, что была, не сникает,
не сникает, а только растёт.

5. СЕВЕРНАЯ ПЕСНЯ

Очищение мысли и духа.
Как падёт вечерами роса,
на крылечко выходит старуха,
в небеса воздевая глаза.

И поёт сквозь туман беломорский
в нелюдимый, тяжёлый пейзаж,
где домов светло-серая горстка,
и деревьев и скал ералаш.

Сколько нежности, грусти и горя!
Как могуче, вольготно, светло!..
То ли песня – как Белое море,
то ли море, как песня, легло.

И пронзает мне душу укором
этот взгляд голубой поморян,
этот старческий голос, который
в беломорский взлетает туман...

6.

Редкий свет. Одинокая птица.
Ветер в соснах мелодии льёт.
Колокольчиков детские лица,
да в пустых небесах самолёт.

И прохладно, просторно и дико.
Мягкий ягельник глушит мой шаг.
Чуть мерцает брусника, брусника...
А душа – как огромный светляк.

7.

Здравствуй, сторонка застылая!
Я навидался всего.
Кроме тебя, моя милая,
нет у меня ничего.

Нежностью сердце затоплено.
В счастье попался, как в сеть.
Нежности столько накоплено –
хватит по самую смерть.

---

* Ковда – старинное поморское село неподалёку от Кандалакши. Названо по имени реки Ковда, впадающей здесь же в Белое море

ТОСКА В ИЮНЕ

И снова тополиные снега
легли на плечи тонкие июня.
Взлетела прошлогодняя тоска –
владычица моя, моя летунья.

Она весь год скиталась по лесам,
невидимая, гордая, немая.
Она крылом заденет по глазам
и улетит... Надолго ли? Не знаю...

ПОЛУСОН

В какую-то страну я занесён.
Мне хорошо, как будто я любим.
Не упустить бы этот полусон.
Как перископ, сознание над ним.
И всё обрёл, чего душа желала.
Замедленная плещет тишина.
И проникает через одеяло
белесая и тёплая она.
И плавниками шевелят виденья.
Плывёт и ускользает потолок.
И вот я сплю. Ни голосов, ни теней.
А рядом – мир,
огромен и далёк.

ПОЛЁТЫ

1.

Опять пластинка заиграла,
и звуки чистые хорала
по пыльной комнате вились
и разрастались вширь и ввысь.
И потолок приподнимался,
и остов дома раздавался,
и я растерянно старался
улыбку спрятать и взлетал.
Окрестный мир был прост и светел,
и вид небес меня приветил.
Гармонии незримый стебель
незримо в душу прорастал.

2.

Я иду по июльскому полю.
Я иду по колёно в цветах.
Ощущаю пространство и волю
и пружинную лёгкость в ногах.
Я пытаюсь взлететь – и взлетаю!
Нет ни веса, ни страха, ни лет.
В белом облачке медленно таю,
превращаюсь в серебряный свет.

Совершаю небесное дело...
А внизу, в закоулке земли,
в пыльных травах усталое тело
да потёртые кеды мои.

3.

Круговерть продолжала вертеться,
снег метался на уровне стрех,
колыхался, но если взглядеться,
он с земли поднимался наверх.

Гомонили ветра, лопотали.
Я глядел, напрягая глаза,
как снежинки, кружась, взлетали,
возлетали к себе в небеса.

Ну, а дальше был случай потешный:
всю отринув сумятицу дел,
спину выгнувши, руки воздевши,
я за ними, как был, полетел...

Вот уже к облакам подлетаю,
облака рассекаю локтём.
Вот из облак гляжу – наблюдаю
свой панельный, обшарпанный дом.

Вот ведь – думаю – прожил полжизни,
под шумок полсудьбы отмотал...
И тоска – из одной укоризны:
мог летать! – никогда не летал!

И покуда к земле не вернулся,
на небесном помедлив пути,
думал: вот! к облакам прикоснулся
и не жалко из жизни уйти.

СКАЗКА

Помню те года весёлые
(может, правда, может, ложь):
подружилась жаба с голубем –
и водой не разольёшь.

Подружилась жаба с голубем
так, на памяти моей:
вместе жили, пили горькую,
завели себе детей...

У болота под осокою
до сих пор они живут.

Поздней ночью в тьму глубокую
вместе плачут и поют.

Вместе плачут, песню мучают.

Каждый портит, каждый врёт...

Только песня та живучая
всё звучит, не пропадёт.

ГУСЬ

Давясь от злобы неуёмной,
за мной бежал по мостовой
седой и злобный гусь огромный,
гусь со змеиной головой.

Шипел, выкручивая шею,
кричал гугниво, подлетал.

И не было его мерзее,
хоть мерзостей я повидал.

Клюв раскрывал в остервененье.

Два красных глазика-клопа
меня сверлили. Оперенье

своё взъерошил у горба
и вдруг настиг у поворота.

Шипел, терзал, крылами бил...

Как будто знал за мною что-то
и счёты личные сводил.

ВДРУГ ЗАМЕЧАЕШЬ...

1.

Вдруг замечаешь невольно:
как же, наверное, больно
травам, цветам и камням!
Может, больнее, чем нам.

Больно запруженным рекам –
я это стал понимать.
Больно апрельским деревьям
ветви нагие терять.

Кто же за это в ответе?
Больно прекрасной планете.
Что же мы с нею творим!
Сколько мы слов говорим!..

2.

Милые травинки да деревья,
я помню вас, я к вам ещё приду...
Но что с тобой стряслось, глухое время,
зачем ты губишь эту красоту?

Вражда и страх, озлобленность и войны,
и милосердья тоненькая нить!..
Я вижу пилорамы, скотобойни...
А мы друг друга силится хранить!

3.

Старинный лес академичный,
где зайцы и перепела...
Здесь матюгом шибает зычным
и зло визжит бензопила.

Пейзаж разгромлен и разрушен.
От страха дерево кричит.
Бензопила с названьем «Дружба»
его с корнями разлучит.

И чтоб прикончить мир сей слабый,
зелёный, искренний мирок,
сюда протянуты ухабы
заготовительных дорог.

Родная, тихая природа,
где заячий и лосий след...
От гусеницы вездехода
спасенья в этом мире нет.

4.

Когда промозглые листы
срываются, несутся в поле,
чего ж роптать на злую долю
свою? – Не жалуйся и ты.

Земное дикое нутро
вулкан исторгнуло над морем...
А ты всё пищей недоволен,
глядишь тоскливо и хитро.

Взгляни на высохшие реки,
на вытоптанные цветы...
Какая убыль красоты!
...И помолчим о человеке.

5.

О, как бы ликовали божьи твари:
все звери, рыбы, птицы и деревья,
когда б с лица земли ушёл последний,
пускай святой и добрый, человек.

Лишь моль да аскариды огорчатся
да затоскуют бедные собаки.
А жаль собак – теперь дичать им снова,
а таксам и болонкам – умирать.

А ты, Вселенная, ты, старый хитрый Космос,
ужель тому обрадуешься ты?

* * *

По воле взбалмошного рока
из тысяч вымелькнули лиц
два погорельца, два банкрота –
под крышей временной сплелись.

И медленно кровать скрипела,
скрипела медленно кровать.
И тело незаметно пело,
чтоб незаметней умирать...

Но так чиста была бесслёзность,
незамутнён и светел взгляд...
И долго не вступала ложность
каких-то слов, каких-то клятв.

* * *

В космический, атомный век
я вспоминаю вновь и вновь:
МОЯ СПЕЦИАЛЬНОСТЬ – ЧЕЛОВЕК,
моя религия – любовь.

И я душою не кривлю,
и это крест судьбы моей.
И я безропотно люблю
зверей не мене, чем людей.

Люблю деревья и траву,
далеких звёзд упорный свет
и сердцем чую наяву,
чего для зренья вовсе нет.

Боюсь спугнуть, не удержать
в любом предмете волшебство.
Боюсь вникать, боюсь дышать,
боюсь совсем сгубить его.

БАБЁШКА

Как посмотришь – обычная квочка –
так, бабёшка, не знаю чего.
Только сердце – бездонная бочка.
Вот и пьют, вот и пьют из него.

Вот и пьют. А она и не гонит.
Не пойму я: как можно так жить?
Чем испитей душа – тем бездонней:
проходимца водою поить.

И взлетает к любви без опаски,
не лукавя в смертельной игре,
возрождаясь, как птица, из сказки
и сгорая опять на костре.

Вот уж прядь появилась седая.
Ходит в старом, немодном плаще.
А любовь – всё такая ж святая –
что водица в священном ключе...

Как же дальше-то, милая, милая,
среди злобы и скуки людской?
Сколько силы в тебе! Сколько силы!
Взгляд заплаканный голубой...

* * *

Всех запомнил, кто тебя обидел,
всех, кто задал каверзный вопрос.
Глубоко и честно ненавидел
всех, кто боль когда-нибудь принёс.
Ну а тех, над кем ты сам смеялся,
тех, кого задел и обхамил,
тех, кому помочь не догадался, –
не забыл?

РАЗГОВОР ЖЕНЩИН

– Я ль не страдала, заботясь?
В душу впустила и в кровь.
– Хватит! Больней ушибётесь!
Кончилась ваша любовь.

– Жду и зову, – может, глупо?
Жизнь отдала б за него!
– Не бальзамируйте трупа –
захороните его.

Предал он, предал ваш милый.
Верность? Ну что же – хвалю!
– Вы, видно, так не любили.
Я по-иному люблю...

ПИСЬМО ЖЕНЩИНЫ

Ой, душа твоя пахнет могилой!
Память я загашу, как свечу.
Ты живи, наслаждайся, мой милый.
Ты не знаешь, как я отомщу.

Жизнь распалась, разъехались звенья,
В пустоту, кувыркаясь, лечу.
Знаю я: ты боялся забвенья, –
я забвением тебе отомщу.

Минет время – затянутся раны.
Душу я распрямлю, залечу.
Презирать тебя даже не стану –
я забвением тебе отомщу.

Ах, как сердце твоё обнищает.
Рак на совести – злое пятно.
Лишь одно меня жжёт и смущает:
это будет тебе всё равно.

* * *

Проявим норов обезьянский –
немного поволнуем кровь.
Пополним список донжуанский...
Любовь? Да где она, любовь!..

И снова уличные шумы:
далёкий смех, далёкий вскрик...
И снова думы, думы, думы...
И пустоты печальный лик.

ЦВЕТ ВОДЫ

Вода, что раскинулась немо,
среди ночи, при свете ли дня
свой цвет получает от неба,
и реже – от тёмного дна.

Подумалось, вот если мне бы
была эта участь дана:
с годами брать больше у неба
и меньше, и меньше у дна.

* * *

Сладкое чувство потери.
Ясная, чистая боль.
Разум смущённый не верит
в то, что случилось с тобой.
Только откуда-то свыше,
смяв и прервав бытие:
– Больше её не услышишь
и не коснёшься её.

* * *

Не прекрасно лицо.
Только тело прекрасно:
плечи, бедра, ступни,
грудь да впалый живот...
А лицо, что ж лицо? –
грусть в спалённых глазах.

* * *

Сколько свежести, сколько простора!
Сколько нежности и красоты...
Всё равно не избежать разора,
не уйти от могильной плиты.

Как приветна земля, как открыта!
Белый свет – из глубин бытия...
У разбитого напрочь корыта
будет он, будешь ты, буду я.

Но под вечной небесною твердью
я хочу человека просить
проявить на земле милосердие,
также доблесть прошу проявить.

Не воздастся ни боль, ни правдивость,
не воздастся, увы, никому.
Но прошу проявлять справедливость,
даже если она ни к чему.

Эту долю без труб и оваций
надо вынести, подобно ярму...
Так ценнее, когда не воздастся.
Так нужнее, когда ни к чему.

* * *

Вдруг со стены из старых пятен
опять лицо, твоё лицо.
И снова вскрикивает память,
и время вспять, как колесо...

И вновь по тем же перекрёсткам
счастливые ступали мы.
Бродили, словно переростки,
по детским скверам той зимы.

И холода над нами плыли.
Снега подъезды замели.
А мы в безумии вершили
святое таинство любви.

Я помню жар твоей ладони,
сиянье удивлённых глаз,
и как в остервененье гонит
слепая дворничиха нас.

* * *

Мне тебя не любить,
мне тебя не приветить,
как луне не светить,
если солнце засветит.

Не ласкать, не шептать
нежных прозвищ ночами.
Мне с тобой умирать
от тоски и печали.

Как пеньковый канат,
обрубить наши встречи.
И тебя доконать.
И себя изувечить.

* * *

В твою синюю,
в твою пудреницу
был портрет мой
вмазан.
Оторвал тебя,
словно пуговицу,
словно пуговицу
с мясом.
Размахнулся я –
стало холосто.
Распахнулся я –
стало холодно.
И стою, хриплю,
надрываю грудь,
чтоб сказать: «Люблю...» –
хоть кому-нибудь.

* * *

Вы не слушайте нас, женщины,
когда смутные мы, желчные.
Не толкуйте тогда, не судите,
просто в наши глаза поглядите.

Не сводите тут счёты криком,
не тревожьте нам души стуком,
а ладонью погладьте тихо
по сведённым по нашим скулам.

* * *

Какая благодать дана человеку –
он может плакать!

* * *

А плакать мне не пристало.
Прощай, что поделать, прощай...
Душою израненной, алой
меня навсегда забывай.

И как бы к тебе я ни рвался,
ни звал, ни выламывал дверь,
ни каялся б в чём и ни клялся –
не слушай меня и не верь.

Я знаю – все клятвы нарушу,
в себе всё живое убью...
И всё же... послушай, послушай:
дай на прощанье мне душу...
Тебе оставляю свою.

* * *

Вдруг заартачимся, заврём,
завертим...
А после ищем новый дом
до смерти.
А после птицами летим –
го-о-мон!
Но догоняет горький дым
дома.
И нам крылами о траву
биться...
А в поднебесье – наяву...
птицы!

* * *

Вот моя ровесница прошла.
Я гляжу, и дума обожгла,
обожгла и тут же остудила:
– Значит, третья молодость прошла,
значит, третья старость наступила.

ВЗГЛЯД

Лишь согревает и светит,
лишь зазывает к себе,
лишь приютит и приветит,
вновь подчинившись судьбе.

Только обрадовать смеет
в сонме скорбей и утрат.
Только любить и умеет
этот заплаканный взгляд –

если вернуться назад.

* * *

Всего-то пластинка играла,
да вдруг разлетелась в куски.
Любовь, что меня занимала,
лишь давит и ломит виски.

Вал памяти вскинулся, хлынул –
печали былой колесо...
Мне сгорбило шею и спину
и сжало в гримасу лицо.

* * *

И не может не сделаться жутко:
белый свет, как огромный перрон.
Миллион умирает за сутки,
и рождается вновь миллион.
Сколько горя в единой минуте!
Сколько счастья – минута одна!
Ах, мои беспокойные люди!
А ещё нам любовь
и война.

И СНОВА О ВОЙНЕ

1. ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Я задорен, силён, крепко пахну вином.
Помнят женщины, знают собаки...
Что там в прошлом моём?
Что там в прошлом моём?
Что скрывают судьбы буераки...

Вот мужчина идёт – неуклюже одет,
седина да рубец по-надбровью,
да короткая планка от громких побед,
что оплачены страхом и кровью.

Вот идёт он, сегодня его торжество.
Знает ужас, убийство и горе.
Я моложе, но нет, нет осанки его,
нет орлиности этой во взоре.

И хотел бы дожить до далекого дня,
чтоб вот так же идти и не гнуться,
и чтоб кто-нибудь вдруг посмотрел на меня
и, как я, захотел оглянуться.

2. МОНОЛОГ ВОЕННОПЛЕННОГО

Жить нам уже не под силу.
Смято навек бытие.
Родина нам изменила...
Что ж мы так любим её?

Что ж так на Родину рвёмся!?
Помним тепло и уют...
Мы ведь вернёмся, вернёмся...
Если вернёмся – добьют!

Стреляны, ломаны, биты...
Нам не подняться с колен.
Прокляты мы и забыты.
Что же так ждём перемен?!

Пусто, беспомощно, гнило...
Тьма и усталость в мозгу.
Родина нам изменила.
...Я изменить не могу.

3.

В немой рассвет, в минуты синие,
когда я выйду из избы,
леса, глухие и пустынные,
из почвы вытолкнут грибы.
И в самой гуще, меж орешников,
я вдруг споткнусь... Охватит страх:
окоп, поросший сыроежками,
из веток выступит впотьмах.
Попрячутся лягушки малые
в зелёной лужице на дне.
Ступлю на бруствер – шляпки алые
так и потянутся ко мне...
Пунктиром шляпка к шляпке лепится,
как капли крови сквозь погост...
Копну ногой – и забелеется
землёй присыпанная кость.

4. АВТОМАТ

Долблю окоп. Короткая лопата.
Песок в ноздрях и хруст на коренных...
Но автомат свой лаковый упрятал –
он слишком дорог, инструмент войны.

Он слишком тонок, слишком непорочен.
Его от пыли надо укрывать.
Его приклад удобно укорочен
так, чтоб удобней было убивать.

И берегу – так велено солдату.
Таков наш век, таков его талант:
чтоб землю рыть – удобная лопата,
чтоб убивать – удобный автомат.

* * *

Не утруждался мыслью,
старался сбросить груз
и упивался жизнью,
как будто ел арбуз.

Завёл стальные лапы
и в челюсти металл.
И хапал, хапал, хапал,
глотал, глотал, глотал...

Так жил. И умер просто,
судьбы не подмочил.
И Бог ему не воздал,
и люд не проучил...

* * *

И как тебе, милый, ни биться,
ни рваться, крича и хрипя,
счастья тебе не добиться,
поскольку испачкал себя.

Теперь лишь тоска, да гниенье,
да скука. На том пореши...
Как чистого стихотворенья
не выжать из грязной души.

* * *

Б. Петрову

Пусть лезут – не суйся тем боле.
Избегнем их алчущих глаз.
Просторы блаженства и боли
найдутся ещё и для нас.
Для нашего зренья и слуха
найдётся иной окоём...
Родные, кочевники духа,
давайте в глубины уйдём.

* * *

При стольких-то деньгах, а как мы обнищали,
приблизились к чему и от чего ушли!
Уж радости мои имеют вкус печали,
и правильность моя имеет привкус лжи.
В запущенной душе захламлено и голо.
Веду глухую жизнь, достойную зверья.
И, как я ни хитрю, покой всегда не долог,
и настигает боль старинная моя.

* * *

Ты падаешь, ты пропадаешь...
Но я замечаю, скорбя,
что ты не особо страдаешь,
и горечи нет у тебя.

В сумятицу дней уходящих,
в мельканье и сутолоку лет
я слов не роняю корящих...
Но власти над мыслями нет.

ПОЖЕЛАНИЯ КРИТИКУ

Не беда, если лишняя прыть,
если малость надут и нахален...
Но не вздумай, не вздумай хвалить,
если будешь за это похвален.

Может, лучше смолчать иль солгать –
Бог простит, если это не часто.
Но не вздумай, не вздумай ругать,
если ругань одобрит начальство.

Не молчи и не стой в стороне,
наблюдай... А когда станет ясно –
похвали, если это опасно,
обругай, коль опасно вдвойне.

И пусть сердце защежит в груди...
Всё в твоих необузданных силах...
И ещё: не ходи! не ходи!!
не ходи на совет нечестивых.

ХОЛУЙ

Он не знает, что рана в душе и в мозгу,
что банкрот я, и слава – брехня.
Он не знает, что я ничего не могу,
потому-то и любит меня.

Он-то верит, что я уважаем вполне
и что судьбами в силах вершить.
Потому-то исполнен почтения ко мне
и торопится мне услужить.

Я солидно и мудро бровями вожу,
щурю глаз и молчу о беде,
потому что холуй уважает вожжу
и презренье таит к нищете.

СТАРЫЙ МАЛЬЧИК

Что поделаешь? – ты не железный...
Среди сонмища дел и забот,
как сегодня живёшь бесполезно –
так и жизнь бесполезно пройдёт.

Всё спешишь: день рожденья, журналчик,
телефон, гости, в гости, банкет...
Кто ты? – старый, бессмысленный мальчик?
Сколько жить тебе? Тысячу лет?..

ГЕКЗАМЕТР

Надо железно ступать. Надо быть злым и надутым.
Если ты вежлив и тих – думают: жалок и слаб...

* * *

Приобрести возвышенную речь,
ту красоту и усложнённость слога,
чтоб истинные мысли убересть,
а если открывать, то ненамного.

И на лице носить личину знания,
чтоб в умном разговоре, чуть помешкав,
успеть прикрыть своё непониманье
тончайшей понимающей усмешкой.

Стараться жить, чтоб все тебя любили,
и славить свой и вправду славный век.
Потом почтить, чтоб люди говорили:
– Какой достойный умер человек!

* * *

Дочурочка – отрезанный ломоть.
Кусок души, отрубленный навеки,
как полноги. И осуждён хромать.
И боль носить в глазу, как у калеки.

Вот встретились. Волнуюсь и дрожу.
Ей угодить, подластиться стараюсь.
«В кино!» – Ну что ж, и этим дорожу.
«Гулять!» – Как хочет, я не упираюсь.

Неверный звук есть в голосе моём.
Я говорю, и вздрагивают губы.
Она ж себе толкует о своём:
– Котёнка!.. куклу!.. книжечку!.. и шубу!..

Дочурочка!.. Я всё перетерплю.
Я в «Детском мире» выверну все полки.
Я всё найду, всё сделаю, но только
никогда вины не искуплю.

* * *

Устал от услаждения утробы,
устал от скуки, хитрости и зла.
И скурвилась жена от лжи и злобы,
и друг забыл, и мама умерла.

Не человек! – он это понял сам.
Как дальше жить? Откуда черпать силы?
Он зеркало поднёс к своим глазам,
но зеркало его не отразило.

ХУДОЖНИКИ

Поклонимся художникам! Они
сдирают с мира плотную коросту...
Их полотно глубокое хранит,
что для души и разума неброско.

За то, что век их не бывает кроток,
за святость их незамутнённых глаз
поклонимся. Опасная работа,
когда вдруг нам показывают нас.

ЦВЕТ ОСЕНИ

Раскрашенные клёны,
колеблющийся свет...
Оранжево-зелёный
сентябрьский пересверк.
Впитал небес осколки,
даль озими литой –
зеленовато-жёлтый,
голубо-золотой.

ЖАВОРОНОК

За окном, где картошка растёт,
где штакетник, кусты и дорога,
совершает свой дерзкий полёт
горстка песен в глубь неба родного.

Здравствуй, смелая птичка! привет!
Не щади свои малые силы!
Лей сверкающий звук в белый свет,
помогая дневному светилу...

Я пошире окно отворю –
брызжет воздух и песня несётся...
И вдыхаю, внемлю и смотрю...
Пусть всё это в меня перельётся!

ПРЕДЗИМЬЕ

Сейчас скорее холод, чем прохлада.
Безлистие скорей, чем листопад.
Конечно, можно жить без листопада.
Не главная, пожалуй, из утрат.

Безвременье пока, пока бесснежье,
бесптичье и беззаячье пока.
Я съёживаю тело под одеждой,
сопротивляясь воле ветерка.

И снега жду, как ожидают счастья,
как в яслях сын прихода мамы ждёт.
Я слишком устаю от междувластья.
Я слишком жду, когда оно пройдёт.

ПРОСЁЛОК

Начинаются небо и кони,
лес и ветер, трава и цветы...
Вот и смотришь светлей, удивлённей
на каноны родной красоты.

Трактор смолк. Самолёты притихли.
Вдоль просёлка столбов даже нет...
От Ужовки и до Журавлихи –
Всё, как было полтысячи лет.

* * *

Окрестный мир – оттенки серебра:
берёзы, снег да солнечные зайцы,
осин заиндевелая кора –
всё возвели божественные пальцы.

И каждый блик протёрт и перемыт.
Застывшая, безмолвная картина...
О человеке робко говорит
далёкий вьюн сверкающего дыма.

ПРОСЕКА

Прозрачный, призрачный и бесконечный свет
от снега и от неба исходящий.
Две линии столбов, сходящие на нет,
и шум от проводов назойливо гудящий.
А рядом на снегу – следы лисиц, лосей...
И, словно кружева, сорочки лапки...
Среди деревьев, как среди друзей,
и я – в огромных валенках и шапке.

* * *

Снег весь съёжился. Вот и весна!
Март мой солнечный! Добрые лица.
Ну, зачем ты уходишь, зима,
я тобой не успел насладиться.
Пусть бы так: чтобы солнце и снег,
и чтоб сердце восторженно билось,
и на лыжах чтоб шёл человек...
а над ним чтоб капуста вила!

АРЗАМАС

На холме за рекой вижу город старинный
и церквушек облупленный, репчатый лук.
И ложится закат на прибрежные глины,
на недвижимых коров и некошенный луг.

К этой вечной земле припадаю и внемлю,
как живительный сок, красоту эту пью.
Затопляет закат небо, воды и землю,
и красой утомлённую душу мою.

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН

Нисходит звон от облаков.
Он – как звучание простора.
Церквушка где-то далеко,
пожалуй, за пределом взора.

И огибает небосклон,
и медленно ложится в душу
за звоном звон, за звоном звон...
Но только глуше, глуше, глуше...

ПОЖИЛАЯ ПАСТУШКА

У леска, на проржавевшей травке
стоит, печалю кроткие глаза,
миролюбивый выказав характер,
спокойная мохнатая коза.
А рядом с ней на этой же опушке
недвижная, заметная едва,
в платке, плюшовке, валенках пастушка
на пень присела. Руки – в рукава.
И холодно. И ветер завывает.
И козий возглас по небу летит.
Пастушки мутный взгляд ослабевае.
Летят листья, и дождик моросит.

* * *

Старый быт разворочен, разрушен.
Мёртв пейзаж, что с рожденья любим.
Этот мир, что душе моей нужен,
исчезает, как древний Рим.

Вид крылечек, коньков деревянных,
буйство песен и цокот копыт.
Умирает в нелеченных ранах
обескровленный временем быт...

Он вблизи не покажется раем.
Только больно на это смотреть.
Я застал, зацепил его краем.
Я успел свою кровь отогреть.

И впитал, и душа не устанет
вспоминать, и тоска не уйдёт...
Жаль, сынок ничего не застанет.
Внучек, жаль, ничего не поймёт.

* * *

Беззащитное время года.
Нежной птицы тишайший свист.
Неприметно дарит природа
первый снег и последний лист.
Ни веселия, ни покоя
в полусумраке ноября.
Только свет защитит от горя,
только свет – изнутри тебя.

ОХАПКИ ТИШИНЫ

Земля опять грустна, простоволоса.
И снег настырный кружится опять.
...Конец имеет даже осень.
Мне это как-то тяжело понять.
И, кажется, вот-вот найдётся лекарь,
и снадобья найдутся у аптек.
Но, одряхлев, уходит бабье лето
как самый близкий в мире человек...
А я стою и не могу покинуть
травинки, листья, мхи и валуны.
А снег-могильщик валит на могилу
охапки свежей, мягкой тишины.

* * *

Пусть носа никому я не утру.
Да, не Христос я, но и не Иуда!
Когда-нибудь, когда я весь умру,
меня, конечно, быстро позабудут.
Ну и пускай! – Не нужен мне никто!
Пускай дружки, пропойцы-бедолаги,
возьмут пиджак, ботинки и пальто...
Глупцы! – куда ценней мои бумаги!

ОБЪЯСНЕНИЕ

– Дорогая, ты что позволяешь?
Повтори-ка: что? что ты сказала?
Ты нарочно меня оскорбляешь?
– Нет, мой милый, я просто устала.

– Значит, наша любовь отгорает?
Потянуло тоской ледяною.
Я покину тебя, дорогая.
– Дорогой, ты и не был со мною.

– Замолчи! Докатилась до края!
Из-за мелкой, ничтожнейшей ссоры...
Не влюбилась ли ты, дорогая?
– Нет. Теперь люблю я не скоро.

– Что с тобой происходит?
– Не знаю.
– Голос твой отчуждённый и чёрствый...
Я умру без тебя, дорогая...
– Для меня ты давно уже мёртвый.

– Ты зачем это всё повторяешь?!
Наши судьбы на ветер швыряешь,
Сколько счастья нам было дано!
Ты и вправду меня потеряешь!
– Дорогой, мне уже всё равно...

* * *

Сегодня, здесь, в дерьме родной России,
где жизнь из унижений и помех,
мы гибнем, гибнем все от гипоксии –
нас слишком быстро выдернули вверх.

* * *

Какие мы уже немолодые,
как наши дамы сухи и стары,
издёрганные, злые, занятые,
лишённые кокетства и игры.
Как наше счастье призрачно и хрупко,
какая вялость в мысли и крови!
Всё чаще мы о деньгах и покупках,
всё реже мы о боли и поступках...
И никогда – о чести и любви.

* * *

Ты награда моя иль расплата?
Я богач иль последняя голь?
Я смеялся тогда или плакал?
Это радость была или боль?

Дует ветер, взывая и злясь.
От ходьбы согреваются ноги...
Ветер высушил грязь на дороге
и в душе моей высушил грязь.

Это север ли? запад? восток?
Снова стелется путь одинокий.
Ветер высушил душу, ожёг.
Жжёт мне лоб и небритые щёки.

Он колышет и треплет стога
и несётся с шипеньем и свистом.
От него в мелкой ряби река.
А кругом так прозрачно и чисто!

Небо. Солнце. Летят облака...

* * *

Вечереет... За столом сидим.
Сколько лет мы вместе, сколько лет!
Сколько вёсен, осеней и зим?
Сер и бесприютен белый свет.
Друг на друга мрачные глядим.

Счастье к нам с тобою не пришло.
Нас не вознесло и не сожгло.
За окно глядим, глядим во тьму.
Сердца не откроем никому.

ЗАКОНЫ СОХРАНЕНИЯ

Вижу прорехи и дыры,
тщетность труда моего!
Так и уйду я из мира,
не изменив ничего.

«Нет сохранения воли,
нет сохранения сил!
Есть сохранение боли!» –
физик знакомый острил.

И не избегнуть напасти,
Время течёт под уклон.
Нет сохранения счастья! –
это всемирный закон.

И, не приемля злословья,
зная, что ты мне верна,
с болью слежу за любовью:
сколько протянет она?

* * *

Да и можно ль таких не любить
молчаливых, усталых, печальных?
И души своей не погубить
после скорых объятий кандалных?
Да и можно ль себя сохранить,
где глаза и душа с поволокой,
и не скрасить, и не замутить
гордой жизни её одинокой?
Да и в силах ли кто помешать
сделать шаг запоздалый и глупый
и свести наши руки и губы,
наши светлые слёзы смешать?

* * *

Мы в лес войдём – охватит ликование.
И грянет хор: шум сосен да пичуга...
И будет исходить от нас сиянье
лишь потому, что любим мы друг друга.
Качнутся сосны. Птицы закружатся...
Обнимешь ты меня тысячеруко.
И будет жизнь от жизни зарождаться
лишь потому, что любим мы друг друга.

ДЕВОЧКА

Вижу, вижу глаз её беспечность,
дно зрачка и то, что глубже дна.
Ах, как в ней гуляет бесконечность,
ах, как ищет выхода она!
Это в ней проклюнулось, пробилось
будущего спелое зерно.
Это заиграло, засветилось
всё, что будет ей порождено.

* * *

Думал, сумеешь раскрыться,
чистой водицы испить.
Думал, сумеешь влюбиться,
а получилось – влюбить.

Связи живые нарушил.
Ясную суть замутил.
Эту звенящую душу
ты не согнул, а сломил.

Жизненный опыт не равен.
Словно каток прокатил.
Душу живую изранил.
Не победил, но убил.

* * *

Как отчаянно открылась!
Изломала бытиё.
И видна моя бескрылость
пред крылатостью её.

Нам гулялось, нам грустилось...
Не забуду этих дней.
Оттого и полюбилась
беззащитностью своей.

Как взлетела к небосводу!
Как вдохнула небеса!
Эта чистая порода,
неподкупные глаза.

Только я скучать не буду,
всё прикончу на корню.
Даже имя позабуду
и лица не сохраню.

Прокляну свою удачу,
что печальна и грешна.
Фотокарточку припрячу
чтоб не видела жена...

Образ твой навеки канет,
сникнет, съёжится в груди...
Пожалей меня заранее...
И прости, и отпусти...

* * *

А я хочу, чтоб песню пела,
хочу, чтоб испускала свет,
чтоб понимание имела,
когда подолгу денег нет.
Ещё хочу, чтоб улыбалась,
и чтоб глядела не хитро,
и целоваться не боялась
ни на бульваре, ни в метро.
И чтоб точить умела лясы
про то, про сё, про все дела,
и чтоб была голубоглаза,
и с конопушками была,
и не бранила чтоб ни разу,
и чтобы сына родила.

* * *

Глаза у моей любимой – замужние, тихие.
А в сумочке у неё – зеркальце да портрет
мой. И когда часики особенно громко тикают,
она приходит ко мне,
как девочка на балет.

* * *

А. К.

Воскресенье. Двенадцать часов.
За окном всё от снега бело.
Лёгкий ветер колышет дымы
над соседними крышами.

Мы с любимой сидим за столом
и молчим, и пьём утренний чай,
и с пластинки играет для нас
небольшой, но весёлый оркестр.

СКАНДАЛ

Верно, я – гадина. Знаю.
Голос твой гневный так мил.
Хватит скандалить, родная,
нет у меня больше сил.

Лучше взлети в этой ступке!..
Верно, я – хам, идиот.
Не надуйай только губки –
это тебе не идёт.

Дни что-то холодны стали,
требуют нашей любви.
Милая, хватит скандалить –
лучше к себе позови.

* * *

Созерцанье красоты
создаёт видимость смысла жизни.

* * *

Не верил я, что стать сумею верным,
что столько лет смогу тебя любить,
ошеломлённый нежностью безмерной,
сам нежность непомерную дарить.

Не потому ли мне светло и грустно,
и счастливо кружится голова?..
Как разрослись больные наши чувства –
те две былинки, видные едва.

* * *

Пока ещё болезни не добились,
пока всю ночь могу любить тебя,
решил и я в нетленном этом мире
бессмертье вырвать у небытия.

Отныне так, и никуда не деться.
Май на дворе, и я тебя люблю.
Хочу, чтобы щекастого младенца
ты на руках качала к февралю.

Да, так хочу, прошу такую милость,
чтоб в феврале живое существо,
кричащее и тёплое, явилось
на белый свет из лона твоего.

Чтоб мы его растили и ругали,
чтоб он нас мучил ночью и средь дня,
чтоб был с твоими русыми кудрями
и карим взглядом, словно у меня.

* * *

Сколько лет я прожил, как слепой,
в нарастании тьмы и распада.
А теперь вот, когда я с тобой,
ничего мне уж больше не надо.

Ты простила, что Бог не простит.
И в душе расплавляются льдинки.
Словно ветер листвой шелестит,
словно музыка льётся с пластинки.

Ты уснула. И спишь, как дитя...
Я смотрю благодарно и немо...
Как прекрасно смотреть на тебя,
как на море, на поле, на небо.

Беспредельность в твоём рубеже.
Словно в бездну распахнута дверца.
Словно сад расцветает в душе.
Словно солнце затеплилось в сердце.

НА РАССВЕТЕ

Первый луч в щёку вцепится колко.
Лампу выключу... Птицы слышны.
Станет в комнате сине и жёлто,
как, наверно, в душе у жены.
А она ещё спит – не проснётся,
только слюнка стекает с губы.
Что-то скажет во сне, улыбнется
в ожиданье судьбы.
Согреваемый солнечным светом,
у истока грядущего дня,
неужели я стану бессмертным –
будет сын у меня?

СЫН

1.

Кресло-качалка. Гамак.
Тихая летняя сонь.
Грядка, куртинка и мак –
радости стойкий огонь.

Бабочки. Мухи. Шмели.
Сына смешной голосок.
Здесь, в закоулке земли,
счастье пустило росток.

Где-то безумье и страх,
вой, озлобленье и ложь...
А в близлежащих лесах
даже тоски не найдёшь.

Только качанье берёз,
только сверканье росы...
Кроме кукушкиных слёз,
тут и не сыщешь слезы.

2.

Отчего я сегодня так весел?
Ох, счастливые ночи и дни...
Что, мой маленький, щёчки развесил?
Рот закрой и соплю подтяни!

Разбегаются дни, словно зайцы –
всё равно моя участь сладка...
Ну-ка вынь изо рта свои пальцы!
И пора подниматься с горшка!

Всё болит, всё волнуется сердце:
ничего больше нет на земле –
только слабое, тёплое тельце,
только тоненький лучик во мгле.

3. БОЛЕЗНЬ СЫНА

Ну, что ты, кровинка моя,
ротастенький мой лягушонок?
Куда ты бежишь среди дня,
горшок опрокинув спросонок?

Совсем расхворался к весне,
стал бледным, худым, невезучим.
Скрежещешь зубами во сне...
Ну что тебя давит и мучит?

Где нервы свои насадил?
То плачем, то криком зайдёшься...
Вот ногу мою обхватил,
толкаешь меня и смеёшься.

Дотянем и мы до весны
в доме подмосковном у речки!
Ни голода нет, ни войны,
но жить почему-то не легче.

1976

4. МАЛЬЧИШЕЧЬИ ИГРЫ

Сынок, жизнь устроена странно.
Ты, может быть, это поймёшь,
когда размозжишь таракана,
лягушку догонишь, убьёшь,
прихлопнешь воробышка тельце,
размажешь по мусору мышь...
И вздрогнет дремучее сердце,
и взгляд, что был чист и бесстыж,
опустишь...
А после, беспечный и хитрый,
узнаешь тоску и насад...
Я помню мальчишечьи игры:
и лагерь, и двор, и детсад...

5.

Вот и настала весна:
бабочки, мухи, цветенье.
Вот и опять за окном
птичье счастливое пенье.

Вот меж берёз и осин
гукает маленький сын.
Солнечно, тихо и ясно.
Вот и опять благодать.

Впрочем, и было прекрасно...
Надо лишь это понять.

1973

6.

Мой сынок всё не так разумеет.
Всем кричит – норовит объяснить:
– Папа сильный! Вот папа сумеет!..
Ну, а папа... Да что говорить...

Ну, а папа, болтливый и грешный,
по делам, по делишкам спешит.
И душа его в ночи кромешной
словно хвостик мышинный дрожит.

Сын меня перед сном обнимает,
говорит, как он любит меня..
Я боюсь: что и он всё узнает,
всё поймёт, эту жизнь прокляня...

Ну а я, изолгавшийся, грязный,
муки совести тщетно терплю.
Говорю: ты усни, мой прекрасный,
я тебя больше жизни люблю.

1980

7.

Тёплый взгляд из-под очков.
Сына маленького лепет.
Лоб ему ладонью студишь
и сама, полубольная,
песню тихую поёшь...

Веру я беру у неба.
Силу я беру у леса.
У тебя беру, родная,
лишь бессмертие своё.

8.

Ты редко видишь меня.
А если видишь, то вечно усталого,
загнанного «мышьей суетой жизни»,
в поте лица добывающего хлеб
и пытающегося при этом
сохранить тонкость, достоинство
и некое подобие величия души...
Раньше ты просил иногда погулять с тобой,
поговорить, поиграть,
но у меня никогда не было времени.
И ты отвык. И больше не просишь...
Может быть, когда ты станешь большим
и у тебя будут собственные дети,
ты вспомнишь, ты поймёшь...
И, может, простишь меня,
как я простил своего отца...
И сам после работы, усталый и отупевший,
будешь ложно-весело спрашивать своего сына:
– Ну, как дела?..
И будешь пытаться погладить ладонью
его круглую стриженую голову.
А он, уклонившись от руки,
не глядя на тебя,
будет продолжать гонять паровозик...

1980

* * *

Дней моих утекает вода.
Необъятны земные просторы.
Всё мелькают, летят города,
и леса, и пустыни, и горы.

Всё впитать, всё упомнить хочу.
Только зря напрягаю вниманье:
сквозь пространство куда ни домчу –
в голове только рябь да мельканье.

Да второй экспозицией сны
наплывают на это кипенье:
то лицо сероглазой жены,
то её колыбельное пенье.

На гостиничной койке без сна
вижу я через долгие ночи:
всё глядит сквозь пространство она,
всё не спит в колыбельке сыночек.

Ты усни, мой любимый, усни.
Пусть во сне тебе мама приснится.
Над тобой она ночи и дни,
ей весь век над тобою клониться.

* * *

Я твой с головы и до пяток,
от мыслей – до кончиков рук.
Я твой до заветных тетрадок,
до тайных желаний и мук.
Я твой до последней улыбки,
до сердца, где прячется стих,
от утренних помыслов зыбких
до снов беспокойных моих.

* * *

Если долго смотреть в небеса,
на поляны и чащи лесные –
отступают намеренья злые,
боль стихает и сохнет слеза.

И не надо алкать и скитаться,
синим, адовым светом гореть...
Я о многом могу догадаться,
если долго на воду смотреть.

Станет тихо в сумятице дней,
свет понижен, напишется строчка...
Если долго смотреть на сыночка,
мирозданье – ясней и ясней.

ЧАСТЬ НЕБА

Так что же побеждает в человеке?
Таится что в предельной глубине?
Земля моя – леса, поля и реки,
страна моя, ты вся болишь во мне.
И вы, пред кем всегда благоговею,
родимые мои сынок и дочь,
я вас люблю, но боли не развею
и не всегда сумею вам помочь.
И ты, комочек нервов беззащитный,
что среди ночи плачешь и дрожишь,
со всей своей судьбою незавидной,
жена моя, ты вся во мне болишь.
Любимые, о вас моя забота.
Вы потому мне ближе и родней,
что вы – Россия, вы её природа –
часть неба, ветра, леса и полей.

* * *

А песни были все от простоты,
да, может быть, ещё от непутёвости, –
пока глаза и руки всё ж чисты
и не перевелись запасы совести.

Вот подожди, родная, додышу,
последние надежды долелею,
тогда к иному выйду рубежу,
тогда попроще выберу затею.

Вот подожди – глазами доблещу
и песни непропетые покину,
тогда бессрочный пропуск получу
в пустую золотую середину.

* * *

Все как было – беда за бедою
выплывают из марева дней.
Что с душою моею, что с душою?
что за свет поселяется в ней?
Почему этой трепетной ранью
всё мне чудится в блеске зарниц
мелодичное конское ржанье,
плеск озёрный да пение птиц?
Что б ни стало, уже не погаснет,
не сгорит, не сгниёт взаперти
это тихое, грустное счастье,
это тёплое чувство в груди.
Всё, что дорого, всё, что любимо:
губ касанье, дрожанье руки,
зов жены, бормотание сына –
не уйдут у меня из груди.

* * *

Над просторами зелени дым,
прорезаются листья и травы.
Мир становится вновь молодым,
преисполненным силы и славы.

Создают свой несложный уют
птицы, ящерики, черви, зверюшки,
и кузнечики в травах поют,
и беснуются в лужах лягушки.

Беспечальная синяя высь,
а под ней писк, шуршанье и стрекот...
Укрепляется цепкая жизнь
в жёстком теле жестокого века –

вдоль обочин, в полях и лесах,
сквозь кирпич,
сквозь асфальт, в скудном сквере,
в человеческих усталых глазах.
Я глазам человеческим верю...

КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗВОН ЗИМОЙ

Вышло солнце. Туман над рекою
засветился. И, словно в раю,
снегирями закапало хвою
и сугробы, и душу мою.

И рванулись ритмичные трели
колокольный, могучий прибой...
Словно ангелы плыли и пели
над пропащей моей головой...
.....

СПАСИ И СОХРАНИ

1.

Я знал, что проживаю, как свинья,
что ждут в аду и радуются черти...
И, всё ж, Господь, не можешь ли меня
ты всё ж избавить от грядущей смерти?

Я вижу, вижу, как стареет плоть.
И знаю, что положено по смете...
И всё ж прости, прости меня, Господь!
И, всё ж, избавь от предстоящей смерти.

Ведь я крестился! Думал о тебе,
молился, верил, плакал, ставил свечки...
Конечно, я грешил в своей судьбе,
но и со злом я не был, как овечка.

И не курил, не пил, слагал стихи...
Творил добро, как мог и даже больше.
А если и случались вдруг грехи –
то мне от них и гибельней, и горше.

Так смилуйся! Спаси и сохрани!
А я в ответ – поверь, я не лукавлю –
все в вечности оставшиеся дни
тебя и возлюблю, и позабавлю...

2.

Прости, прости мне наглый этот лад,
прости мою нахальнейшую рожу.
Я знаю сам, что в этом деле блат
и не спасёт, и даже не поможет.
И, видя, как корыстен я и мал,
и зная: жизнь – есть милость, но не наша,
я вдруг в себе с презрением увидал
зловещий метостаз подхалимажа.
И увидал свой непотребный вид...
Господь ведь это тоже понимает.
И он меня за это не простит
и не спасёт, а жёстче покарает.

В ДЕБРЯХ ИСТИНЫ

Никто на свете не бывал счастливым.
Всем то иль это не было дано.
А то, что Бог считает справедливым,
для нас несправедливо и темно.

И если в дебрях истины уютной
о чём-нибудь задуматься всерьёз –
всё будет шатко, муторно и мутно.
И нет ответа на любой вопрос.

* * *

Царапают мой разум ломкий,
всё ёрзают туды-сюды
и попрошайки, и подонки,
наглы, убоги и горды.

А я смотрю, седой и лысый,
нелепый, невозможный хмырь,
как всех за тоненькой кулисой
бессменный водит поводырь.

Как он насуплено и вяло,
морщину искривив на лбу,
с немилосердьем маргинала
организует нам судьбу...

.....
Но, может, лгу я? И напрасно
пытаюсь вникнуть в бытиё?
Нам никогда не станет ясно:
свобода есть, иль нет её?

АЛКОГОЛИК

Что же было? Что же было? –
Жизнь беспечна и хмельна.
Только дочка разлюбила,
только выгнала жена.

Всё равно берёт пол-литра:
пару пива у ларька –
и поёт, гуляет хрипло,
рвёт гармонике бока.

На углу, спугнув собаку,
упадёт и мёртво спит.
А разбудят – лезет в драку,
благодетелю грозит:

– Отцепись! Не трогай, курва!
Так-растак, не лапай, гнус!
Всё равно наступит утро –
я под утро удавлюсь...

– Что ж ты, милый? Что ж ты, Боря?
Разве можно, дорогой,
до утра лежать в позоре
с непокрытой головой?..

– Встань, утрись! И успокойся.
При детях не матерись.
Участкового побойся
и с женою помирись...

Закричит, заплачет горше,
замотает головой...
И лежит, к моче примёрзший,
на январской мостовой.

АЗИЯ

Я сижу на земле, как татарин,
прислонившись к граниту плечом.
Этой скудной природой одарен
и жестоким всевышним лучом.
Жарит пыльное белое солнце,
спину жжёт раскалённый гранит.
И орёл неприкаянно вьётся,
равнодушно над миром парит.
Пересохшие стёртые реки...
Дух азийский упруг и весом.
Я сужаю усталые веки
и скуластею медным лицом.

НА ГОРНОМ ПЕРЕВАЛЕ

Почему покой на перевале
среди снегов, камней и диких гор?
Знаю... Только объясню едва ли –
это лучше объяснит простор.

Для чего стою, пронизан светом,
над пучком извилистых долин?
Голое, исхлѣстанное ветром
место среди обрывов и вершин.

Долго тут стоять небезопасно.
Вдруг взлетишь, пространство просверля...
Как волнисто, как седлообразно
вздыбилась и выгнулась земля!..

Почему восторг на перевале?
Почему так сладок этот миг?
Понимаешь: счастлив ты едва ли,
но и ты немалого достиг.

1977, Тува, Саяны

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ ДОЛГ

Это я в исступленье незрячем
бил из пушки по ржавой скале.
Это я нёсся в танке горячем
по дымящейся пыльной земле.

Это я, надсадив перепонки,
слушал гусениц скрежет и визг.
Это мне раздавались вдогонку
улюлюканье, вопли и свист...

То меня вертолётцы спасали.
Я к духану бежал, как шакал.
То в меня дети камни бросали.
Мне проклятья шептал аксакал.

Это я, среди служебного рвения
слыша совести тайный фальцет,
удивлялся: – Откуда камень
и проклятия эти вослед?

А в казарме ночной непрестанно
мял и мучил упорный кошмар:
как меня распинают душманы,
а потом волокут в Пешавар...

И наутро с кривою усмешкой,
заприметив, где прячется враг,
это я в исступленье кромешном
разносил придорожный кишлак...

1988, Кабул-Баграм-Саланг

* * *

– За что вы меня избиваете?
– А вот за то, что смеешь спрашивать:
за что мы тебя избиваем...

РАЗГОВОР СО ЗНАКОМЫМ ПОЭТОМ

Смотри, как мёрзнут снегири,
как плод червивеет внутри.
Не льстись надеждой зыбкой.
И ты уйдёшь, как ни хитри.
Живи, как можешь, но смотри
на жизнь с полуулыбкой.
Глаголом жечь сердца людей
не получается ей-ей
за счёт одной лишь школы.
Как холодны твои слова.
Ты душу раскали сперва,
чтоб раскалить глаголы.

МОНОЛОГ ЕРЕТИКА

Господи!
Неужели Тебе нравятся фимиам
и бесконечные людские восхваления?
Неужели это мало,
если кто-то тихо и ненавязчиво любит Тебя?

Мне давно неприятен елейный, льстивый тон.
Может быть, и Тебя он только раздражает
и отвлекает от дел?..

Неужели Ты не обижаешься, Господи,
когда мы выдаём
сомнительный провинциальный кагорчик
за Твою кровь?
А невкусную, пресную булочку
за Твоё тело?

Неужели приятно попадать к нам в желудок?
А потом, не смею подумать куда...

Странное племя сотворил Ты, Господи!

* * *

Как оглянусь – не будет мне прощенья,
не будет мне удачи и везенья.
Успел я столько в жизни натворить,
что лучше бы о том не говорить...
Но вот настал мой час обетованный:
на перегнутое жизни этой странной
возрос цветок, похоже, что любви.
Редчайший тот цветок благоуханный
поколебал понятия мои...
Но знал я столько подлости и уз,
знал столько жалких, горестных обуз,
что я цветку прекрасному не верю,
что я цветка душистого боюсь.
Всё жду разлад, предательство, потерю...
Ведь сам был на предательства горазд,
и лгал, и крал, пожалуй, что не раз.

ЗАКОН

Здесь, на Земле, всё ведаёт и знает
свирепый и загадочный закон.
Он прёт на нас и давит, и сминает,
как с тормозов сорвавшийся вагон.

Но правят им бестрепетные руки.
И там, где уху – гогот, свист и вой,
вздываются торжественные звуки
мелодии единой мировой.

Так всё идёт, незримо продолжаясь.
И Рок несёт огромную страну.
А я упёрся, я – сопротивляюсь...
А я – в другую сторону тяну.

* * *

Ни по родству, ни по крови,
ни по уму и чинам –
только по чистой любви
воздано будет и нам.
К свету откроется дверца,
если живёшь не по лжи...
Только по прихоти сердца...
Только по зову души.

ТВОРЧЕСТВО

Лишь талант, а не старание,
озаренье, прозревание,
но не труд – когда во сне
вдруг частица мироздания,
вдруг крупица понимания
разрывает душу мне.
И я счастлив в быстротечности,
собирая в меру сил
те осколки бесконечности,
что из мира уловил.

НА УЛИЦЕ

Я очень незаметный человек.
Когда пройду – никто не обернётся.
Кепчонка из букле на голове.
И, в общем, простовата форма носа.
Хожу-гляжу по улице один.
Не тороплюсь, рукою в такт качаю...
Я – очень незаметный гражданин.
И хорошо – я больше замечаю.

ПАВЛОВ И ЧЕХОВ

Да, я благодарен судьбе,
что замысел шкурный срывала.
Чем больше я мнил о себе –
тем больше меня унижала.

И этот урок повторялся,
хоть я уже знал матерьял.
Чем больше я благ домогался –
тем больше я в жизни терял.

Спасибо, мудрец-физиолог,
условный сложился рефлекс:
мой путь будет тяжек и долог,
куда бы я в жизни ни лез...

И всё же, несчастье случилось –
и сам я себя не люблю,
и рабство во мне угнездилося,
хоть я это рабство давлю.

Мне сил прибавляет усталый
писатель в нелепом пенсне.
Коль рабство в него прорастало,
то что говорить обо мне?

И я благодарен за вехи,
устой средь ночи и дня...
Спасибо вам, Павлов и Чехов,
вы щедро учили меня.

* * *

Когда я вижу детское страданье,
в душе моей вопрос не возникает
о смысле жизни.

* * *

Ничего не меняют века:
та же радость и та же тоска.
Человеческий род уязвимый.
Облака и лесная река
не прекрасней лица у любимой.

И в космический, ядерный век
жив курилка – растёт человек.
Жизнь дрожит, истончённой листочка.
И ни лунный, ни солнечный свет,
ни балет, ни крутой Интернет
не прекраснее взгляда сыночка.

ЖЕНЩИНА

Ах, женщина моя, куда ж ты полетела?
Какие у тебя могучие крыла!
Как улыбалась ты, глазами как блестела! –
Наверное, совсем плохи мои дела.

Я помню времена, ты так не улыбалась,
не так светился взор, и голос был грустней,
не так ласкалась ты, не так ты целовалась.
Боюсь, что не могу считать тебя своей.

И чувствую, рубеж ты скоро переступишь,
коварна и хитра – я знаю твой секрет.
Раз нужно понимать: ты любишь иль не любишь? –
Чего ж тут понимать – мне ясен твой ответ.

Какое у тебя раскованное тело!
Как долго ты молчишь воздушно-весела!
И как лучишься ты, и как ты смотришь смело!
Наверное, совсем плохи мои дела.

* * *

Ветер, изгибаясь, шелестит.
Небеса застыли синим сгустком.
Море ослепительно блестит,
словно снег на поле среднерусском.

Здесь, на вулканической горе,
над немым хаосом Карадага
в гулком и пустынном октябре
мы одни, нам ничего не надо.

Дальних гор клубится полоса.
Мы сидим, ослепнув и оглохнув...
И душа течёт через глаза,
словно солнце сквозь большие окна.

РАЗРЫВ

Хотел бы не знать – от себя не уйдёшь.
Всё слишком прозрачно и ясно.
Спасибо за муки, спасибо за ложь...
И все-таки было прекрасно.

Теперь уж ни долга, ни шор, ни преград:
прошла и такая опасность.
Когда предают, я и этому рад –
пускай хоть какая-то ясность.

Расстанемся. Я не скажу ничего.
А ты ведь о многом не знала.
Я, милая, может быть, стоил того,
когда ты меня предавала...

А может, и этого мало...

* * *

Я тебя не зову, не ищу.
Лишь боюсь докатиться до мщенья.
Я тебя никогда не прощу,
да и ты не попросишь прощенья.

И когда, так случится, одну
я тебя повстречаю у дома,
отшатнусь и лицо отверну –
лучше б не были вовсе знакомы.

А в душе беспросветность и страх –
непосильное, вечное бремя...
Лучше б жили мы в разных мирах,
лучше б жили мы в разное время.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Увидел её – удивился.
И очи потупил свои.
И понял, что снова влюбился,
хоть знать не хотел о любви.

Он верил, что не обманулся,
открылся, души не тая.
– Ты видишь: вернулся!.. вернулся!..
как ветер на круги своя.

Теперь-то уж точно – попался!
А прошлая жизнь сожжена!
И, радостный, он улыбался...
Но не улыбалась она...

И, сломленный, стёртый, недужный,
в своей помутнённой судьбе
застыл он, пустой и ненужный
ни детям, ни ей, ни себе...

* * *

Вновь разгребаю бывшее житьё.
Нет, не найти мне иного ответа:
вроде как главная в жизни победа –
это и есть поражение моё.

Чуть прояснится грядущего мрак
(пусть золотая упущена рыбка),
вижу, что главная в жизни ошибка –
это и был самый правильный шаг.

ЖИТЕЛЬ

Я не поэт – я просто житель,
я – житель-профессионал.
И я люблю свою обитель –
ту землю, что чуть-чуть узнал.

А вровень иль не вровень с веком,
что смог, а что не по плечу –
не важно. Быть бы человеком.
А большего и не хочу.

А большее – хитро и ложно.
А большее – одна ботва.
А большее и невозможно
без умерщвления естества.

И пусть сочтут мудилой, дурнем,
но я свою умерил прыть...
Что мне успех литературный,
когда души не сохранить!

* * *

А кто сказал, что предавать легко?
Нет, знаю точно: это делать трудно.
Пусть бескорыстно, тайно, неподсудно...
Как липко всё! Как на сердце паскудно!
А мама, небо, солнце – далеко.

НЕКОТОРЫМ ЛИТЕРАТУРНЫМ РОВЕСНИКАМ

О. Чухонцеву – московскому Кушнеру

Входит в силу моё поколение –
нарастают года и чины...
Начинаются скука и тленье
у мужчин, что не знали войны.

Матерееет моё поколение –
дачки, премии, власть и почёт...
Там, где было безумство и жженье,
лишь смиренье да трезвый расчет.

Толще книги и выше оплата.
Чаще – в креслах, всё реже – в толпе.
Всё, что вы презирали когда-то,
всё с лихвой накопили в себе.

Улыбаетесь хитро и сухо.
Малой группкой сплотили ряды.
Не избегли томления духа,
избежали былой чистоты.

Значит, это и есть ваше счастье...
Ну так что ж, ну так что ж – поделом!
Не прошли испытание властью.
Не прошли испытанье рублём.

1988

ЗАСТОЛЬЕ

ЦДЛ

Соблазны сердца им изгрызли.
В чаду гложнет матерный гам.
Нечистые, серые мысли
ползут по нечистым мозгам.

И слов пустотелых бряцанье
в угаре ночном хвостовства.
И глаз помутненных мерцанье
без боли и без божества...

Всё кару жидочкам готовят.
Похвастав, свершают свой суд.
Злословят, злословят, злословят...
И воздух словами трясут.

О, Боже, как скучно их слушать,
как грустно в глаза их смотреть,
как страшно в пустынных их душах
заметить притихшую смерть.

1987

* * *

Зашёл знакомый – йог, вегетарьянец,
решительный сторонник неубийства,
улавливатель праны мировой...

Худой, спокойный, снял свою дублёнку,
на крюк повесил, в зеркало взглянул:
на нём пиджак из замши цвета крови,
шевровой, мягкой кожи башмаки
и запонки изящные из кости...

* * *

Всмотрись-ка и вслушайся в Лету!
Слух чист, и прозрачны глаза.
Ты понял, что лжи-то и нету.
Солгать ни о чём и нельзя!

И правда сумеет пробиться.
И даже на нашем веку.
Я, может, могу ошибиться,
но нет, не могу, не могу.

Сквозь время – среди тьмы и крамолы
она провела колею...
А если ты кривду промолвил,
то – правда. Про душу твою...

ДО СВИДАНИЯ, ДНИ!

Я всегда забывал, что бывшее окончилось.
А оно перепутает, вломится в сон...
...До свидания, дни! Уплывайте, покачиваясь,
за большой и округлый, крутой горизонт.

До свидания, дни! До свидания, ночи!
Я машу вам рукой через боль и беду.
Я вам столько отдал! Но, поверьте, я прочен.
Уплывайте спокойно. Я не подведу.

До свидания, дни! Я на вас не обижен.
Подступает Грядущее, словно война.
Подступает Грядущее – ближе и ближе...
Канонада уже у порога слышна.

* * *

Милая, маленькая, сумасшедшая,
вот я и снова один.
Знаю, согреет меня перед вечером
свет твоих юных седин.
Нам не спастись, не избежать напасти.
Только судьбы не гнечи:
в толще времён будет спрятано счастье...
Это из нашей любви.

* * *

Ну и пусть меня погубят
этот мягкий желобок,
эти руки, эти губы,
этот нежности комочек.
Пусть несут по склону лета
мою душу в небеса
этот трепет, этот лепет,
эти влажные глаза.

ОН И ОНА

Всё улыбается, поёт,
головкой маленькой качает.
Улыбка возраст выдаёт –
она того не замечает.
А он всё хмурится, молчит.
Промямлит что-то, отвернётся.
И вдруг душою закричит.
Тот крик её души коснётся.
Она зардеется, поймёт.
Замолкнет, снова вострепнётся.
Блеснёт глазами, улыбнётся.
И запоёт, и запоёт...

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

1.

Под солнцем блестят зелены,
и ветер деревья качает.
Я верю: ты любишь меня.
Я знаю: ты плачешь ночами.

А сам, словно лист над землёй,
туда, куда ветер, летаю,
свободный, пустой, холостой,
куражась, кружась, пропадаю.

2.

Вот по небу туча пошла,
вот солнце собою задела.
Вот птица, раскинув крыла,
под самую тучей запела.

И тень мне на душу легла,
и сердце знакомо заныло...
Я знаю, что ты весела.
Я чувствую: всё позабыла.

* * *

Что ж, прощай. Ни касанья, ни взгляда.
Что ж ты медлишь? Пора. Уходи!
Даже слов, даже писем не надо.
Даже память – и ту изведи.

Всё забуду... Свободный средь облак
полечу, засмеюсь... А пока:
твой печальный, светящийся облик
и бессонница, боль и тоска.

* * *

Даль волновалась и цвела
в старинном добром захолустье.
А ты смеялась и звала,
вся, вся из нежности и грусти...

Прошло полжизни. Вновь цветы
и та же трепетность в просторе.
И снова улыбалась ты,
вся, вся из нежности и горя.

Всё той же нежности кольцо.
И тем же веяли покоем
твоё прекрасное лицо
и грусть, твердеющая горем.

ТАЯНЬЕ СНЕГОВ

Пойдём, посмотрим таянье снегов,
подспудных сил подспудное стремленье,
зимы роскошной муку и паденье,
глухое сотрясение основ.

Пуускай узрят озябшие умы
средь талых вод, средь плеска и сверканья,
что это увядание зимы
осеннего не хуже увяданья,

когда спокойно падали листья,
и сквозь дожди гнал ветер мглу и сырость...
Всё это – тоже милость, милость, милость...
Красива даже гибель красоты.

* * *

Посмотрела, забыв об обиде...
Я растерянно прятал глаза:
– Ты поверь, я хочу тебя видеть,
но встречаться нам больше нельзя...

– Нет уж. Поздно. Теперь до могилы...
Без тебя не сумею прожить...
Я ответил: – Найдутся ли силы,
но любовь нашу нужно убить...

И тогда зарыдала в безумье
и кричала, платок теребя:
– Лучше б умер ты! Лучше б ТЫ умер!!!
Я бы легче забыла тебя...

* * *

Забытая мной и всеми,
смотрит в глухую даль...
Не тронь, не тронь её, время,
лучше меня ударь.

За окнами мгла да темень,
дождь да слепой фонарь...
Не старь, не старь её, время,
лучше меня состарь.

Не отягчай ей бремя,
дай ей души и сил...
Не обижай её, время.
Я её так любил...

ПОПЫТКА ИСПОВЕДИ

Ю.Ионову

Сколько лет мировые законы учу –
всё равно раб нелепого случая.
Если б всё получалось, как я захочу –
это было бы самое худшее.
Как помог мне предавшего друга оскал,
и болезнь, и года эти нищие...
Я страданья себе никогда не искал.
Впрочем, кто же страдание ищет?
Как причудливо-сладко поёт соловей!
Но и боль, но и ужас – к добру...
Я, наверное, стал бы корыстней и злей,
если верил бы, что не умру.

* * *

Тот подмосковный посёлок:
фабрика, речка, труба...
Старого мира осколок
я полюбил навсегда.
Цвет мать-и-мачехи жёлтый,
жёлтое марево дня.
Кружит звенящая пчёлка
и не кусает меня.
Бродят задастые куры,
хмурый пасётся козёл.
Есть элементы культуры:
клуб да пинг-понговый стол.
Берег зелёный, гористый,
мостик, кривое шоссе.
Хлюпают старая пристань,
травы в холодной росе.
Воздух телесен и сладок.
Я возвращаюсь домой,
и обретает порядок
дух неприкаянный мой...

* * *

Кто, кто же так мудро решает
нам слезы и боль даровать?
И кто так упорно мешает
нам подличать, шкурничать, врать?

И вот разрывается сердце
в мельканье и сутолоке дней...
И если бы не было смерти,
насколько б мы были подлей!

* * *

Мы Богу и дьяволу равны.
Что жжёт, что бушует в крови?
Любви мы желаем, как правды.
И правды хотим, как любви.

Надежда безумная меркнет.
И гнётся моё существо.
Когда-нибудь, может, посмертно,
достигну того и сего.

* * *

Жизни темны содроганья –
в сперме, поту и крови....
Всё, как в Священном писанье:
в Творчестве смысл
и в любви...

Но неувязочка вышла!
Некого в ней обвинять.
Все ищут тайного смысла,
явный не в силах понять.

АТЛАНТ И КАРИАТИДА

А всё же он был молодцом:
взобравшись на старый портал,
атлант с размножённым лицом
полдома собой подпирал.

А рядом терпела урон,
одними плющами увита,
на темя поставив балкон,
безногая кариатида.

Напрягши усталые выи,
строенье держали они,
счастливые, что не живые
и что не знакомы они.

* * *

Ко мне приходит моё прошлое
и смотрит горестно и сине.
Приходит утрами осенними
всё, что когда-то было прожито,
всё позабытое в помине.

Оно глазами нехорошими
в мою заглядывает душу.
Оно заманивает в прошлое.
А мне бессмысленно. Я трушу.

Хочу уйти иль обойти
и взгляд свой отвожу и прячу...
Оно застынет в забытыи,
и смотрит на меня,
и плачет.

У БЮРО ОБМЕНА

Смотрим в глаза исподлобья.
Тишь. Ветерок продувной...
Перед умершей любовью
вот и сравнялись виной.
Вот и меняем квартиру.
Ходим под мелким дождём...
По опустевшему миру
души пустые несём.

* * *

В Лету уходят события,
ожило вновь естество...
Если ТАКОЕ сумел пережить я –
значит, не страшно уже ничего.

Вот и печаль отгорает,
начал смеяться и петь...
Если ТАКАЯ любовь умирает –
значит, и мне предстоит умереть.

* * *

Та любовь, что когда-то была,
что пылала безумно и щедро –
та любовь прогорела дотла,
до последнего до сантиметра.
Прогорела до самых корней,
не могу ни забыть, ни солгать.
Я могу только память о ней
до конца своих дней сберечь.
Время рушит металл и гранит,
заживляет окоп на лугу...
Я могу только память хранить,
но страдать я уже не могу.

* * *

Пурпурный свитер. Глаза голубые.
Рыжая чёлка летит...
Боже мой, как мы друг друга любили!
Глупое сердце болит.

Всё позабыла – я вижу, я знаю.
Боже мой, как хороша
эта чужая, эта родная,
эта цветная душа!

Взгляд её ясный ничем не подёрнут,
чуть улыбается рот.
Вот она в новеньких джинсах подвёрнутых
алые розы несёт.

* * *

Живу средь хамства и вранья,
душа моя в крови.
И нет идеи у меня,
и нет во мне любви.

Какая боль в моей стране!
Сомненьями влеком,
я вижу: правды нет во мне,
и нет её ни в ком.

Конфуций, Будда, Иегова,
Христос и Магомет,
найдите точные слова –
я знать хочу ответ.

Что делать? Думать и молчать
и, запахнув пальто,
своей вины не замечать?..
И виноват ли кто?..

* * *

О каких я любовях забыл!
Сколько счастья ушло, сколько горя!
Сколько чувства в себе погубил,
и стихов, и житейских историй!

Все они задохнулись от пуг,
не достукались жизни на свете.
Тянут сердце моё и зовут,
как мои нерождённые дети.

* * *

Хватает лжи и грязи,
а всё же – благодать!
Хоть мир и не прекрасен,
а жалко покидать.
Безжалостен, опасен,
устроен мудрено...
Хоть мир и не прекрасен –
другого не дано.

* * *

Как можно жить и радоваться жизни,
если смерть – рядом.
Протяни руку – и вот она.
Даже руку протягивать не надо – вот она!
Даже убегай от неё – сама протянет руку:
– А-а! Вот где ты!..

Но живём и радуемся жизни,
может быть, именно потому,
что ОНА рядом.

* * *

Этот голос, назойливый, хриплый,
мне всю ночь об одном говорил,
что отец мой разумный и хитрый,
что он маму мою не любил.

И однажды от злого обмана,
что прощают и люди, и суд,
умерла моя хрупкая мама –
в голове разорвался сосуд.

И печальный вопрос неуместный
память высветлил и остудил:
папа, папа, зачем ты нечестный,
что ж ты маму мою погубил?..

Этот голос среди сипа и храпа,
этот голос теперь не избыть.
Ах ты, папа мой, папочка-папа,
я хочу о тебе позабыть.

Но мой жребий раздвоен, расхристан.
Не поделаешь тут ничего.
Я и сам не такой-то уж чистый –
и похож на отца своего.

И когда я жене изменяю,
и когда я дочурку гоню,
я отца своего вспоминаю,
я отца своего не виню.

Слышу голос среди сипа и храпа.
Бьётся сердце смятенно в груди.
Ах ты, папа, мой маленький папа,
как нам дальше по жизни идти?

Я проснусь от ночного кошмара,
задохнусь – не захочется жить...
Моя честная хрупкая мама
будет суд надо мною вершить.

УМНЫЕ И ДОБРЫЕ

Пустовато в мире стало.
И душа не рада.
Умных много, добрых мало...
Может, так и надо?
Я хочу, чтоб эти были
всё ж не забывали:
если умные губили –
добрые спасали,
если умные молчали –
добрые молили.
Добрых чаще убивали,
но острее любили...
Что ни день – умнеют люди,
жизнь ведут умело.
Умных чтут, а добрых любят,
но не в этом дело.
– Где вы, умные мои?
– Вот мы! процветаем!!
– Где вы, добрые мои?
– Век свой доживаем...

ЗВУКИ ТИШИНЫ

Визг метро ещё скребётся в ухе...
И вокзал мутит до тошноты...
Я в стогу, и наплывают звуки
голубой, прозрачной тишины.
Незлобивый перелай дворняжек,
лягушачий квак и кутерьма.
И поёт, беснуется и пляшет
жаворонок, спятивший с ума.
Топора размеренные стуки,
придыханья ветра чуть слышны...
Тишина... Она имеет звуки.
Берегите звуки тишины.

* * *

Дети маленькие мои,
дорогие сынок и дочка,
сгустки совести и любви.
Вот я вижу вас над лесочком:
взявшись за руки, все в цвету,
в солнце, в запахах трав духмяных,
улыбаетесь на лету
в белоснежных своих панамах...

Просыпаюсь – иная быль.
Тишь. Темно и пустынно в мире.
Разведенец, летун, бобыль,
в пустотелой своей квартире
я лежу и глотаю пыль.

МУХИ

При свете призрачном и хмуром
круженье мух под абажуром.
Неуловимое на слух –
бессонное круженье мух.

Что они кружат, эти мухи?
Что им покоя не даёт?
Кто их обрёт на эти муки –
кружить часами напролёт?

И не присядут, не прилягут –
всё будут крыльями махать...
Ведь то тягчайшая из тягот –
себя по воздуху таскать.

Но им отнюдь не надоела
забота эта из забот:
бессмыслица, а всё же дело,
пустой, а всё-таки полёт.

БОГОМОЛКИ*

Завязав платки по-русски,
завершив посильный труд,
кособокие старушки
к церкви медленно идут
и поют:
– Не унывай, не унывай, душа моя!
Уповай, уповай на Господа.
Не приемлют мир поточный,
мир соблазнов и вещей...
Под отглаженным платочком
отблеск выцветших очей:
– Видит Господи печаль мою.
А печаль моя – несносная.
А грехи мои обличат меня...
По просёлкам позабытым
в тёмных юбках тёмный люд.
По морщинистым ланитам
слёзы светлые текут:
– Ты кого пошлешь на помощь мне?
Или ангела? иль архангела?
Или сам сойдёшь, добрый Пастырь мой?
Вот стоят они под ветром.
Избы. Церковь. Поле ржи.
Провожают тихим светом
нас, исчезнувших во лжи:
– Я Твоя овца заблудшая.
Заблудилась в суете мирской...
И плывёт в дали безвестной
над усталою землёй
затишающая песня,
еле слышимая мной...

1975-1988

---

* В основе этого стихотворения – псалом, который я записал лет 30 назад от двух старушек, певших его по дороге на богомолье

* * *

Мир человека – шаткий и спесивый.
На всём лежит бессмыслицы печать...
О том, что дьявол может быть красивым,
я много лет старался умолчать.

Но окружали ведьмы, бесы, черти...
Откуда столько? – Чёрт их побери!
Манил соблазн безумия и смерти.
Я всё молчал, хоть видел изнутри.

А сквозь года, настойчиво и грубо,
сквозь жизнь, где ложь, гордыня и тщета,
нам брезжило, что Лермонтов и Врубель
бесстрашно говорили иногда.

* * *

В опереточной жизни кипучей,
в странной жизни из папье-маше
саданёт обозлившийся случай
то – по телу, а то – по душе.

Далее в пору цветения вишен
вдруг почувствуешь жар и озноб:
ты разгромлен, разбит и унижен,
смят, как моль, и раздавлен, как клоп...

Совесь, совесь, ну что ты там мелешь?
Что коришь? Что терзаешь? – Ей-ей!
заживёт на душе, как на теле.
Может, даже быстрее.

Совесь, совесь, смирись и послушай,
не встревай, потерпи, помолчи.
Всё снесут наши твёрдые души,
закалённые, как кирпичи.

ПО ПОВОДУ СПОРА МУДРЕЦОВ

I мудрец: «Живи так, будто у тебя впереди бессмертие...»

II мудрец: «Живи так, словно завтра последний день твоей жизни...»

Из умных книг

Всё время слышу этих мудрецов.
И всё-таки живу, в конце концов,
не хуже, может, дедов и отцов.
Один мудрец неспешен и ленив.
Другой – издёрган, резок, суетлив.
Как посмотрю – и этот прав, и тот,
а жизнь моя – как скверный анекдот.
Их мудростью пришибленный слегка,
и тороплюсь, и жить хочу века.

ОБРАЩЕНИЕ БОГА К ЧЕЛОВЕКУ

Прости, что слабый ты и тленный,
хоть смел и горд не по летам.
Велик твой разум драгоценный.
Но счастья Я тебе не дам.
Прости, прости, что столь беспечно
Я вверг тебя в атомный век.
Прости, что время скоротечно,
прости, мой бедный человек.
Не улететь тебе ко звёздам,
не разорвать рассудка тьму.
Прости... прости – тебя Я создал
лишь по подобию своему...
Как Я устал... как мало проку.
Сомненья бродят по пятам.
Я удаляюсь, слава Богу...
А ты ищи свою дорогу.
Попробуй сам... попробуй сам.

III. СКРЕЖЕТ

* * *

Тоской и злобой омрачённый,
я с удивленьем наблюдал,
как улыбался заключённый
и как калека напевал.

И как слепец ступал спокойно.
Но как же он?.. В извечной мгле!..
Я понимал, что недостойно
себя веду я на земле...

И сам, стараясь разогнуться,
за ними пристально следил...
Но ни запеть, ни улыбнуться
я сил в себе не находил.

* * *

Сколько лиц, вином измятых,
сколько челюстей гнилых,
сколько зенок мутноватых,
сколько хабальников злых!..
Среди них и я мотаюсь,
свеж и чист, в глазу успех.
Энергично продвигаюсь
я – уродливее всех.

* * *

Истина горше и глуше...
Есть нищета в правоте.
Только присмотришься глубже:
правы и эти, и те.

И разветвится дорога.
И замолчишь одиноко,
вновь никого не вина...
Истина?! – это для Бога.
Истина – не для меня.

И на пороге кощунства
с болью, что в кости легла,
думаешь честно и грустно
о неизбежности зла...

ЗАРЕВО

Век минувший – доставил хлопот.
Расщедрился на свежие трупы.
Сталин, Берия, Гитлер, Пол-Пот...
Огонь и воды, и медные трубы...
И в рыданье кривящийся рот.

Стала Стиксом туманная Лета.
Вот сума, вот тюрьма, вот дурдом...
Я устал от библейских сюжетов –
их всё больше и больше кругом.

Казино, наркота или водка...
И бордель красным оком манит.
И Бэн Ладан улыбится кротко,
и шахидка в глаза не глядит.

Олигархи. Ворюги. Убийцы...
Захлестнула тщета и беда.
Всё дымится, горит и клубится.
И несётся не знамо куда.

Трупы, трупы забили газеты.
Что-то много их в этом году.
Я устал от библейских сюжетов.
Даже слышать о них не могу.

Это сколько ж алчбы и позора?
До каких же пределов распад?
Может, даже Содом и Гоморра –
просто детский простительный сад.

От Миссури до тихого Дона,
от Кабула и до Лиссабона
Вельзевула роскошный пролёт...
Вижу: зарево Армагеддона
наливается кровью, встаёт...

МОНОЛОГ ТВОРЦА

Иногда подлетаю к Земле голубой, что когда-то любил,
и, склонившись, гляжу с неприметного тихого блюдца.
Как печально, что Я с сотворения мира
счастливого не сотворил,
вот несчастные Мне удаются.
В чём ошибся? Я долго смущённо гляжу...
Вдруг застонет душа, заболит нестерпимо.
Что Мне делать теперь? Что Мне делать? Никак не решу.
И пора, и давно уж пора – мимо, мимо...
Пусть всё будет, как есть...

ЗЕМЛЯНИН

Пустыня! глубь небесной тверди,
я гордый – есть за что карать.
Всего-то нужно мне – бессмертье.
Всё прочье можешь забирать.
Ты глухо смотришь пустотою.
И я надеждами не льщусь.
Но равным быть хочу с тобою.
На меньшее – не соглашусь.

* * *

Не боли, моё глупое сердце.
Не кричи в полуночном доме,
мол, темно, мол, никак не согреться...
Это всё не тебе одному.
Хорошо, что темно и морозно.
Так положено в зимней ночи.
Как сверкающе, ясно и звёздно!..
А про боль – помолчи, помолчи.

* * *

Где ты таишься, художник?
Надо рутину стряхнуть.
Падает серенький дождик
на искалеченный путь.
Наши кончаются сроки.
Так обессмерть же, любя,
и монотонность дороги
и монотонность дождя.

ПРИЧАЩЕНИЕ

Удостоиться этого места,
вынести муку, и боль, и борьбу.
И впечататься, врезаться, вьестся
в эту землю и эту судьбу.

Голой вечности слепо отдаться
в продолженье ушедшим векам.
И душою, и телом прижаться
к этой грязи и этим снегам.

* * *

Утлая лодочка жизни моей,
грузный линкорище жизни сановной...
Всё затеряется в сутолоке дней,
всё перетонет в пучине безмолвной...

Что же останется в ситечке лет?
Моря бескрайнего блеск беспечальный,
неиссякаемый солнечный свет,
всё примиряющий, изначальный.

Но для чего, для чего же я вру,
будто воскреснет, воскреснет, воскреснет,
крылья расправит, взлетит поутру
нами пропетая, тихая песня?

Будто бы там, где висят небеса,
там, в бесконечной сумятице сонной,
стынут жены моей нежной ладони,
мамы ушедшей родные глаза?

Будто бы там, средь хаоса и тьмы,
в мертвенном месиве атомов зыбких
брежжит в зиянье немой глубины
брошенной дочки больная улыбка?

Будто бы кружит средь сонмища льдов
голос таинственный, плавно летящий –
боль тех счастливых, несчастных годов,
раненой памяти отзвук щемящий?

* * *

Сколько неба! сколько поля!
Дали – в полумгле.
Сколько подлости и горя
на родной земле!

Только я – удел мой жалкий –
это умолчал.
И в словесной перепалке
землю защищал.

И с врагом в неравном споре
я нечестным был...
Я и в подлости, и в горе
Родину любил.

* * *

Л. Шерешевскому

То чистое количество искусства,
которое нам гении добыли,
исчезнет вдруг... –
и так на свете пусто,
как в братской переполненной могиле.

То чистое количество свободы,
что я в себя впустил неосторожно,
в такие завлечёт меня тенёта,
что выпутаться будет невозможно.

То чистое количество любви,
что я копил, как янтари природа, –
давно не в силах отличить от боли,
как отличить паденье от полёта...

* * *

Что я каркаю? Всё ведь отлично.
Мир так щедро меня привечал.
Что я беды грядущие кличу?
Лучше б я до поры помолчал.

В этой жизни короткой и длинной,
где страдания не все поделом,
где судьба поджидает с дубиной
вот за тем иль за этим углом,

где, гармонии жрец музыкальной,
сквозь года продираясь вперёд,
знаю: всё лишь тогда и нормально,
если всё ненормально идёт.

АГОНИЯ

Окраина города. Хмуро.
Собаки, бараки да куры.
Сараи – фанера да жесть.
Убогая архитектура...
Калечные совесть и честь.

Какая-то жилка задета
в больном организме страны.
Уж слишком грязны туалеты.
И кладбища слишком грязны.

А если рискнёшь и оставишь
у дома свой велосипед,
сопут – на жиде и не свалишь,
масона поблизости нет...

И скука, и горечь, и вялость...
И с болью отводишь глаза...
Нам только природа осталась –
поля, и холмы, и леса,

и эта река, и дорога,
и ветер, что тучи несёт...
А впрочем, и здесь безнадёга.
И нас ничего не спасёт.

Нам будет всё хуже и хуже.
Развеяны все миражи.
Разбиты, разгромлены души...
А как проживёшь без души?

ПОЛЕМИКА С ЛАО-ЦЗЫ

«Надо творить, пока ты не растрочен.
Тают и тают часы...
Выполни всё, для чего предназначен...» –
так говорит Лао-Цзы.

Ах, Лао-Цзы, косоватые глазки!..
Вдруг загляжусь в синеву...
Нет, не могу, не могу по-китайски –
я по-русски живу.

Знаю, что, может, не слишком умело
действовал праведный Бог.
Верно – не мало, не мало Он сделал...
Только ведь меньше, чем мог!

ОБРАЩЕНИЕ К БОГУ

Изволь назначить светопреставленье.
Своим зрачком семитским просмоли.
Но не желай поставить на колени
наивные понятия мои.

Пожалуйста, не любишь – сокруши.
И в ад сошли, и подложи поленья...
В пространственной и временной глуши
пусть сгину я по твоему велению...

А хочешь, появишься иль знак подай.
И заходи. И проведи беседу.
Ну, просто так – как дядюшка к обеду.
И просвети, и время скоротай.

* * *

Небеса белым-белёсы.
Я плетусь едва-едва.
Краснопёрые берёзы
ходят мимо, как плотва.

Всё равно мне: снег ли, грязь ли,
встречу ль всё равно кого.
Я сегодня просто счастлив,
просто так, ни от чего...

Торопиться неохота.
Не даю себе труда...
Дальней церкви позолота.
Дальней фабрики труба.

МУЗА

Схвачена лужа морозцем.
Заледенела лыжня.
Сладко пахнуло навозцем.
Спит деревенька моя.

В дали отчаянно-русской
взлаял кобель в тишине.
Солнце мне делает ручкой
и улыбается мне.

Лучшую слышу из музык...
Так бы всю жизнь и прожить...
С неба спускается муза,
хочет со мной согрешить.

ЗАКАТНАЯ СИМФОНИЯ

1.

Закатный свет лёг на холмы и душу.
Наплыл туман. Кончаются слова.
Какая тишь! Молчанья не нарушу –
я мирозданию передам права.

Внизу речушка, поле, стог и вербы...
Вверху небес тончайший фиолет.
Нет никаких сравнений и гипербол –
есть только этот предвечерний свет.

Цветёт закат – раскрашенное чудо.
Звезда возникла, начала мерцать.
Не знаю я, зачем я и откуда –
но послан Богом это созерцать.

Я послан в мир любить его пространство,
цветы и песни трепетной земли.
Я послан в мир усилить постоянство,
усилить свет, мерцающий вдали.

2.

Такая высь и ширь за нашим домом,
так взор туда рассеянный влечёт,
так вольно над асфальтом и бетоном
играет светом пристальный зрачок!

Пурпур и медь перетекают вязко,
лиловое и синее течёт.
Висят ошеломительные краски,
и их пронзает блёсткий самолёт.

Вот край земли. Светящиеся пальцы
к нам тянутся и манят за предел...
Не это ль думал выразить Вивальди?
Не это ль Моцарт выразить хотел?

* * *

Опять животворная сила
в порожнюю душу вошла...
Стихи, что душа отделила,
машинка, как пчёлка, взяла.

И снова я чист и свободен,
и день коротаю пустой...
Какая роскошная осень
кружит над моей головой!

* * *

Залучилась душа, засверкала.
В звонкой ясности дни понеслись.
Словно лампа в режим перекала,
вдруг врубилась бесцветная жизнь.

Колокольчики начали тенькать,
и запели в душе соловьи...
Но опять упирается в деньги
безнадёжное дело любви.

И опять пропаду, затоскую...
Я про деньги никак не пойму.
Я бы понял доску гробовую
да сгубившую душу тюрьму.

В этом смутном годов промежутке
надо мной скопидомка-судьба
сотворила нелепую шутку
и застыла, глуха и слепа.

* * *

Вполне рифмуюсь с древним словом «кровь»,
привыкшая к хождению по мукам,
но наша невозможная любовь
ещё жива, благодаря разлукам.

Во время встреч в далёкой стороне,
обманщики, обманутые оба,
мы всё же были счастливы вполне
в конурке той – за пазухой у Бога...

Но расставались. Думали: конец...
Мы знали: всё живое умирает.
И это чувство – тоже не жилец.
А вот живёт и силу набирает.

Любовь пружинной мощью налита.
Грядут, грядут её метаморфозы...
Не так ли прорастает иногда,
в кирпич въедаясь, семечко берёзы?

ЛИКИ

Лик лжи – утончённо прекрасен.
Так лгите же – я не корю.
Лик правды бывает ужасен.
Я знаю, о чём говорю.

Зачем мы так мелочно-строги?
Пусть будут пробелы в судьбе...
А много ль мы знаем о Боге?
И знаем ли мы о себе?

Побольше же баек и басен.
Красуйтесь! – Вас будут любить.
Лик правды бывает ужасен.
Он может сломать и убить.

* * *

Окрыляет в жизни невысокой
и зовёт в иное бытие
с поволокой взгляд голубокий,
вся фигурка ладная её.

Матери родной забуду имя...
Лгу жене... Вся жизнь, как в полусне.
Лишь блеснёт глазами, лишь обнимет,
лишь прижмётся, тёплая, ко мне.

Оттого-то в ней души не чаю,
да, люблю, и что тут укорять,
лишь за то, как бёдрами качает,
как умеет «кудри наклонять».

И душа бессмысленно ликует,
и горюет, и с ума схожу...
Что уж говорить, как зацелует,
как заплачет, если ухожу...

* * *

Тоской и страстью опалён
и ничему не веря,
я вновь к тебе приговорён,
как к самой высшей мере.

Начнут возмездие свершать,
ну что же – не раскаюсь.
И мне тебя не избежать.
Да я и не пытаюсь...

Аэропорт. Почтамт. Перрон...
И плоть, и душу – рушу...
Я сам к себе приговорён.
И это много хуже.

* * *

Провинись предо мной, провинись.
Обмани, ляпни грубое слово.
Оскорбись на меня, оскорбись...
Дай для мести и ревности повод...

Я не в силах тебя покинуть.
Я не в силах тебя любить.
Подари хоть одну причину,
чтобы совесть мог сохранить...

* * *

К твоим ногам склониться мне позволь.
Поставь пластинку. Помолчим немного...
Ты снова плачешь? Что ж, поплачем оба –
ведь мы с тобой обречены на боль.
И утешенья нет – она до гроба.

Но это полбеда. Ты всё поймешь.
Обиды, боль и страх перенесёшь...
Ну, улыбнись... Яви опять беспечность...
Но мы ещё обречены на ложь.
И это навсегда – на бесконечность...

РАБ

Нет цельности в твои-то годы?
Ну что ж, смирись и помолчи.
Ты раб любви, ты раб свободы.
Тебя гоняют их бичи...
Как ты устал от сей работы!
Пришла пора повременить.
Ты раб любви, ты раб свободы?..
Их никогда не примирить.

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

1.

Что в душе разорённой несу?
Мне грозит сатана с того света.
Заблудился в любви, как в лесу –
никакого не вижу просвета.

Часто слышу: судьбу не гневи...
Но ропщу – затерялась дорога.
Жизни нет, если нету любви.
Жизни нет, если слишком уж много...

2.

Позабыть бы свою вину,
рассказать бы, о чем молчал.
Полюбить бы родную жену –
я ведь лучше её не встречал.

Выйду в поле, к земле прильну.
И своё прокляну житьё.
Разлюбить бы родную страну,
позабыть бы навек её.

3.

Сколько поздних, ненужных стараний,
сколько жалких грехов, покаяний...
Жар души до сих пор не утих.
Я устал от безмерных желаний,
записных сумасшествий своих...

Не пора ль, чтобы выдохся ветер?
Не пора ль быть за что-то в ответе?
И в душе своей что-то убить?
Чтобы счастья желать – только детям,
а себя самого позабыть.

* * *

И, кажется, я всё это предчувствовал,
что пустотелый вытяну билет,
что будет жизнь разламываться с хрустом...
И хватит... И конец... И больше нет...

Да. Да. Вот так всё: прахом,
прахом,
прахом –
мои друзья, любви и дела.
Да. Да. Вот так: тупеющим неряхой –
зрачком в поверхность липкую стола...

И тишина. Поскрипывает город.
Встаю, иду, разогреваю чай...
Мой старый друг, мой бедолага голод,
ты столько раз входил и выручал.

ВОЗМЕЗДИЕ

Как жизнь твоя удушливо проходит.
Всех предаёшь – страну, любимых, дом...
Никто не мстит. А мстит, так не находит.
Возмездие несёшь в себе самом.

* * *

Лезем, лезем на Парнас
до сужения аорты.
Царство Божье ? внутри нас!
А не в нас ли царство чёрта?

ЭТЮДЫ

1. БЕЛАЯ НОЧЬ НА ПЕЧОРЕ

Сизая млечность в просторе,
бледных лесов силуэт.
Белая ночь на Печоре
напоминает тот свет.

Сизая даль. Поволока.
Тихое солнце висит.
Еле заметная лодка,
как приведенье, скользит.

Вкрадчивый свет безмятежный
в душу и тело проник.
Вот уж и сам ты нездешний
свой же счастливый двойник.

Всем завладел распростёртый
здесь над великой рекой
этот покой полумёртвый,
этот извечный покой...

Рядом светящейся мутью
берег, деревья, дома...
От красоты и безлюдья
медленно сходишь с ума.

2.

Здесь, за седыми туманами влажными,
здесь, за кочующим шумом дерев,
мне все дела показались не важными –
вечности слышен напев.

Радостью вновь роговицу омою,
весел, здоров и не лжив...
Душу усталую настужь открою.
Снова почувствую: жив!

3.

Поле, звёзды, недвижимый стог
и луна, что серебряно светит, –
как заметят, что я одинок,
так утешат меня и приветят.

Я удобно устраюсь в стогу.
Запрокинусь в холодное небо.
Замечтаюсь, мозги отвлеку
тьмой меж звёзд и сиянием снега.

Вот, подумаю, жил я нелепо,
но иначе уже не могу...

А потом запримечу одну –
ту звезду, что висит над востоком.
Улыбнусь ей и ей подморгну.
И не будет мне так одиноко.

4. ЗЕЛЁНЫЙ ЖУК

Зелёный жук, похожий на траву,
траву едящий – оттого зелёный,
ползёт по мне: по пальцам, по запястью,
затем по локтю, после по плечу...

Он поначалу полз неторопливо,
зелёными усами шевелил.
Потом – не знаю, что произошло
в прозрачной, травянистой головёнке, –

он вдруг забеспокоился, забегал,
попятился, зигзагом заюлил
и телом тонким закричал надрывно.

Как будто он внезапно обезумел
от запаха и вида человека,
простёртого под солнцем на траве.

5. БАБОЧКА

Поле сливается с небом,
медленно прячет черты.
Светится пепельным светом
мир неземной красоты.

Робкие, тихие краски...
Вдруг – шевельнулось... смотрю...
Бабочка! Бабочка... здравствуй!
Не умирай к ноябрю.

6. ДЕРЕВО

Дерево, действительно прекрасное,
породистое внутри породы своей,
особенно стройное, величественное, гордое,
со своеобразной пластикой покачивания,
не умеющее некрасиво изогнуться
даже при ураганном ветре,
встречается так же редко,
как прекрасная женщина
или высокая душа.

7. ЗЕМЛЯ

Травую приголубит,
росой приворожит...
Земля нас любит, любит.
Она за нас дрожит.

Напоит и накормит.
Надежду залучит.
Тоску и страх прогонит
и душу облегчит.

Накажет иль прославит,
даст пряник иль кнута.
Но место предоставит,
чтоб с нею – навсегда.

* * *

Неужто бывали денёчки
счастливые? – я не пойму.
Она зашивала носочки
и нос вытирала ему.

А он на совочке песочек
носил или в мячик играл...
Господь! – ты ведь знал, что он хочет!
Господь, как же ты проморгал?..

Столетиям залечивать раны
и не залечить ничего...
Была ли у Гитлера мама?
Кормила ли грудью его?

* * *

Когда война приблизится к порогу,
когда нам в души вломится война,
жена пусть поцелует на дороге,
проводит пусть – на то ведь и жена.

И мы тогда построимся и двинем,
ступая поначалу невпопад.
И каски неуклюжие надвинем.
Ах, эти каски жалкие солдат!

И чувство долга будет нам не внове.
И песни запоём, как повелят.
И каждый будет знать, что не виновен
и что ему не суждено назад.

ЛИЦО

В зеркале он увидел лицо:
бугристый лоб с глубокою морщиной,
взгляд умный, беспокойный и усталый,
безвольный рот и щёки, как олады...
– Ах, время, время! – вырвалось. Подумал:
– С таким бы я в разведку не пошёл.

* * *

А время годы нижеет,
а ветер пыль колышет...
Дорога – в никуда.
И боль мою утишит
одна лишь красота.

Я знаю: всё забуду,
и жизнь сойдет на нет.
О чём же помнить буду,
покинув белый свет?

Все горести запрячу,
все прокляну рубли...
А если и заплачу,
так только о любви.

* * *

Солнце приходит с востока...
Ночь также приходит с востока...
Так что не спешите делать обобщения.

* * *

...Ты ничего не объясняй,
не спрашивай,
чужим быльём не разбавляй
нашего.

Быльё чужое – пусть в дыму
ключья...
Не бойся, я тебя пойму
молча.

* * *

Ах, зачем эти чёртовы юбки?
Что я делал? и что говорил?
Груди – две беспечальных голубки,
и с руки, и губами кормил.

А земля голубого отлива
молчалива была и щедра –
так же выпукла, так же красива,
как изгиб голубого бедра.

И тела, словно души, сливались.
А потом возлежали без сил.
То ли плакали, то ль улыбались.
Дождик нежности всё моросил...

Как назвать то: любовью ли? страстью?
Ни расчёт был неведом, ни страх.
В беспросветном вселенском ненастье
птицу-счастье держали в руках.

* * *

Господи, как мне легко влюбиться.
Пальцем помянут – и побегу.
И будет сердце долго, глупо биться,
когда бежать я больше не смогу.

И всё равно, как вздумает назваться,
что на душе – веселье или грусть.
И сам не знаю, плакать или смеяться,
когда вдруг упаду и задохнусь...

Что со мной? Во что же я играю?
Какая порча у меня в крови?
Взгляните мне в глаза – я умираю,
я умираю... без любви.

РОМАНС

Нежный локон блеснёт золочёный,
нежный взгляд промелькнёт золотой...
И смолкает мой разум смущённый,
захлебнувшись привычной тщетой.
Вновь над миром полоска цветная –
то закат и леса за межой...
До свиданья, родная, родная!
Десять дней – это срок небольшой.
Может, ночью пригрежусь со стоном,
промелькну в воспалённом бреду,
иль прорежусь звонком телефонным,
иль журнальной строкою дойду...
Но прошу, лишь одно обещайте:
вспоминая – светлейте душой.
До свиданья... Прощайте! Прощайте!
Наша жизнь – это срок небольшой.

* * *

Нелепой жизни длится, длится нить...
Как жил? – Не знаю. В общем – как придётся.
Умею только правду говорить.
Но главное сказать не удаётся.

Бывает, надо мысль свою сокрыть,
но открываю всё неосторожно.
Умею только правду говорить.
Но правде и поверить невозможно.

Лечу и вкривь, и вкось, а в общем, вниз –
среди суеты, и склок, и безрассудства.
И тянется загадочная жизнь
по правилам войны или искусства.

Наступит день, и кану в вечность я.
От этого никто не потеряет.
Ну, а покуда, радость бытия
пузырится, и жётся, и сверкает.

* * *

Тишь, полутьма. Лишь музыка светла.
И двое над мирами воспарили.
Летят, летят и светятся тела.
И пьют глаза, что губы не допили.

Так обнаженно руки говорят,
Так мелодичен голос твой отважный.
Всё ближе, ближе синий этот взгляд,
Смеющийся, мучительный и влажный.

* * *

Может быть, и расправятся крылья,
может, правда взлечу я – как знать?
Может быть, так тебя полюбил я,
что уже не смогу изменять.

Просветляются голос и мысли...
И лучится моё существо.
Замечаю незримые выси,
вижу свет там, где нету его.

И любому становится ясно,
если он не слепей, чем слепой:
то не ты, то не ты так прекрасна –
я прекрасен, когда я с тобой.

То ли в тайном родстве наши души,
то ль едина мы плоть? – Знает Бог...
А другие? – другие не хуже,
может, лучше, да я с ними плох...

* * *

Вот и расторгнут наш тайный союз.
Снова пустой и бессмысленно-смелый,
даже тебя потерять не боюсь.
Я уж не раз это делал.
Дай погубить, что любил и люблю.
Взгляд помутнён и потуплен.
Сук, на котором сижу, подрублю.
Впрочем, и так он подрублен.
Долей горчайшею вновь захлебнусь,
жизнь свою ветру вверяю.
Даже тебя потерять не боюсь...
Только ведь – не потеряю.

* * *

Ни стоны, ни слёз, лишь понура походка,
и в комнате пыль да грязца.
Кривая усмешка от губ к подбородку
пейзаж исказила лица.
Не слышит мотив, что летит издалёка.
И вянут глаза, как цветы.
Закусит губу и сидит одиноко...
Она-то несчастна... А ты?

* * *

На столе всё в грязи и во рже...
Ничего не найти... Что случилось?
Навести бы порядок в душе –
на столе бы само получилось.

БРЕД

Зачем этот жалкий, горячечный бред?
Я чуждо смотрю сквозь стекло.
Зачем это солнце? зачем этот свет?
зачем эти смех и тепло?
Зачем эту жизнь волоку, чуть дыша –
былого слежавшийся ком?
С любовью уходит из тела душа.
И я не могу о другом.
Как скучно, как пусто моё существо!
Как пало моё бытие!
Лишь мелкие радости тешат его –
газеты, еда и питье.
Куда я иду?.. И не в силах свернуть...
Бескрайни печаль и враньё.
И сдавлено горло, и сдавлена грудь...
И я не могу без неё...

СОН О ПОТЕРЯННОЙ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

Как улыбалась ты в том сне!
Как ты вела себя нестрого.
Остерегайся сниться мне –
во сне я вижу слишком много.

Мы врозь, и не на что пенять.
Свободно можно изменять.
Но встреч во сне не избегу я.
Не вздумай сниться мне опять –
всю излюблю и исцелю.

Былое вспомню – боль да грусть.
И всё ж надеждой обольщусь...
Былое – ничему не учит.
К тебе я больше не вернусь –
во сне когда-нибудь приснюсь,
во сне когда-нибудь прищучу,
всю излюблю и всю измучу.

* * *

Л. Тарану

Столько помнить и совесть не рада.
Я надеждами душу не льщу.
Боль и радость, тоску и отраду –
всё, что было, с собою тащу.

И в былом копошусь, точно в хламе,
реже радуясь, чаще скорбя...
Уходи от меня, моя память, —
я устал, я устал от тебя!

Словно жжёт меня серное пламя –
я хочу чистой жизнью пожить...
Уходи от меня, моя память,
дай хоть что-нибудь мне позабыть!

В ТУМАНЕ

1.

Влажный холод вечерних полян.
Птица сонная тенькает что-то.
Августовский двуслойный туман
пеленает леса и болота.

В тишине гулко щёлкает кнут –
пастухи гонят тёплое стадо.
Слышно: люди нестройно поют,
и поёт самолёттик с надсадой.

Ну а ты, средних лет истукан,
что ты хочешь найти в глухомани?
Видишь, видишь на свете туман?
И судьба твоя тоже в тумане.

Вот и слушай назойливый писк,
лист упавший рассматривай в луже...
Ты, как этот сорвавшийся лист,
никому невидим и не нужен.

А кто нужен тебе – поищи.
Не считай, что неправедны люди.
Ты неправеден сам, не ропщи.
И пойми, что не то ещё будет...

Сонной птицы тончайший пунктир,
пальный лист – чуть шевелится, странен.
Равнодушный, стихающий мир
исчезает в слоистом тумане.

2.

В тумане близкое – вдали,
окрестный лес – малозаметный.
В тумане чувствуешь земли
протяжные, тугие метры.

В тумане хорошо идти!
Привык скитаться по туману:
не ведать, что там впереди,
обманешь ты, тебя ль обманут?

Какая ночь! какой туман!
Ни птиц, ни звезд, ни самолётов...
Какой, наверное, обман
готовит кто-то для кого-то!

* * *

Птичий посвист, круженье листа,
нежный снег, опушающий плечи...
Мира этого вся красота
от скопившейся тьмы не излечит.

Даже детское пенье в тиши,
цвет небес, блеск потока весенний
не отменят корысти и лжи
и предательства не обесценят.

УСТАЛОСТЬ

Было время – даль сверкала
и душа была светла...
Пелена глаза застлала
и на душу налегла.

И смертельные боренья
ни к чему не привели
на душе ороговенье,
словно ногти выросли.

ПРИЁМНАЯ

Убогие, тусклые стены
управ, райотделов, судов...
Печаль нескончаемой смены
сирот, инвалидов и вдов...

Казённое, вечное действо.
Нескорый, неправедный суд.
Бесмыслица, скука, злодейство...
Тоски и уродства приют.

Стол. Кресло. Очков полукружья.
В подшивке бумага шуршит.
Сквозняк, духота и бездушие.
И тоненький голос дрожит.

Щёлк принтера, шёпот, проверка...
Сгустившийся смрад неудач.
Ощер аккуратного клерка
и маленькой женщины плач.

* * *

Как учили! – и в глаз, и под рёбра –
кулаком и словечком худым...
Может быть, оттого он и добрый,
что боится быть подлым и злым.

Но эпитет приклеился лестный,
понадёжней, чем сила и власть...
Может быть, оттого он и честный,
что боится как следует красть.

Что нажил – заработано потом.
Всюду прав, и сомнения нет...
Может быть, оттого и живёт он,
что боится уйти на тот свет.

* * *

Еврей, прости антисемита!
Прости несчастного, еврей.
Его душа черна, испита,
тоской и завистью размыта...
Прости его и пожалей.

Я знаю: ничего не выйдет.
И ничего он не поймет.
И лишь острее возненавидит.
И за прощенье изобьёт...

И всё ж не холь в себе обиды.
Прости его и будь смелей.
Чем больше он возненавидит,
тем больше ты его жалеи.

И не ропщи, что вы не квиты.
И, добротой зло поправ,
еврей, прости антисемита –
он иногда бывает прав.

* * *

Всё больше одичанье масс,
всё меньше света и любви,
всё больше хамства и пластмасс,
и неподдельной, дикой боли.
Свобода! – ты уже не впрок.
Распад сознания и искусства.
Кто правит – дьявол или Бог?
И чей разбеленный зрачок
глядит на мир темно и пусто?
И ты, его скромнейший житель,
не отмахнись ни от чего –
ты и создатель, и носитель
безмерной мерзости его.

ДРУЗЬЯ И СОСЕДИ

1.

Слушай, за чем же ты гнался,
бремя отринув забот?
Дрался, юлил, пресмыкался,
мчался и мчался вперёд.
Словно бы дьявола семя
жгло, растекаясь в груди.
Мчал сквозь пространство и время...
Думал, сумеешь пройти?

2.

В лес идёт и грибы собирает –
те возьмёт, что никто не берёт.
По заброшенной тропке гуляет –
там идёт, где никто не идёт.
Что согреет его, что остудит?
Что за помыслы голову мнут?
Любит женщин, которых не любят,
пищу ест – ту, что в рот не берут.
Песнь поёт, что никто не поёт.
Так живёт, как никто не живёт...

3. НА СМЕРТЬ ПОЭТА А. ТИХОМИРОВА

Хохотали, звонили, поили...
Приглашали за столик и в дом...
Я любил, и другие любили,
хоть он часто не прав был во всём.

Но упорно судьба поспешала.
Хитроумно плела канитель,
оплетала, кралась, окружала,
конопатила каждую щель.

Не спасли ни улыбка, ни слава,
не спасли те, кто ждал и любил.
Гул и скрежет ночного состава
смял его, раздавил, растащил.

Грудь разверзлась, и хлынули людям
и душа, и стихи, и любовь.
И в январской заснеженной мути
застывала меж рельсами кровь.

И сомкнулась судьба беспробудно.
И молчало в слезах Божество...
Справедливости нет и не будет –
и не сделаешь тут ничего.

4.

Он вскормлен молоком от млечного пути,
как витамин заглатывал восходы,
дотошно разузнал о бытии
на западе, и юге, и востоке...
И понимает шорохи миров
и кашель белых карликов из космоса...
Но заблудился он средь вечеров
в урочище судьбы своей без компаса.

5.

Он живёт. Жизни скудная треть
остаётся. Нелепое бремя.
Может всё – разучился хотеть.
Хорошо поработало время.
И никто, и ничто не спасёт
в каждодневной подлунной юдоли.
Мышцы, мысль – распадается всё,
начиная с желанья и воли.

6.

Для того ль в коммуналке ютился,
не избег ни беды, ни тщеты,
для того ли на свет народился,
чтоб не видеть его красоты?
Для того ли во мраке скитался
и желал поскорей умереть,
для того ль прозревал и влюблялся,
чтобы той красоты не воспеть?

РАЙЦЕНТР

Вот посадки вдоль стен – без листа.
Вот кобель чешет тощее тело.
Вот церквушка гниёт – без креста...
Ну а мне-то, какое мне дело?
Вот машиной раскатанный кот.
Вот в грязи позабытая стройка.
Вот рабочий бутылки несёт.
Вот старик копошится в помойке...
Пусть помойка, пусть нищий старик,
пусть уснувший в моче алкоголик...
Я ведь всё это видел – привык!
Даже взгляд мой не очень-то горек.
Отчего закололо в груди?
Почему стало на сердце плохо?
Боль моя, уходи! уходи!
Не пугай меня больше, эпоха!..
Воскресенье. Горсад у леска.
Населения пьяные крики.
На аллеях, где сор и лузга,
гром разнузданной, наглой музыки.
И пирует на травке народ
вперемешку с дерьмом и заразой...
И мальчишка, такой синеглазый,
потерялся и маму зовёт...

* * *

Пастух проходит, рваный и худой.
Худые, утомлённые коровы.
Их вымена – щетинисты, суровы.
Наверное, неважный с них удои...
И сумеречный свет бестеневой,
до горизонта тихая картошка...
И вдаль смотреть – чуть грустно, но не тошно,
как в серый небосвод над головой.

ОВЦЫ

Пыльная травка сияла
близ кособоких домов.
Тут же у края квартала
стадо овечек гуляло –
может, с десяток голов.

Лето. Смеркается поздно.
Пусто. Округа тиха.
Стадо гуляло свободно –
стайкою, без пастуха.

День чистой радостью брезжил,
светом и счастьем кадил.
Неторопливый приезжий,
я мимо них проходил.

Вдруг в том ликующем свете
овцы рванулись ко мне
и зарыдали, как дети,
где-то в иной стороне.

Жалобно, долго кричали.
Слышал их боль и мольбу.
Словно бы вдруг осознали
время своё и судьбу.

ГОРОД СТАРИЦА

В центре города Старицы
поют сверчки,
и картошка растёт в палисадниках.
В центре города Старицы
гомонят мужички
у кафе возле новой гостиницы.
В центре города Старицы
клубеньки церквей,
да косые дома деревянные.
Неширокая Волга неспешно течёт –
высоки берега зелёные.

Город Старица стар – постарей Москвы.
Козы щиплют его мостовые.
В центре города Старицы
растут цветы
не садовые, а полевые.

А где Кремль был – лопухи, лебеда.
Слышно: Волга негромко поплескивает,
да не знаю, где песню поют –
за полями, за перелесками...

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ГОЛОСА

1. МОНОЛОГ ПИСАТЕЛЯ

Гляжу вокруг, прислушиваюсь, чую,
в чужую жизнь вникаю всей душой...
Я не живу, я только существую,
я промышляю жизнью чужой.

Лишь слушаю, смотрю, а сам дичаю,
в чужую жизнь вникая наяву...
Лишь подмечаю я, лишь примечаю,
лишь изучаю, сам же – не живу.

Но как устал! Отвлекся бы не худо.
Какой ущерб терплю для естества!
Сдавило грудь, сжимаются сосуды.
Пустеет кровь, и пухнет голова...

2. ГОЛОС МАТЕРИ МОЕГО ДРУГА ВИКТОРА ДЕМИДОВА

Только грязь, только боль да несчастья,
только слёзы, да пот, да тщета –
по мирской ли, по Божьей ли власти
предоставлены мне навсегда.

Только тьма – я иного не знала.
Смех и солнце – их нет на земле.
Лишь сынок мой горит вполнакала
в нарастающей стуже и мгле.

Вслед за горем – всё новое горе.
Ухожу, никого не виня...
Кто постелет ему, кто укроет,
кто покормит его без меня?

Всё. Прощайте! Мой час всё короче.
Вот уж рвутся сосуды в мозгу...
Не пугайся, сыночек, сыночек,
я ОТТУДА тебе помогу.

3. ДВА ГОЛОСА

– Как с тобой приключилась такая беда?
Заплутался в судьбе, словно мальчик в лесу.

– Слава богу, душа не оставит следа –
столько грязи в себе я несу.

– Что ж, вот так ты и будешь брести до межи –
боль искать в каждом прожитом дне?

– Слава Богу, что, может, и нету души –
столько боли скопилось во мне.

– Ты с ума сошёл! глянь на того, на сего!
Позабудь! Это – чушь, ерунда!..

– Во Вселенной сужу я себя одного.
А людей, а судьбу – никогда!

4. МОНОЛОГ РАСКАЯВШЕГОСЯ

А если всерьёз поразмыслить
о том, кто я всё же такой,
какие я знал компромиссы...
Ах, Господи, Боже ты мой...

Как врал, заправляя арапа,
как лживо зрячками вращал...
Не зря мне партийный мой папа
приёмы свои завещал.

И стыд ощущаю, и муку,
твою чую, Господи, месть,
как вспомню нечистую руку,
что жал, позабыв свою честь.

И плачу, полжизни итожа.
Молю: – Хоть сейчас образумь!
Прости меня, Господи Боже,
и в рожу корыстную плюнь.

5. ГОЛОС ПОКИНУТОЙ

А душа всё пустей и пустей.
В ней всё глуше и тише.
Что ты сделал с любовью моей! –
Я уже ненавижу.

Я – как высохший куст без корней
среди сора и пыли.
Что ты сделал с любовью моей!
Что ты сделал, мой милый!

Боль во мне всё острее и острее.
Адским жаром чадящих углей
жгут и душат страданья.

Умирай же, душа, поскорей –
дотлевой же, черней, холодней...
Начинайся ты, жизнь тараканья...

6. МОНОЛОГ НИЗЛОЖЕННОГО

Обрушилась империя моя.
Все родичи мои – на эшафоте.
Последнего терпения моря
последние раздумия поглотят.

И вот стою – великолепный царь,
насмешкам и проклятиям внимаю.
И чернь кричит у моего лица...
Всё понимаю, но не принимаю.

Я сжал лицо своё в светлейший лик,
сверкать заставил свой наследный титул.
Пусть я всего лишь немощный старик,
но пусть никто не знает про обиду.

Пусть видят: я – священный государь
под золотой и розовой эмалью.
Бей, раб! На! бей! Ещё ударь!
Я низложения не принимаю!

Пусть добрых глаз в толпе не отыскать,
я ропот шлю покинувшему Богу.
Пусть по виску харкотине стекать,
я удержу и скипетр, и тогу...

Рыгает редькой мне в лицо конвой.
Они смеются, жалкие плебеи...
Недолго мне... Я лишь одно лелею:
остаться до конца самим собой.

7. ДИАЛОГ С ЭГОИСТОМ

– Ах, жизнь твоя – вся все пролетела!
Ты никому и ничего не дал.
Страдания человека нет предела.
И только ты ни разу не страдал.
И ни за что ты не бывал в ответе.
Твои года развеялись, как дым.
Что делал ты, зачем ты жил на свете?
– Я причинял страдания другим.

8. МОНОЛОГ РАЗЛОЖЕНЦА

Я не в бою и не в строю.
Хожу с помятой рожей...
На что я трачу жизнь свою?
О, Господи мой, Боже!
Побед народу не кую.
Встаю не спозаранку...
На что я трачу жизнь свою? –
На блядство и на пьянку.

ЦВЕТОК

Памяти А. Тихомирова

Палый кружится листок.
Воздух о воздух шуршит.
Маленький синий цветок
возле дороги лежит.

Лужи, обочина, грязь...
Долго брожу, одиноко...
Словно земли этой глаз –
маленький синий цветок.

Здесь он родился и цвёл.
Ныне лежит чуть живой.
Скудный родимый подзол
скудно украсил собой.

Вот самосвал прокатил.
После прошёлся каблук.
Вот он склонился без сил,
больше не ведая мук.

Больше ему не цвести,
горя не знать на веку...
Он меня может спасти,
я же его не могу.

ПАМЯТИ КНЯЖНЫ

Думай, Стенька! Всё видно заранее:
хватит воли, отваги и сил...
Всё равно проиграешь восстанье —
для чего ты княжну погубил?

Пролил крови. Награбил. Дорвался.
А теперь ещё мягок ночлег.
Ну, зачем ты над ней надругался —
может быть, и она человек?

Ах, не тот ещё ветер подует.
Ах, крепка ещё кость у Москвы.
Пусть старшина ревёт и лютует,
но тебе не сносить головы.

Не спасут ни оружие, ни деньги,
мрак обступит, не вылечит хмель.
Ты пропал в то мгновение, Стенька,
когда кончить решил канитель.

Погуляй, побунтуй же, приятель,
взбаламуть подневольный народ.
И на век твой найдётся предатель...
Подожди, уже близок черёд.

* * *

Полукровка — не обрезан пенис.
Кто ты? что ты, хмырь немолодой?
Добровольный вечный отщепенец,
каждый миг воюющий с собой.

Захлебнись, тони в житейской пене.
И сползай улыбочиво на дно.
Добровольный вечный отщепенец...
Ничего иного не дано.

МЕТИСЫ

Незримая есть биссектриса,
ненужная миру межа...
Ну, как вам живётся, метисы?
Раздвоена кровь и душа.

Спешат головами поникнуть –
изгой! — проклятья не снять.
К чужим не желают приникнуть!
Своих не желают признать!

Велит и насилует время.
Зовёт осознать и решить.
И выбрать полкрови и племя...
А кровь неугодную – слить.

РЕКА В ГОРОДЕ

Какая разная река!
И как зависит от погоды!
Рябая – из-за ветерка
и сизая – от небосвода.

То холодом угрюмых вод
к душе ранимой прикоснётся,
то робко-робко улыбнётся –
улыбкой солнечной блеснёт...

В ней отражаются дома,
плывёт башмак и камень тонет...
Как сфинкс, в граните и бетоне.
А в глубине сокрыта тьма.

ГЛУБИНКА

1. ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ

А. Брагину

В сердце надломится что-то,
и удивишься до слёз:
всё-таки нужен народу
и принимают всерьёз.

Здесь, далеко от столицы, —
небо, поля и леса,
вечные, честные лица,
ждушие с болью глаза.

2.

Тут мужички немолодые —
пастух, механик, счетовод.
Тут в моде зубы скобяные
и посиделки у ворот.

Собаки с лицами незлыми,
избушек тёмных перекоп.
И за сараями гнилыми
бородки грязно-белых коз.

Но гостю в этих полусёлах
так щедро душу отдают!
Такая чистота во взорах!
Такие песни здесь поют!..

Средь ржи, капусты и моркови
на тех широтах стар и мал
к тебе исполнены любви...
Ты сам от плоти их и крови!
Ты это раньше понимал?

3. В ДЕРЕВНЕ

Конопатые обветренные лица.
В сапогах да серых ватниках народ.
А в полях капуста серебрится,
да картошка фиолетово цветёт.

Кособокые щербатые постройки,
в землю вбитые избушки — до окон.
И пронзает всё томительный и стойкий
воздух родины, прекрасный испокон.

4. ЖУРАВЛИ

И вот над болотом повисли,
метнулись и чётко пошли,
как тонкие, чистые мысли,
в белёсую даль журавли.

Над полем пошли, над рекою
затянутым небом седым,
моей городской судьбою
и сердцем моим городским...

Ритмично они колыхались.
Рванулся их клич и утих.
Мерцали и переливались
подкрылья пуховые их.

И здесь, в стороне заозёрной,
в лесном и болотном краю,
своей красотой непокорной
тоску победили мою.

* * *

Автобус. Гвалт и толкотня.
Толкаюсь сам – куда же деться?
И смотрят, смотрят на меня
глаза широкие младенца.

Жара и пыль. Прискорбный вид.
Проклятья в воздухе витают.
А он на матери висит.
Он ничего не понимает.

Когда-то сам я так висел
среди пыли, гвалта и проклятий
и с удивлением глазел
на потных и сердитых дядей.

В окне, где улица была,
где наш автобус пробирался,
жизнь непонятная текла,
мир возникал и разрушался...

Те отдалённые года...
Я их с трудом припоминаю.
Я мало понимал тогда,
да и сейчас не понимаю.

Не стало легче понимать –
видать, я человек пропащий.
Тогда меня тащила мать,
а ныне жизнь усердно тащит.

Всё так же скроено хитро.
Я не теряю интереса.
Все лезут в должность и в метро.
И сам я точно так же лезу.

Забыв страдать, забыв любить,
все рыщут, сам я так же рыщу.
Чтоб под конец пути добыть
получше место на кладбище.

ПАРОМ

Серое поле полого
в низкий ушло небосвод.
Дождь. Полевая дорога
душу и тело трясёт.

Вот и река. У парома
охает наш грузовик.
Сколько отсюда до дома?
Боже, от дома отвык!

Я уж полгода в дороге.
Мне уже тошно бродить.
Этот рукав неширокий
время пришло переплыть.

Старый паромщик унылый,
согнутый, рваный, хромо́й:
– Гривенник! Гривенник с рыла!
Рупь с колымаги любой!

Въехали. Гвалт и шумиха.
Стали и песню поём.
Вот незаметно и тихо,
плавно отчалил паром.

Дождь шелестит. И всё громче
бьётся тревога в мозгу:
– Слушай, паромщик, паромщик!
Что там, на том берегу?..

– То же там поле под рожью,
тот же глухой небосвод,
те же леса, бездорожье,
дождик всё тот же идёт...

ЗАВОКЗАЛЬЕ

Лужи, сараи, старуха.
Ветер, взывающий глухо.
Чёрный, обглоданный ствол...
Боже! какая разруха! –
словно бы немец прошёл.

Посвист и лязг станционный.
Ветер, швыряющий шлак.
Там, за платформой бетонной,
ропот и гомон вагонный –
это стучит товарняк.

Мусора вихорь и спешка...
И холодок – по спине.
Что за кривая усмешка
приоткрывается мне?

Сизые головы сельди,
кошек распад и мотня...
Эта гармония смерти
в сером спокойствии дня...

Что здесь? За что я наказан?
В чём согрешил? Невдомёк.
И для чего мне показан
этот гнилой уголок?

Дерево стукнет ветвями.
Мусор закружится вспять.
Я всё брожу за путями –
что-то пытаюсь понять.

Я заблудился нарочно,
к этому хаосу льну.
Видеть желаю воочью
нашу больную страну.

РАБОТА

Я всё дремал. Минуты проходили.
Мерцало сна размытое пятно.
Не петухи – бульдозеры будили,
просунув лязги острые в окно.

Но если в этих лязгах выдавался
клок тишины, отбившийся от рук,
в него состав разнузданный врывался –
патриархальный, впрочем, перестук.

Я вскакивал и мрачно матюгался.
И хлеб жевал. И чай холодный пил.
Брал ватник и в судьбу свою впрягался.
И, молча, в тьму ночную выходил.

* * *

Что делать, если слаб пупок,
и сам корыстен и жесток?
Возропщешь на кого?
Что делать – разум твой не Бог
для тела твоего.
И покалечено житьё,
тропа твоя крива...
Вот так и мир – творит своё,
не зная Божества!

ДРУГУ ДИССИДЕНТУ

Будет ли историком объята
горечь неизбывного закона:
путь от самогона к самиздату,
путь от самиздата к самогону.

ЧАЙКИ

1.

Как ты мечешься долгие годы!
По пространству кружишь в маете.
И сочувствия нет у природы
к уязвимой твоей красоте.

Надо корм раздобыть на планете,
между небом и морем скользя.
Мнёт тебя обезумевший ветер,
снег сечёт и сжигает гроза.

Ну, а я в океанском просторе
на гигантском пльву корабле.
Мне тепло, и я рад этой доле –
господин и воде, и земле.

И, планету всю стиснув до хруста,
не забыл интересы свои:
потребляю харчи и искусство...
Всё могу победить! Кроме чувства,
кроме совести, кроме любви.

И не верь, и не верь мне, родная.
Присмотрись – все прорехи видны.
И я так же, как ты, пропадаю.
И мы в главном с тобою – равны.

2.

Я на палубу вышел средь ночи:
ни души, только рваные клочья
облаков на промозглом ветру,
только чайка упорная молча
наблюдает за мной на лету.
Облетает и пялится, дура.
Любопытством глазёнки полны.
Словно сети плетёт агентура,
агентура далёкой жены.

3. ЧАЙКИ В КАРГОПОЛЕ

Вот чайки – зови их, кричи!
Они не услышат – на воле!
Но, словно в апреле грачи,
салятся на ближнее поле.

Потом над домами висят.
И ходят по крышам неловко.
Дерутся, орут, верещат,
как будто на рынке торговли.

Как жалки они, как жадны,
убожество в них и банальность!
И только в полёте видны
размах, чистота, гениальность.

* * *

Нам докучают самолёты –
ревут, трещат по синеве.
И так приятно отчего-то
лечь, растянуться на траве.

Трава. Там веточки да листья,
полузабытой кашки цвет.
Трава земная близко-близко.
А неба, может быть, и нет.

В траве ползёт жучок-навозник,
кузнечик усиком трясёт.
А небо – это просто воздух,
обычный воздух, вот и всё.

* * *

Кричит петух. Орёт петух
надрывно и устало.
Льёт мелкий дождь – земной недуг,
его пора настала.

Кричит петух. Орёт петух,
неясным чувствам вторя.
Смущает ум. Тревожит слух.
Вещает зло и горе.

Кричит петух, как в полусне.
Орёт петух. Стенает.
Как будто смотрит в душу мне,
как будто понимает.

БАЛЛАДА О ПЕТУХЕ

Надменный, гордый, в атрибутах власти:
при клюве, гребне, шпорах и хвосте,
он гнал её, он гнал, исполнен страсти,
готов – всегда, любую и везде.

Она ж свою работу выполняла –
бежала обречённо от него,
кудахча, квохча, с шумом придыхала,
скрывая от подружек торжество.

Мясистая и белая, хитрила,
вкруг мусора петляя и юля.
Она его всё больше заводила,
выписывая гузкой кренделя...

Он молча гнал её – глаза навывкат.
Она ж, чтоб честь свою не запятнать,
бежала. Ну а он – её владыка,
алкал догнать, достукаться и взять.

Минут пятнадцать так они носились:
пыль, перья, гогот, квохт, собачий лай...
Потом амуры пели и резвились,
когда её загнал он за сарай.

И наскочил, растрёпанный и мятый,
как дикое, голодное зверьё,
как гриф, как кондор, как фашист проклятый,
на чистую и юную её.

И стал клевать, как злая тварь лесная.
Топтал, давил, подпрыгивал и мял.
Терзал когтями!.. О, право, я не знаю,
как он хребет ей, слабой, не сломал.

Казалось, что теперь она загнулась,
что у сарая ей околевать...
Но вот очнулась, скромно отряхнулась
и снова пшёнку начала клевать.

А он уже другую безоглядно
преследовал, проходу не давал...
С каких харчей? – Мне было непонятно –
он, бедный, и пшена не поклевал.

* * *

Леденеет твоя кровь, кровь бурлящая...
Ты молчи, молчи, душа вопиющая.
Утихает твоя жизнь, криво-бурная...
Ты молчи, молчи душа нецензурная.
И не лги, твоя вина безусловная...
Ты молчи, молчи, душа уголовная.

СУГРОБ

Помог бы, да что было толку.
Я слышал безмолвный тот крик:
сугроб эту юную ёлку
облапил, как пьяный мужик.

И знал, что своё-то получит.
Ей вырваться – не было сил.
Подмял, завалил и измучил.
Согнул, распластал и сломил...

НАСИЛИЕ

Просил, умолял, матерился...
Не вышло – свершил воровство.
Но он ничего не добился –
всё отнял, не взяв ничего.

И вновь наседали отупело.
Пытался хоть что-то понять...
Она бесконечность имела,
но нечего было отнять.

* * *

Пусть ты предал, что чисто и свято –
есть за что презирать и корить...
Но не бойся, не будет расплаты –
только принято так говорить.

Ни наград, ни возмездия нету.
Не насильник, а жертва в слезах.
Только свет или отсутствие света
да испуг или злоба в глазах...

* * *

Я долго жил придавлено и узко,
в плену запретов, правил, плотных шор...
Бежал из человеческого сгустка
на человечесий, солнечный простор...

Прошли года – душа не стала мельче,
не потеряла соков и корней.
Избавилась от скуки и от желчи
и стала проще, горше и щедрей...

Теперь никто на свете не осудит,
не скажет: «Парень! Делаешь не то!..»
Но как мне жить? И что со мною будет?..
Уже не посоветует
никто.

* * *

Уснуть мешает память об обмане.
Кого-то я и в чём-то обманул.
Обман полузабытый, как в тумане.
Зачем всё это? Лучше б я уснул.

Но скоро утро. Вот уже светает.
Я слышу, как вступают петухи.
В который раз душа перебирает
сухие, застарелые грехи.

И тяжело мне. Ах, что за наважденье!
Из ночи в ночь я мучаюсь и бьюсь.
В собачьем лае слышу осужденье.
И в свисте ветра слышу:
– Ну и пу-с-с-ть!

ГОЛОВНАЯ БОЛЬ

У виска проступило пятно
свежей боли и движется в темя.
Дёрну ворот, открою окно –
я хочу ещё выиграть время.

Свежий воздух! – он должен помочь.
Кислород, синева и прохлада...
На меня надвигается ночь
наподобье библейского ада.

О любви и о счастье забыв,
дух мой сдавленный мечется, бьётся.
Боль моя, как созревший нарыв,
вдруг по всей голове разольётся.

И тяжелой волной захлестнёт –
глаз расширится, вздуются жилки.
Крупный пот на глаза натечёт.
И задёргает где-то в затылке.

Боль моя, справедливость – вершись!
Властвуй, властвуй в преддверье распада...
Вот она – настоящая жизнь! –
воздаянье моё и услада!

* * *

Сколько бахвальства и чванства!
Слабого бьют, не таясь.
Рабство, убожество, пьянство.
Ложь и душевная грязь...
Харкнут в расцветшую душу,
грязью обрызжут пальто.
Пару мостков через лужу
не перекинет никто...

ПАРНИШКА

И быть не могло по-другому:
парнишка, беспечен и вял,
так вышло, что классу к восьмому
всю «правду» о жизни узнал.

Спустился с заоблачной выси,
и в сердце чадил уголёк.
И первые грязные мысли...
И первый на лбу угорёк.

Он жил наподобье мокрицы
и совесть держал взаперти...
Я знаю, что он возродится,
пожалуй, годам к тридцати.

На горьком пути непреложном,
где боль, милосердие и стыд,
он вспомнит, он вспомнит о прошлом –
себе ничего не простит...

Всё болью сердечной оплатит,
воспрянет дурной головой
и будет смеяться и плакать
пред небом, ребёнком, травой.

Как мёртвое деревце к маю
воспрянет его существо...
Я часто себя вспоминаю:
я был пострашнее его.

МАРГИНАЛ

Сейчас – самое маргинальное,
самое экзотическое,
самое ненормальное
это – быть нормальным человеком.

* * *

Убиваем иль в тюрьмы сажаем,
бьём ли морду, крича и хрипя, –
только кажется нам, что караем, –
мы караем самих же себя.
Не с того ль наша жизнь бестолкова?
Поищите и днём, и с огнём:
милосердье – забытое слово,
чтобы выжить – забыли о нём.
Набиваем карман и утробу,
потребляем культуру и снесь...
За бессмыслицу, жадность и злобу
нас земля перестала терпеть.

ПОКОЙ И СВЕТ

Недружно листья падали, кружа.
Стожки на солнце весело блестели.
И голос мой, и сердце, и душа,
и птицы, и кузнечики – все пели.

О том, что здесь просторные леса,
что облака уходят вдаль, сияя,
что женщины прекрасные глаза
туманятся, так много обещая...

Покой и свет. Свет, воля и покой.
Ещё любовь, почти как в пасторали.
При жизни неприкаянной такой
неужто мы своё не отстрадали?

Неужто на такое пали дно,
так скурвились, так души искрошили!
И то, что всем во все века дано,
неужто мы с тобой не заслужили?

* * *

Так захотелось полюбить,
не зная смысла и надежды.
Так захотелось наглупить,
прослыть придурком и невеждой.
В такую вдруг попал тоску,
такую пустоту увидел!
Такая дрянь сидит в мозгу...
Ударил б кто или обидел...

ВАСИЛЬКИ

Тихо и беспечно
по земле ничьей –
маленькая речка,
может быть, ручей.

Облака-барашки
по небу плывут.
Юные ромашки
на лугу цветут.

Вольный ветер веет,
всех ласкать готов.
Поле ржи синее
из-за васильков.

Дали, бездорожье...
А шаги легки.
Бог уж с нею – с рожью.
Были б васильки!

Ничего, что хлеба
мало у межи –
сколько воли, неба,
солнца и души!

ЖАЖДА

А. Щербакову

Ночами и днями сгораю.
Огонь полыхает в крови.
Всё мало мне – я умираю,
сжигаемый жаждой любви.

И понял уже не однажды,
что сколько на свете ни жить,
но этой мучительной жажды
уже не смогу утолить.

Терзает и ночью, и днём,
отринув и разум, и страх,
покуда не выступит пена
на мертвенно-синих губах,

пока не откинусь нелепо,
и медик ворвётся, спеша, –
и хлынет, и хлынет на небо
из тёплого тела душа.

* * *

Когда на сквере стоял снег,
открылась чёрная трава –
былого лета скорбный след.
Но меж неё я узнавал
зелёный цвет травы живой.
Она жила, она росла,
снега и льды перенесла,
оставшись самоё собой.

* * *

Слышу, слышу апреля дуду!
По морозцу... ах нет – по прохладе
я на лыжах сейчас побегу,
чтоб вкусить неземной благодати.
По девически юным холмам
понесусь... оттолкнусь и всё выше
возлечу в небеса к облакам
через реки, дороги и крыши,
мимо солнца, сквозь радужный день, –
напрягая горячие мускулы,
над простором родных деревень,
над сквозными пространствами русскими...
Голос мой высоту наберёт,
над снегами музыка послышится.
И улыбка мне рот раздерёт:
как поётся! летается! дышится!

* * *

Вот гриб вопит: возьми меня! возьми!
Вот – тучная, мохнатая малина...
И августа вторая половина
полна теплом и добрыми людьми.
Дождь наскочил, растрёпанный и дикий...
Но кончился. Мы выпили вина.
Окрестность голуба от голубики
и от дерев желта и зелена.
Вот и дождались – год без недорода.
Но мне не жаль роскошных этих дней:
когда щедра и счастлива природа,
тогда и сам – счастливей и щедрей.
А в ночь – туман. Туманится сознание.
Лицо жены из воздуха сквозит...
Забудешься, помедлишь с расставаньем –
и вновь тоска, и на сердце щемит.

КОМАР В СЕНТЯБРЕ

Всё резвишься, а день так не жарок.
Перестань мельтешить и грозить!..
Вы забылись, товарищ комарик, –
не надейтесь меня укусить.

Вы умом пораскиньте хотя бы:
то, что было, – тому не бывать.
Вы заметьте, что в мире сентябрь
и что скоро пора умирать...

Я бы вас не хотел убивать.

ПРОЩАНИЕ С БАБЬИМ ЛЕТОМ

Был ли мир голубым и зелёным?
Был ли жгучим и яростным свет?
Вот октябрь окровавленным клёном
шлёт пространству прощальный привет.

День отходит короткий и гиблый...
Дождь упорно стучит по стерне.
Ветер мокрый, холодный и хриплый,
надрываясь, кричит что-то мне.

Ведь для каждого что-то да значит
эта мука безликого дня.
Небо милое плачет и плачет,
словно в смерть провожает меня.

* * *

Может быть, я приношу горя
больше, чем его приносят мне?

* * *

На полях почернела стерня.
Вязнет трактор в грязи непролазной.
Подурнела, поблёлкла земля –
только небо осталось прекрасным.
И мы также с тобой отгорим,
схлынем с мира, как беглая пена...
Что содеялось с телом твоим?..
Что содеялось с телом моим?..
Лишь душа и светла, и нетленна.
Лишь душа... Лишь душа...

* * *

Ты ещё не блуждала впотьмах,
где отчаянье, бездна и страх.
Поцелуй твои слишком сладки.
На весёлых и ярких губах
нет ущербной и горестной складки.

И я знаю: придётся забыть.
Не по мне твоя хрупкая сила.
Для того чтоб я мог полюбить,
ты уж слишком чиста и красива.

Даже этой вот ранней весной
иссыхает души перегной.
И нутро солоно и безводно...
Для того чтобы знаясь со мной, —
ты уж слишком честна и свободна.

И придётся, придётся забыть,
отодвинув преступную прыть.
Понемногу становится ясно:
для того чтоб я мог полюбить,
ты ещё не бывала несчастна.

* * *

Я погряз в невеликих грехах.
Всё темно, несказанно, неявно...
Даже в этих правдивых стихах
правды нет. Это даже забавно....

День за днём — толкотня, маетня.
Ад земной. И за бездною — бездна.
Ну, а что на душе у меня —
всё равно говорить бесполезно.

Жизнь проходит. Проклятий не шлю.
Вкруг меня суетливо и пусто.
Я тебя ещё всё же люблю.
Как живуче умершее чувство!

Заблудился в дремучей судьбе.
Что ни сделаю — пошло и ложно.
Ни тебе, ни жене, ни себе
ничего объяснить невозможно.

* * *

После вот этой любви
сердце спасенья не ищет.
Сердце моё – пепелище,
словно монголы прошли.

И с перекошенным ликом
полностью я стоном и криком...
Тихо. И стелется дым...
Сколько сгибаться под игом,
сладостным игом твоим?

РАССВЕТ

Пустынно. Гулко. Чуть прохладновато.
Холодный свет по твоему лицу.
Минута продолжительна распада,
но и она приблизилась к концу.

За то, что души так поискрошили,
за то, что силы не нашлось простить, –
за всё за это боги порешили
нас разделить.

И вот идём. Чуть цокают подковы
на башмаках поношенных моих.
А мир вокруг отчётливый и новый.
Всё совместимо, кроме нас двоих.

А фонари – заметнее, чем звезды.
Не видно звёзд. Но это ничего.
В глазах друг друга замечаем слёзы.
Ну что ж, так легче – так не так мертво.

ЦЕНА

...Тогда лишился сна я,
сдирая душу в кровь.
Любовь цены не знает –
цена любви – любовь.

Моей любовной песни
дни были сочтены –
была потеря чести,
а чести нет цены.

* * *

Завсегда́тай тусовок невзрачных,
делови́тый поборник греха,
бессеребренник и неудачник,
беспробудный мучитель стиха.

Только корчу солидного мужа,
только вид благородных страстей –
словно утка, барахтаюсь в луже
непростительной жизни своей.

Но опять же – не знаю натуги
выбираться, ту лужу кляня,
из пустой, бессистемной житухи,
куда жизнь затолкала меня...

Не ропщу, не горжусь, не жалею,
как умею, живу и пою.
Эту углую долю лелею.
Это жалкое время люблю.

КОЛТУН

Эта жизнь, как колтун в волосах, –
всё запуталось, слиплось, спеклось.
На моих замутилось глазах
всё, что ясным когда-то звалось.
Ни забыть, ни простить, ни понять.
Не найти ни концов, ни начал.
Если б ведал, кого обвинять,
как бы радостно всех обличал.
Голова тяжелеет от дум.
А концов ни найти, ни связать...
Этот свалянный, жёсткий колтун
легче срезать, чем вновь расчесать.

ОДИНОЧЕСТВО

Куда ж вы с грязными ногами
и душами? Кому кричу?
Я разругался лишь с Богами.
О современниках – молчу.

Какая дрянь кругом осталась!
О, как убог с дерьмом союз!
Но не дерьмо смущает малость –
я одиночества боюсь.

Оно насущней, ежечасней...
Один остаться – не готов.
Мечь современников опасней,
Чем мечь разгневанных богов.

ПЕСНЯ МЕРТВЕЦОВ

Там наверху – поля и ветер,
кино, базары, шум и гам...
Там люди чай пьют по утрам...
Как хорошо на белом свете!
И всё же все приходят к нам.

Так мы вас ждём. Мы вас приветим.
Да не прервётся смерти нить!
Мы всем поможем – тем и этим –
и зачервиветь, и прогнить.

Конечно, здесь не так широко,
и тьма, и смрад, земля во рту...
Но вам не будет одиноко,
как вам случилось – на свету.

НА КЛАДБИЩЕ В ТАШКЕНТЕ

Жил, трудился – и нет человека.
Прервался, значит, жизненный путь.
Я присел на могилку узбека
поглазеть, помолчать, отдохнуть.

Ну, а рядом, слегка розовея,
не спеша, попивал коньячок
на опрятной могилке еврея
тихий русский седой мужичок.

И явились несложные мысли,
и ходили за мной по пятам:
если мы так смешались при жизни,
как же мы перемешаны ТАМ!

ОТЧЕ

...И оставь нам долги наши...
...И избави нас от лукавого...

Насущный хлеб вручаешь –
вот пища, вот вода.
И долги нам прощаешь...
а мы, вот, – не всегда.

Но, всемогущий ОТЧЕ,
ТЫ – свет и благодать,
не можешь иль не хочешь
лукавого изгнать?

ПОДОРОЖНИК

М. Грозовскому

Друг мой подорожник,
нам с тобой морока:
без людей не можем,
хоть и бьют жестоко.

Друг мой подорожник,
острые метёлки,
топчут и съедают
овцы, козы, тёлки.

Друг мой подорожник,
мы с тобой не вянем.
Нас побьют, потопчут –
только крепче станем.

* * *

То глядишь подкаблучной рабой,
то крикливою, въедливой стервой.
Отчего мне так трудно с тобой?
Износились чугунные нервы.

Так бредём, свои дни волоча.
За потерей маячит потеря.
То любовь свою рубим сплеча,
то раскаянье в спазмах истерик.

И такая же даль впереди.
Но итог свой напрасно итожим.
Всё равно от себя не уйти.
Всё равно друг без друга не можем.

СЕМЬЯ

Накренился и валится дом.
Нет гармонии, нет воздаянья.
Нету зла, чтоб бороться со злом.
И любовь – не любовь, наказание.
Совесь, совесь, ты мучишь вдвойне,
как подумаю вновь о жене.
Нет вины, но и нет оправданья...
Для неё смысл жизни – во мне,
для меня – далеко в мирозданье.

ПРАЗДНАЯ ЗАБОТА

Вдруг деньги так становятся важны,
и так жена ругает по субботам! –
что хочется без денег, без жены
пожить. Но это – праздная забота.

И тянешь лямку скучно и легко,
обут, одет, накормлен и нагружен...
Но иногда с небес, от облаков
какой-то свет проскальзывает в душу.

Какой-то свет подхватит, понесёт...
И бросишь всё, концы отсёкши сразу.
Потом поймёшь, что это не спасёт.
Ах, зрелость, зрелость – то твои проказы.

И тишина. И нет обычных дел.
И на стене портрет печальный дочки.
И усомнишься: этого ль хотел?
И станет ясно: то ещё цветочки.

И вот опять найдёшь в себе раба.
В его глаза глядишь грустней и пристальней...
В тебе есть раб – печальна эта истина.
Но ты ещё, быть может, не пропал.

И будешь жить, страдая и глупя,
не умудрясь житейскою наукой.
И этот раб изыдет из тебя,
как с чёрной шляпкой толстый белый угорь.

И если боль скользнёт возле души,
скользнёт кривою судорогой в сердце,
ну, что ж, ты смертен – так и пореши.
Но что с того, что ты на свете смертен?

Не бесконечно дней твоих число,
но жить рабом – тем боле не хотелось.
Не омрачай усталое чело.
Спокойно, друг. Наверно, это – зрелость.

И вместо всех подпорок и подставок,
наивности потёртого корсажа
прими всеискупающий подарок –
сквозное ощущение пейзажа,

природы неколеблемую жизнь,
луны и солнца праведные лица...
Придёт пора – и ты не утратишь
упасть и, молча, в этом раствориться.

* * *

Не достоин судьбы своей трудной.
Не туда я душой уношусь –
всё с нелепой надеждой паскудной
в «Литгазету» по средам кошусь.

Хорошо ещё, стыд пробирает,
как представлю в безумной судьбе:
Лев Толстой в ней статейку читает
или Дант ищет в ней о себе.

* * *

Печальное грязнописание,
где боль, рутина, колдовство.
Но только в этом оправданье
существованья моего.
Он сам собой во мне забрезжит
и сам собою отгорит,
рифмованный зубовный скрежет,
ритмический предсмертный хрип.
Корявые, кривые строки –
полупрозренье, полубред –
моей души гнилые соки,
её неизречённый свет.

* * *

День прошёл – и слава Богу!
Ой, не слава Богу!
Умираем понемногу,
а верней – помногу.

День тяжёлый, день капризный
лишь оставил рану.
Он мелькнул – кусочек жизни
в бесконечность канул.

Не покличешь из-за моря,
не кивнёшь с усмешкой.
Меньше жизни – меньше горя,
но и счастья меньше!

Год пройдёт – покажет кукиш.
Новый – не утешит.
Если ты свой век не любишь,
он оплатит тем же.

ТОМИК СТИХОТВОРЕНИЙ

Тоска и скука в доме,
ковры да зеркала...
Но стихотворный томик
на краешке стола.

Расчёт, бесчеловечность,
сгущенье тьмы и зла...
И всё же – бесконечность
на краешке стола.

Корысти сбита корка,
и вечером в тиши
идёт, идёт подкормка
слабеющей души.

* * *

Ах, времена стародобрые:
бабушка, голод, бои...
Вот уже стали историей
детство и юность твои.

Боль, пробуждение, статика...
Лжёт и упорствует век.
В дебрях убогого садика
ты начинаешь разбег...

Мир искривляется, кренился.
Время взмывает и пенится,
время течёт по усам...
Скоро всё так переменится –
станешь историей сам.

НАСТОЯЩАЯ МИНУТА

Откуда-то вдруг из-под спуда,
ликующе в трубы трубя,
появится эта минута,
войдёт и заполнит тебя.
Почувствуешь трепетным веком,
что в слёзной протоке слеза.
И станешь другим человеком.
В тебе запоют голоса.
В зрачки твои истина брызнет.
И радость не сможешь унять...
И столько узнаешь о жизни
того, что не в силах понять!

* * *

Отчего не слава Богу
на земле стоять?
Почему люблю дорогу?
Не могу понять.

Лишь бы мучиться и мчаться –
холодок в груди.
От любимых отлучаться,
тосковать в пути.

Что мне в этой круговерти,
где лететь горазд?
Ничего, помимо смерти,
мне она не даст.

Почему люблю дорогу,
взмученную даль?
Мчусь и мчусь навстречу року –
ничего не жаль...

* * *

День не суетный, уютный,
без нужды сиюминутной,
с чистой вечностью одной
надоел мне под луной.

И средь нудной высоты,
голубой, выпреннословоной,
захотелось суеты
и шумихи бестолковой.

Чтобы гвалт, и детский визг,
и гостей неразбериха...
А душа чтоб тихо-тихо,
не спеша, катилась вниз,

занимаясь жизнью мышью
и расчисленной тщетоной,
защитясь от грустных мыслей
беспробудной суетой.

ДУМАЙ САМ

Мудрость в чём? и в чём величье?
где опасный поворот?
Спорно всё. Бесспорна птичка,
что на веточке поет.

Что мечталось? что хотелось
непрактичным небесам?
Кто виновен? что нам делать? –
Думай, думай, думай сам.

Мир опять пронизан болью,
даль пустынна и темна...
Для мыслителя раздолье,
как в любые времена.

МОТИВ

Как возник в нас мотив этот зыбкий?
Кто ту музыку смог сочинить?
Полюбил я тебя по ошибке –
и теперь не могу разлюбить.
И люблю безрассудно и стойко,
как юнец – без надежды и сил...
Сколько света! Отчаянья сколько!
Покарал меня рок? Наградил?
В жизнь мою, как стихия, слепую,
вдруг мелодия та ворвалась
и несёт, и кружит вхолостую,
возымев абсолютную власть.
И звучит так щемяще и горько
этот хрупкий, прозрачный хорал...
Сколько боли и радости сколько!
Наградил меня рок? Покарал?

ОХОТА

На тропке асфальтовой, торной,
в чашобе моей городской
взыскую след моды топорной
в текучей лавине людской.

Пройдусь мостовою просторной –
и в жилах почувствую ток:
рисунок брови рукотворный
и губ подведённых цветков!

И сам, изнутри перепачкан,
измят и изъеден тоской,
рыбак, ты заметил рыбачку?
Она тебе машет рукой.

Костюмчик цветаенький брючный,
причёски всклокоченный шар.
Товар не стандартный и штучный,
довольно приличный товар!

Скорей же, скорее! не мешкай.
Используй дарованный шанс.
Смотри ты, какая усмешка!
Роскошный какой диссонанс!..

За что этот жребий позорный?
Проклятый, настойчивый рок!
Люблю этот запах тлетворный,
подгнившей души запашок...

Бессмысленно с этим бороться,
когда наяву и во сне
меня зазывает уродство,
само завывая во мне...

Внезапно окажемся рядом.
Смолчу, ничего не скажу.
Косым и испорченным взглядом
фигуру её огляжу.

И взор её вдруг встрепенётся,
неведомой силой влеком.
Она невзначай обернётся,
незримо ответит кивком.

Замечу красивую руку,
и шрам на припудренном лбу,
и гримом прикрытую муку...
И двинусь за ней сквозь толпу.

СВОБОДА

Три больных, три измученных года –
знаю ложь, пустоту, маету...
А потом мне шептала свобода,
что и с ней пропаду. Пропаду.

Что она, может, пуще неволи
изнуряет, ломает и гнёт,
что она без блаженства и боли –
только скверный, дрянной анекдот.

* * *

И вновь любви запах тленный.
И память выщвела... И мало
осталось в том углу Вселенной,
что моё тело занимало.

Избыток горечи и мрака
в неприбранном моём дому...
Душа – как белая бумага,
готова снова ко всему.

МОЛИТВА АТЕИСТА

Отпусти мне этот грех проклятый,
облегчи последние года.
Я теперь не то, что не крылатый,
я теперь ползучий навсегда.

Смилуйся. Не будь подобен зверю.
Не пугай. Ночами не грози...
Господи, хоть я в тебя не верю, –
всё равно спаси меня, спаси!

* * *

А.О.

Как поникло твоё существо!
Как печаль над тобою довлеет!
Ты не любишь сейчас никого,
и душа ничего не лелеет.
Не с того ль так темно и мертво
на пути одиноком и тошном?..
Ты не любишь сейчас никого.
И любил ли кого-нибудь в прошлом?

* * *

Пустоватые, рыхлые годы –
болтовня, магазины, жратва.
Бесполезный избыток свободы
этот жалкий эрзац божества.

Но о чём бы судьбу ни просили,
как бы ни были в жизни вольны –
оставалось лишь творчество в силе,
лишь любовь не имела цены.

* * *

Знаю я: всё проходит, проходит...
Только рок всё висит надо мной,
только всё, что со мной происходит,
происходит ещё со страной.

Всё разбилось, распалось, размылось,
зачервивело, начало гнить...
Нужен дьявол, чтоб это случилось.
Нужен Бог, чтобы это простить.

* * *

Эти солнце, поля и кусты...
Паутинки блестящая нить...
Если мир – из одной красоты,
я не знаю, сумею ли жить.

Невозможные эти года
провели между нами между:
если в мире одна красота –
то в себе я иное ношу...

Жаркий солнечный свет золотой
душу жжёт, разъедает житьё.
Не могу я с его красотой
сопоставить уродство своё.

САМОКРИТИКА

Вот она, головная боль.
Оглушу себя пенталгином...
Всё, как прежде, само собой:
муж дурной и дурным был сыном.

Брат плохой, и плохой отец,
зять дрянной, и племяш неважный...
Только радости – не подлец,
политически не продажный.

И не стал сам себе льстецом...
Не велик счёт моим победам...
Буду, буду паршивым дедом,
распрекраснейшим мертвецом...

* * *

Чую, к худшему готовясь,
где корысть, обман и лесть...
Тренированная совесть.
Тренированная честь.

И от этих тренировок,
от зажатости души
стал хитёр, упрям и ловок –
выживаю на гроши.

Дымка лёгкая от дыма –
страсти жгутся, но терплю...
Как живу? – Невыносимо!
Жизнь приемлю? – Нет! Люблю!

О ВРЕМЕНИ

1.

Время, время превыше всего!
Постоянно меняя личину,
никогда не старо, не мертво,
цель измыслит, создаст Божество,
утаив основную причину...

Зло рассеет, добро растворит.
Бездна в бездне найдёт отраженье.
Муть накопит и муть прояснит,
чтобы в ясность внести искаженье.

Нам его не дано превозмочь,
и не тщись, и не тужься – не надо...
Лишь одна и возможна награда:
это Истина – времени дочь –
вдруг мелькнёт среди его водопада.

2.

Что за тень на лице моём хмуром?
Что за тяжесть прилипла к костям?
Почему этим ласковым утром
собираю себя по частям?
Где мой бицепс? Где смех серебристый?
Чубчик где, что вился надо мной?
Где весёлые, чистые мысли?
Где зрачков моих блеск слюдяной?
Мир прекрасный – давно это знаю –
моему неподвластен уму.
Есть пространство! – ну да, понимаю.
Время есть! – никогда не пойму...

3.

Для разумного, чуткого глаза
мир несётся, бессмыслен и зол.
Исчезают Пространство и Масса
точно так, как Эйнштейн наплёл.

Боль и мрак просвербят моё темя,
переселят способность любить.
Я боюсь, уходящее Время,
лишь его, не могу победить.

Жизнь – в куски, как разбитая рюмка...
ВРЕМЯ? – Что это за вещество?
Не бесовская ль злая придумка?
Присмотритесь! – ведь нету его!

4.

Лишь в одном проявлял постоянство,
одного не пытался избыть:
так любил я родное пространство,
словно нечего больше любить.
И притом, попрекаемый всеми,
ощущая с пространством родство,
не терпел настоящее время,
презирал, ненавидел его.

* * *

Вот иду, под ноги глядя,
робкий и плешивый дядя –
я гуляю просто так.
Прыснет девушка в кулак.
Оглянусь, надую щёки,
смех нелепый отмету.
Непреклонный, одинокий,
независимо пройду.

* * *

Всё забыл, проморгал и прохлопал...
Всё узнал... Но утеряна нить...
Я дарю тебе жизненный опыт,
больше нечего мне подарить.

* * *

Осязать чуть занявшийся вечер,
видеть сосны на бурой скале,
слышать мощно вздыхающий ветер,
и ступать, и ступать по земле.

Мир прекрасен! – давно это знаю –
эти камни, трава и кусты...
На Саянах иль в горном Алтае
я умру от его красоты.

Не ропщу, не коплю укоризны.
Но узреть, но изведать – хочу!
Столько счастья дано было в жизни –
только смертью за всё отплачу.

О СМЕРТИ

1.

Изъеден бессмысленным делом,
увязнув в пустой болтовне,
я чувствую трепетным телом,
что смерть поселилась во мне.

Незримо течёт по сосудам
и рвётся в беспомощный мозг,
сбивая бесстрашие и удаль
и взгляд отвращая от звёзд...

Толкает в разверстую бездну,
сосуды и нервы крушит...
И всё-таки, если быть честным:
она начинается с души.

И селится в рифме несмелой,
и чести тупит остриё...
Потом из души омертвелой
процедится в сердце моё.

2.

Грустные силы по жизни вели
из лона женщины – в лоно земли.
Путь мой кривой, невозможный –
в сущности, путь непреложный...

Вечность заигрывать стала со мной.
Скоро в предел отправляюсь иной.
(Что в том пределе откроем?..)
Плоть моя будет полей перегнутой,
строки – души перегнутом...

Радости мало, не скроем.

3.

Тишь сойдёт. И померкнет уют...
Где-то к вечеру двери взломают.
И меня у постели найдут.
И родная жена зарыдает.

Я осунусь, раздует живот,
запашок заимею позорный...
Весть о смерти моей поплывёт,
как круги по равнине озёрной.

Для поддержки кладбищенских трат
из собеса придёт бумага.
И приедет стареющий брат,
и дочурка от первого брака.

И найдут незаконченный стих,
где скажу, что меня беспокоит:
при грехах неизбывных моих
на тот свет отправляться не стоит.

Не хочу уходить второпях.
И, пускай моя жизнь не прекрасна,
при таких безнадёжных грехах
на тот свет отправляться опасно.

4.

Я вдруг подумал, что умру без страха.
Свой прошлый страх сегодня не пойму.
И ни к чему мне белая рубаха,
и музыка – совсем уж ни к чему.

Смерть поманит, согнув костлявый палец,
расставит руки тёмные в углу.
И я пойду, пойду к ней, улыбаясь,
протягивая руки, как к теплу.

5.

Крива, хрома и хвора,
с лица белым-бела,
сухая, словно хворост,
старуха подошла.

И, чмокая, гнусила,
звала свою козу.
С собой мешок носила
и ржавую косу...

Я оглянулся: скорбно
застыла у плетня,
хитро, темно и злобно
смотрела на меня.

Потом прошла к уборной
и обратилась в дым
старуха эта в чёрном
со взглядом голубым...

6. НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ

А. Щербакову

Вот и пришла потаскуха
с длинной на палке косою...
Смертушка! старая сука!
ты, как я понял, за мной.

Тупо заныло в яичках.
Я на неё бросил взгляд;
тощая, ножки, как спички,
мятые щёчки висят.

Глянула... Вновь обернулась...
Я обомлел, еле жив.
Вдруг она чуть улыбнулась,
пару пеньков обнажив.

Смертушка! милая стерва!
может быть, так порешим:
что ты мотаешь мне нервы?!
Лучше давай полежим.

Старая спереди, сзади...
Я виноват – спору нет.
Может быть, всё же поладим?
Может, исполнишь м...ет?

Вся разругалась – рада!
Страсти, алчба, да грехи...
Мне умирать рановато.
Дай хоть закончу стихи...

7.

Сука смерть, я тебя не приемлю.
Не пугай – я опять устою.
И не лягу в разрытую землю,
в крематорье твоём не сгорю.

Средь любви лучезарного танца
взять хотела, да взять не смогла...
И сейчас в твои руки не дамся,
хоть мои никудашны дела.

8.

Дух красотою упьётся.
Ветер задувает свечу.
Цепь на душе оборвётся,
в небо к себе улечу.

Буду встречаться с зарёю.
Буду, как облачко плыть.
Буду над вечной землёю
в вечной печали парить.

9.

А почему – и сам не знаю.
Что тут случилось? Чья вина?
Я с удивленьем замечаю,
что смерть мне боле не страшна.

Не потому, что нету ада,
куда б, конечно, я попал.
Не потому, что мало надо,
не потому, что много дал...

Конечно, смерти не желаю.
Она, конечно, ни к чему.
Но мир настолько принимаю,
что от него и смерть приму.

УТРО НА КУНАШИРЕ

В пространстве вились птички вавилоны
и громоздился пёстрый тарарам.
И плавные кружили махаоны,
и дружно кувыркались здесь и там.

А среди бликов, трелей, нежных вскриков,
среди утончённых звуков и затей
так грубо, так восторженно пиликал
пузатый, бесноватый воробей.

И эта кипень, блёстки перламутра,
трепещущий, мерцающий хорал
погружены в сияющее утро,
в его огромный, радужный кристалл.

ТУЧКА

В. Ч.

Я иду по зелёной, пятнистой полянке,
по весёлой тропе огибаю лужок.
В небе тучка висит, словно тюлевый ангел,
словно нежный, смешной, шаловливый божок.

Синева... Ни души... Я глаза закрываю.
Упадаю в траву, в сладкий дух травяной.
Что ты делаешь, тучка моя золотая?
Для чего ты застыла сейчас надо мной?

СЕНТЯБРЬ

Над лужей пар колеблется, струится...
Земля вконец грибами изошла.
Какая-то неведомая птица
костёр из звуков в рощице зажгла.

Зелёное кругом и золотое.
Осенний мир – зелёно-золотой.
Спокойное кругом, немолодое...
И я спокойный и немолодой.

А запахи так терпки, так душисты –
от пней, от прелых листьев и травы,
что радость ощущается от жизни
и лёгкое кружение головы.

А там, на небе – синева такая,
и ясность, и безветрие, и тишь,
что смотришь, мир впервые постигая,
Всего лишь смотришь... Смотришь и молчишь.

* * *

Что же вы старитесь, милые?
Впору быть в самом соку.
С тощими, гнутыми, хилыми
я не могу, не могу.

Знаю, что сам перестарок,
согнут, подержан и хил.
Знаю, что сам не подарок:
нету ни денег, ни сил.

Самую боль вспоминаю.
Жизнь! Ты была хороша!
Милые, я увядаю...
Что ж ты не вянешь,
душа?

* * *

Можешь избить, можешь убить,
можешь заставить себя бояться,
можешь заставить юлить, пресмыкаться...
Но не заставишь себя любить.

* * *

Я иду по чужой лыжне,
по прекрасной чужой лыжне.
Я иду и всё думаю, думаю
о прекрасной чужой жене.

* * *

Я сам себе отказывать привык.
И ведаю (не надо быть провидцем),
что жизнь моя – суть бледный черновик
того, чему не суждено случиться.

Не суждено любимую любить,
не суждено уйти от укоризны...
И мне счастливым никогда не быть,
как и моей изломанной отчизне.

* * *

Бесстыдный тайный дух непостоянства.
Неукротимой страсти хриплый вой.
Извечный свет из дальнего пространства.
Извечный свет от женщины чужой.

Для одного единственного дела
те страсти неумолчные даны,
чтоб взять и душу выдернуть из тела,
чтоб оттолкнуть от дома и жены.

Но в каждой капле самой честной крови
лишь дремлет этот зов пространств и губ...
Далёкий край, чужое изголовье
и влажный блеск зрачков, которым лгут.

Он часа ждёт – древнейший дух дикарский.
Ну что же, пусть, покуда ты живой,
слепят и жгут, ведут во все мытарства
пространства зов и зов жены чужой...

* * *

Утром чайничек, как всегда,
разогрею. Глотну – и ахаю.
Хорошо-о! Хоть одна вода,
ну и пара кусочков сахара.
И колбаскою разговлюсь.
За окном просвистит пернатое.
И счастливым вдруг становлюсь.
Много ли человеку надобно!

* * *

В.Л.

Ах, горящее время-солома!..
В эти сорок расхристанных лет –
лыс, морщинист и худо одет...
Ни жены, ни работы, ни дома –
лишь душа! Ничего больше нет.

* * *

Милые! Ну, что ещё вам надо?
Ну, в чём ещё вам нас опережать?
Совсем, совсем не стало с вами сладу –
легко добиться, трудно удержать.
И, значит, мы – убогие мужчины,
раз допустили эту чушь и блажь.
К былому не осталось пуповины,
а в новой жизни – полный ералаш!
А дальше что? Что дальше с вами будет?
К чему ещё мечтаете придти?
Ах, женщины, хорошие вы люди...
Прости меня, любимая, прости...

ПУТЬ

Падал, падал... А думал: летаю!
Холодил ветерок продувной.
Я плутал и не знал, что плутаю.
Я считал, что иду по прямой.

Время шло... Вот и свет показался.
Я у цели! И снова беда.
Я не там и не с тем оказался.
И пришел ни к чему, никуда...

РАСПАД

Что осталось от этой любви? –
растащили, развеяли ветры.
Только тленье в усталой крови,
только жжение в передней уретре...

Забывать это, вроде, пора:
раскалённые, дымные ночи...
Только чёрная в сердце дыра,
да судьба всё кривей и короче...

* * *

Как пусто души Лукоморье!
Как пыль выросла на столе!
Как холодно в мёрзлой земле!
А лучше ли в аду крематория?

Обрыдли тоска и мытарства...
Пронижет сомнения дым...
Как подлю в моём государстве,
где стыдно остаться живым.

* * *

Памяти Анатолия Марченко*

Здесь холода, тьмы и простора – с излишком,
отчаян и дерзок подлец.
Распутина Гришки, Отрепьева Гришки
весёлый и страшный конец...

Но сколько воистину сердцем великих –
взор чистый и нимб золотой.
Я вижу бесслёзные скорбные лики...
Край неба в крови их святой.

---

* Анатолий Марченко – диссидент из рабочих, сгинувший в ГУЛАГе в 1986 г. Автор книги «Мои показания»

* * *

В Россию можно только верить.
Ф. Тютчев

Нескладная, униженная Русь
судьба моя и горечь, и услада...
Я понял, что ни в чём не разберусь.
Ну, что ж – пусть так... Быть может, и не надо...
И всё ж скажи, кого нам обвинять? –
И смрад, и глад, и песня не поётся...
Умом тебя давно уж не понять.
Да жаль, что веры мало остаётся...

* * *

Как наша совесть гениальна!
Как щедро мы добро творим.
И как умно, принципиально
животных любим, но... едим.

* * *

Столько знал наглецов, аферистов!
Сам в таких переделках бывал!
До того становился нечистым –
разве только что не убивал.
Так восторженно полз на карачках,
до того были жалки труды!
До того стал измят и испачкан –
до сих пор замывает следы.

* * *

Никто ничего и не знает.
И мир, как всегда, непочат.
Какие-то мухи летают.
Какие-то птицы кричат.
И тучи в часы непогоды
незримо навеют печаль.
И тихо уходят, как годы,
в глухую, белёсую даль.

* * *

Опять сомненьями зарос.
И всё опять темно и жидко...
Кого-нибудь бы черт занёс
хоть просто так, хоть по ошибке.

Я записную книжку мучу,
ногтём вожу по списку бледному...
Передо мной цифирей куча,
а позвонить-то
некому.

МОНОЛОГ ЗАМЕРЗАЮЩЕГО

Я мёрзну, словно на морозе ухо...
И жду тепла... Но сколько лет прошло –
я мерзну, словно хилая старуха
зимой в демисезоннейшем пальто.

Как холодно, как холодно на свете!
Мне странен смех, спокойствие людей!
Меня не согревает даже свитер,
верблюжий свитер в шестьдесят рублей.

Нарушилось какое-то колёсико,
а, может, шарик потерял какой.
Но я устал от космонавтов-лётчиков
и от России устаю порой...

Я больше не могу, когда так холодно!
Меня не терпит стылая земля.
Я к небу запрокидываю голову –
молчит и небо, холодно звеня...

* * *

Что лежишь на тахте, идиот?
От тебя скверным запахом веет...
Твой корабль никуда не плывёт.
И душа ничего не лелеет.

День проходи, и месяц, и год...
Всё глядишь в потолок взором мутным.
Кораблю, что давно не плывёт
ветерок не бывает попутным.

РУССКИЙ КАЗАНОВА

Памяти Ивана Баркова

Гранёный фаллос выволок. Поссал.
Потом ведро им поднял... Что такого?
Он честь мужчин достойно отстоял,
Лука Мудищев – русский Казанова.

Не мало дам с ним были, как в раю.
Бывало, вспоминались эти лица:
Грёб попадью, купчиху и швею,
боярыню и чуть ли не царицу.

Не расплескал божественнейший дар!
В веках прославил матушку Расею...
Вот, говорят, Распутина* елда
сейчас хранится в питерском музее!..

А наш герой – хозяйство до колен.
И он распорядился им толково.
Жаль, что Луки не сохранили член –
но не Евангелиста, а другого.

Он всех любил. Все дамы – для него!
За что любил? – Да ну вас, в самом деле...
Он грёб их всех – в том жизни смысл его! –
да так, что дамы выли и потели.

Без комплексов он жил. Не морщил лоб.
Орла такого сыщете едва ли!
Он не острил, не ёрничал – он грёб.
Да так, что дамы выли и визжали.

Он презирал карьеру и еду.
Не накопил за жизнь большие тыщи...
И говорил: «Живу, когда гребу...
Когда шахна, закуска и винище».

Хоть он был груб, его восславлю я.
Кто он? – Мелкопоместный русский барин.
Но что пред этим Муромец Илья,
Что Евтушенко, Путин и Гагарин?!

Он погулял, попил, попировал...
Он и дурнушкам уделил вниманье!..
Его Иван Барков** нарисовал
нам – мудакам ленивым – в назиданье.

---

* Просвещённый читатель, конечно, понял, что речь идёт о «старце» Григории Распутине, а не о замечательном писателе Валентине Распутине

** Некоторые литературоведы сомневаются, что поэма «Лука Мудищев» написана И. Барковым

МОНОЛОГ ЖИВОГО ТРУПА

Брожу по улицам. Петляю.
В глазах бессмыслица и муть.
Я умер заживо. Не знаю,
заметил это кто-нибудь?

На перекрёстке взглядом порно
на женщин пристально смотрю.
Зайду в подъезд. В нём, как в уборной,
и помочусь, и закурю...

Защемит сердце. Станет мрачно,
проступит хладный, липкий пот.
И в атмосфере аммиачной
я повалюсь на грязный пол.

Вокруг темно, промозгло, сыро.
Паскудный запах дурной...
И вдруг взлечу, взлечу над миром
больной израненной душой.

ИНФЛЯЦИЯ

Инфляция в моей стране!
Пускаю акции по ветру...
И кружатся, летят по веку
чужие акции ко мне.

Распродаю! Распродаю!
Идёт такая распродажа!
Я душу выставил свою –
а это вся моя поклажа...

И люди с криками бегут.
Локтями острыми толкают...
Но почему-то не берут –
все только сами предлагают.

АПОКРИФ

Как Господь дела свои обтяпал!
Что он сделал? – страшно произнести.
Полубог ты? – значит, полудьявол!
Да. Всё верно. Так оно и есть.

Вот и стал я менее наивный,
понемногу многое узнал:
дьявол в нас участвовал активней –
он не только яблоко давал.

И за вещей книгой той старинной
видит, видит мой туманный взор:
вот Господь стал нас лепить из глины...
Кто Ему замешивал раствор?..

* * *

Так и остаться с нежностью и болью
в сумятице и суете сует.
Остаться прахом и остаться голью,
которые питают белый свет.

Так и ходить-гулять морозной ранью
и по лесу, как по небу, ступать.
Так и дружить лишь с шушерой и рванью,
и только с ними время коротать.

Не поддаваться почести и сглазу,
не поддаваться склоке и борьбе.
И жить, и подчиняться – не приказу.
И твёрдо верить самому себе.

РОДИНА

Эта даль – разбелённые краски.
Вкривь и вкось летящие сердца.
Гогот, вой, тоска и свистопляска...
Нет начала. Не видать конца.

Этот путь – бесхитростен и горек.
Цельный мир, что скроен не хитро...
На снегу уснувший алкоголик.
И гармошка пьяная в метро...

Эта жизнь, не знавшая оглядок,
эта грусть, пронзившая поля...
Этот милый сердцу беспорядок –
Родина беспечная моя.

* * *

Памяти А. Багучарова

Где он, где он, толстяк и пьянчуга,
пошлый бабник, болтун и рифмач?
Вот и выпал из нашего круга...
Эй, жена, хоть для вида поплачь!..

Вот затих он жиреющим телом...
Вот настало: сиротство, вдовство...
Други! Он уж на свете не белом.
И не ангел встречает его.

ТУПИКИ

Покачнулось времён коромысло.
Накренилось страны бытиё...
Чую, чую! нашествие смысла
на беспутное время моё.

Оборвалась кривая дорога.
Тьма вокруг и не видно ни зги.
Среди бездн нет надежды на Бога.
Тупики, тупики, тупики...

Ну и пусть – вот ведь будет потеха...
Жжёт, щемит ощущение зэка:
не умеем ходить без оков...
Тупики! – это для человека.
А у Вечности нет тупиков...

1990

IV. КРЕПНЕТ СВЯЗЬ ЛЮБВИ И СМЕРТИ

* * *

Эту горькую жизнь люблю,
но теряя последнюю силу,
умереть хочу раньше тебя,
чтобы ты мои веки закрыла.

Сжав кричащее сердце в горсти,
вслед посмотришь бесслёзно и тупо...
Мой последний нечестный поступок...
И его, если можешь, прости.

* * *

Не вздымай вопросительно бровь!
И бессонниц не жди еженощно.
Ты ведь знаешь, что Бог есть любовь,
а любовь – это Бог, знаешь точно.

Так уйми нервный скрежет зубов.
Ни один в целом мире не знает,
отчего умирает любовь?..
От того ли, что Бог умирает?

* * *

Неужто всё? Отчизна захлебнулась...
И кончилась прекрасная игра.
Гармония ушла и не вернулась.
Гармония ушла... И мне пора.

Дурной душок исходит от отчизны.
Лакейство, чванство, похоть и гнильё.
Ушла, ушла гармония из жизни...
А может быть, и не было её?

Огромная страна лежит без сил.
Все грабят, бьют, насилуют с охотой.
Нет, нас ещё никто не победил.
Мы захлебнулись собственной блевотой.

СТИХИ БОГА

Тот вечно пьян... Те вкруг начальства вьются.
Те всё крушат. Те строят на песке...
Все гадят, предают и продаются...
Все рвут со Мной. Но Я не рву ни с кем.
Снуют, галдят... Пот заливают лица.
Смердят и алчут... Мир идёт к нулю.
И каждый лжёт, блефует и гордится...
Лишь Я один всех помню и люблю.

НОКТИОРН

Я бреду своей судьбою сонной,
сам в каком-то странном полусне.
Будущее, прячась за колонной,
тихо подбирается ко мне.

Провожая день туманным взглядом –
мутно всё, и разбираться лень...
Прошрое таится где-то рядом,
на меня отбрасывая тень.

* * *

«Раб Божий» и «служитель сатаны!»...
А что, не говорят «служитель Божий»,
«раб сатаны»? Неужто, все равны
пред сатаной, и с ним свободы больше?

Грешим и ты, и я. И все грешны.
А вспомним Бога – и светло, и больно...
И, значит, нет рабов у сатаны.
К нему уходят люди добровольно.

* * *

Во мгле и подлости земля.
И белый свет не мил.
Мне кажется, что гибну я,
а это гибнет мир.
Душа в развалинах лежит.
Бессмыслица и жуть.
Мне кажется, что мир дрожит.
А это я дрожу.
И чую, горечь затая:
дни жизни сочтены –
вросла агония моя
в агонию страны.

В АМСТЕРДАМЕ

Средь соблазнов и поллюций –
хрупких связей блажь и риск.
Сексуальных революций
слышу чавканье и визг.

Искривилось что-то в жизни,
стало лживей, чем в кино.
Сексуальный коммунизм
наступил не так давно.

Трансвеститы, шлюхи, геи...
Видеть! Видеть! Поскорей.
Интересней, чем музеи,
штрассе красных фонарей.

И в тяжёлой круговерти
пляшут ведьмы, пляшут черти,
СПИД бурлит в гнилой крови...
КРЕПНЕТ СВЯЗЬ ЛЮБВИ И СМЕРТИ,
гибели и нелюбви.

* * *

Боже! Тебя я лелею.
Тащишь меня на убой...
Вера с надеждой истлели...
Но не истлела любовь.
Может, в сортире замочат,
может, в скверу за кустом...
Пара болезненных строчек
в тощем блокноте моём.

* * *

Всех приму – малолетку и старца.
Всё прошел, всё случилось в судьбе.
Всех пойму – и подонка, и агнца,
потому что ношу их в себе.
Всех люблю, всех зову, привечаю.
На борьбу уже нет больше сил.
И другому прощаю... Прощаю,
что себе самому не простил.

ПАМЯТИ ПРОТОПОПА АВВАКУМА

Не проста эта жизнь, не проста.
Давит, жжёт ядовитая дума:
пусть евреи распяли Христа,
ну, а кто сжёт живьём Аввакума?..
Но молчат. Не приемлют вины.
Крутят, врут на стремнине летейской...
Лишь мои, чую, дни сочтены
в скорбной участи русско-еврейской.
Для чего полукровкой рождён?
Что имела судьба на примете?
На меня с высоты смотрит ОН.
Я раскаюсь за тех и за этих...

* * *

Жив он, жив, пейзаж берёзовый,
свет потайный жив в судьбе.
Аввакумы и Морозовы
попадают в толпе.
Той же болью сердце метится.
Так же свищут соловьи.
И глаза всё так же светятся
от гордыни и любви.
И мелькают лики странные
среди вокзальной суеты –
бородатые и драные
ясноокие христы.
Те же даль и ветры буйные,
глушь лесов и ширь полей.
И душа всё та ж – разгульная,
только горше и щедрей.

* * *

Гербарий памяти моей –
ушедших дней листы сухие.
Столетье, словно суховей,
всё выжигает по России.
Стволов изъеденных труха.
Забывшие места святые.
Ни трав, ни веток, ни цветка...
Лишь корни – сильные, живые.

* * *

Умею презирать, но не хочу обидеть,
заверчена не так извилина в мозгу...
Любить ещё могу, но трудно ненавидеть.
И разучился лгать, и плакать не могу.

ДЕВЯНОСТО ПЕРВЫЙ ГОД

(Перед путчем)

Горбачёвщина... Затхлость разрухи.
Нет пути. Опускаются руки.
Нет работы. Всё катится вниз.
Изолгавшийся, сморщенный рублик,
как кондом, обречённо повис.

Всё, что вижу и слышу ? не люблю!
Пала жизнь. Никудышны дела...
Бомж разлётся ? слюнявые губы
и глаза, как два чёрных дупла.

Всё! Конец. Дальше некуда падать.
Что-то будет? Не стало любви...
И ползучее общество «Память»
развернуло хоругви свои...

* * *

Всё рвётся, всё стирается до дыр.
Кругом лишь боль, тоска да разложение.
Достоин ли спасенья этот мир?
А мы с тобой достойны ли спасенья?

Вселенский холод нижез до кости.
А ум хитрит, юлит, подобен змею...
Да разве я сумею мир спасти,
когда себя спасти-то не умею.

А мир в грязи, и сперме, и крови,
обрушились извечные устои.
И, может, он спасенья не достоин...
Но всё ж слезы достоин...
и любви.

РАЗМЫШЛЕНИЯ ЮДОФОБА

1.

Жизнь – нелепость, игра, лотерея...
Сколько ужаса, риска, хлопот!
Утончённейший разум еврея
всё распутает и утрясёт.

Богоизбранный мозг всё провидит,
сочинит свод запретов и прав.
И себя самого не обидит.
И, конечно, окажется прав.

И ему будет всюду дорога,
уважение, слава, почёт...
Даже если и вовсе без Бога –
не забудет себя – вознесёт.

2.

С жидами, братцы, тяжело тягаться!
Трезвы! А нас заставят пить до рвоты!
Заставят воровать и матюгаться,
отлынивать заставят от работы.

Никто не знает, как нам с ними сладить?
Хитры, подлы, высасывают силу.
И заставляют нас в подъездах гадить,
и не ходить к мамаше на могилу!

Содержат прессу. И живут богато.....
Владельцы банков, шопов и салонов...
Не ясно лишь, как процветают Штаты,
где их сидит шесть с лишним миллионов?..

* * *

Куда б ни шёл, куда б я ни стремился,
какой бы факел света ни возжёт –
на всех дорогах дьявол притаился.
Он каждое мгновенье стережёт.

Я чувствую его... Он пахнет адом!
И перед ним я – жалкий инвалид...
Вот он внутри... А вот он где-то рядом...
То за хер схватит, то мозги спалит.

* * *

Как пасмурно, гнило и голо!
Как ветер взывает, хрипя!
О, совесть, родимая сволочь,
куда мне бежать от тебя?

Так было почти с малолетства.
Так будет всегда, хоть умри...
И некуда, некуда деться,
поскольку всё это внутри.

ТРЕТИЙ РИМ

Это сколько ж скопилось печали!
Как искривлены стали пути!
Люди русские петь перестали.
И любви здесь почти не найти.

Диктатура животного страха.
Побирушки, блядьё и братва...
Третий Рим докатился до краха,
точно так же, как первые два.

* * *

Как я устал: из бездны - в бездну...
Вновь из одной в другую пал.
Наш век компьютерно-железный
я никогда не принимал...

И нет надежды. Нет дороги...
И лишь подумаю о Боге -
он плачет, сам себя кляня.
А я иду. Не меют ноги
И варианты безнадеги
всё конвоируют меня.

Но манит, манит путь небесный -
души таинственный предел.
Как надоели эти бездны!..
И я им тоже надоел.

* * *

Эх, да что тут говорить!
Это ясно всем...
Может, лучше как-то жить,
чем не жить совсем?

Я-то знаю этот путь,
что тут и зачем...
Может, лучше совесть гнуть,
чем не жить совсем?

Может, сдаться и терпеть
при печали всей?..
Может, лучше умереть,
чем предать друзей?

ГОСТИ

Ну, что же ты делаешь, Господи?
Почто гонишь всех за порог?
Конечно, мы только лишь гости.
Твой слишком прекрасен чертог.

Наш опыт, уродливо-горький...
Прости нас... Признать не легко,
что мы в нашей жалкой разборке
зашли чересчур далеко.

И мы заслужили все злости,
и мести, и вой сатаны...
Мы гости, мы только лишь гости.
Хозяева, точно, не мы.

ДУША МАМЫ

Сколько льдов, и снегов, и тумана!
Сколько слёз и предательств во мгле!
Где теперь моя грустная мама? –
Тридцать лет в этой грустной земле.

Не успел проявить интереса,
ни помочь, ни отринуть кошмар.
Почему из весёлой Одессы
вдруг рванула она в Краснодар?

Вот портрет – улыбнулась хотя бы,
рассказала про старую жизнь.
Где впервые увидела папу,
познакомились как и сошлись?

Над былым – голубая завеса,
за которой клубится беда.
Я родился в период репрессий,
и они не прошли никогда.
Сколько хамства, и лжи, и нахрапа!
Комсомолия, голод и культ...
Что содеял мой ветреный папа,
чтоб тебя уничтожил insult?

Эта жизнь расцвела и распалась.
Всё забыто – осталась молва.
Впрочем, нет – ничего не осталось!
Лишь душа твоя, знаю, жива.

Всё летает она над Москвою
лёгким облачком в мареве дня.
А ночами кружит надо мною
и глядит, и глядит на меня.

МОЛОДОСТЬ

Я был тогда хорошим человеком,
произносил хорошие слова,
и в честные глаза взглянув едва,
не заслонял зрачка тяжёлым веком,

И жил легко, прозрачно и светло,
не отягчён деянием и смыслом,
и зло ростком, холодным и осклизлым,
до глубины ещё не проросло.

Я весел был, и молод, и не глуп.
И свет душа пила и источала.
И с темени свисал кудрявый чуб.
И в сердце песня билась и звучала,
и, лёгкая, с моих срывалась губ...

РОДНИК

Это – как свежие росы!
Нет ни пылиночки лжи.
Робкие, сладкие слёзы
прямо из глубы души.

Тот родничок так не вечен!
Чище, светлей не найду.
Кроме стиха, так и нечем
выразить ту красоту.

Смотришь... А он всё прелестней...
Счастье... Непрочная нить...
Кроме стиха или песни,
нечем его сохранить.

В ГОРАХ

Среди орешников, дубрав,
по кромке гор - до кромки моря
прошёл с собой в тяжёлом споре...
И осознал, что был неправ -
себе на счастье иль на горе.

Снега, вершины, облака,
земля за дымкой голубою...
Увидел правоту врага,
увидел красоту врага...
Увидел вечность пред собою...

И эта мысль мне дорога...

* * *

И простоте, и пластике,
но больше благородству
учились мы у классики,
но больше у Природы!
И классики – в согласии...
Они, длиннобородые,
учились и у классики,
но больше у Природы.

ФАНТОМ ЛЮБВИ

Какая-то тревога пронизает...
Я в ночь гляжу и не могу уснуть.
Фантом любви вокруг меня летает...
Фантом любви садится мне на грудь.

Фантом любви – взбесившееся солнце.
Вот прикоснулся – жжётся и слепит...
Он выжжет мне измученное сердце.
И дальше по Вселенной полетит.

* * *

Ложь, словно талые воды,
хлынула и растеклась...
Сколько любви и свободы
втоптано в липкую грязь!
Ложь, и любовь, и свободу
нам не дано совмещать...
Крови льём больше, чем поту.
И не умеем прощать.

* * *

О чём, мудака, задумался сейчас?
Зачем застыл, уныл и неуверен?
Да! Бог спасал тебя немало раз.
Но он устал и боле не намерен.

Ущербно смотришь, свет тебе не мил.
Ты - тёртый. Прожил жизнь, прошёл полмира.
Не раз терял и снова находил
ключи от кайфа, лайфа и квартиры.

А дальше что? - Ты спеси поубавь.
Ты не забыл, как сердце колотилось,
когда ты оскорбил свою любовь?
Она ушла. И всё же возвратилась!

Ты думал: вновь обрёл свои пути...
Она пришла, чтоб навсегда уйти.

БОЛЬ

Люблю тебя теперь уж беспорочно.
И жизнь свою влачу, как в полусне.
И нет спасенья: днём то или ночью -
любимая, ты вся болишь во мне.

И эта боль все радости подточит.
Вот пенье, смех... И вновь провал и тишь.
И вновь моя душа закровоточит -
любимая, то ты во мне болишь!

И эту боль, дарованную свыше,
мне воздаёт бесстрастный судия...
И ты болишь, хоть я тебя не вижу,
как в матери умершее дитя.

* * *

Всего и осталась-то жалкая треть.
Уже всё равно ничего не улучшить.
Есть песни, которые хочется петь,
есть песни, которые хочется слушать.

Всё смутно и шатко, но я не ропщу.
И ночью печальной слезы не стираю.
Есть женщина - я без неё загрущу.
Есть женщина - я без неё умираю.

* * *

Засквозит... Качнётся люстра.
Дверь задвинем на засов.
Видно, как поблекло чувство
от пустых, ненужных слов.

Всё ушло, лишь голос прежний...
Я – не тот, и ты – не та.
Словно снова правит Брежнев –
Ложь, тоска и пустота...

Что-то сделалось со мною –
слова молвить не могу.
Красной жилкой кровяною
боль пульсирует в мозгу.

Вижу: выщипаны брови
и подведены глаза...
Всё, родная!.. Нет любви...
Тушь стекает и слеза.

ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

С любимыми не расставайтесь...

.....

...И каждый раз навек прощайтесь...

А. Кочетков

Отброшен молохом мотора,
уткнув в асфальт своё лицо,
лежал средь скрежета и ора.
И рядом было колесо.

Как всё случилось, знаю мало.
Но мысль кривая проползла:
твоя любовь всегда спасала,
но вот сегодня не спасла...

Боль стихла. Ангелы запели.
Проникла ватность до нутра...
Я щупал вмятину на теле
и слышал мягкий хруст ребра...

И смерть холодная сгустилась.
И била дрожь... И никого.
И жёсть «Фольксвагена» вдавилась
по форме тела моего.

И я шептал: «Не расставайтесь!
С любимыми не расставайтесь!
(о, Боже, смерть останови!)
И каждый раз навек прощайтесь!
И каждый раз навек прощайтесь...»

Но, может, не было любви.

2002, Ганновер

ЖЕНСКИЕ ИСТОРИИ

1.

Пригласил: – У меня побывайте!
А когда я пришла «побывать»,
ты поставил кассету Вивальди
и пытался меня целовать.

Ты болтал... За окном было лето...
И касанья сладки, и слова.
А я слушала музыку эту,
и кружилась моя голова.

И казалось, любовь полыхала...
И казался возвышенным трёп.
Я Вивальди впервые слышала –
чаще рок, или рэп, или поп.

И когда обо всём я забыла,
и когда меня страсть повела,
может быть, не тебя я любила,
может быть, я Вивальди дала.

Я расплакалась, заулыбалась...
И, не видя тебя пред собой,
я с Вивальди всю ночь целовалась
и любила его, милый мой!

2.

Жизнь меня понесла, закружила,
измотала, согнула, смела.
Я тебя больше жизни любила.
Я тебя всею кровью ждала.

Ты всё время мотался по свету,
ты срывался к семейству в Москву.
Так прости мне истерику эту,
эти слёзы и эту тоску.

Ты прости, мой любимый, я пала,
изолгалась с собою в борьбе.
Но когда я тебе изменяла,
больше я изменяла себе.

И скажи, где взяла бы я силы,
чтоб полжизни тебя ожидать?
Я давала, но я не любила...
И не надо меня укорять.

Что ты смотришь с такою тоскою? –
Вновь губа начинает дрожать...
Сделай так, чтоб я стала другою,
чтоб сумела себя уважать.

Я врала – это было постыдно,
извивалась, подобно ужу.
Я сама себе стала противна...
Больше я ничего не скажу.

Знаю я, что накликала горе.
Ты не муж мне, не брат, не отец...
Сделай так, чтоб я стала другою –
я такая, как есть, не жилец.

Не вернуться ни нежность, ни свежесть.
Виноваты печаль и винцо.
Если бросишь меня – я повешусь
или бритвой попорчу лицо.

Я себя ни за что не прощаю,
но сегодня в зловещую тишь
я безмолвно тебя вопрошаю:
ты простишь меня? Может, простишь?

Я ведь буду любить до могилы.
Я устала себе изменять.
Не зови меня блядью, мой милый,
я, быть может, уже и не блядь...

3.

Милый, гладь моё тёплое тело.
Зацелуй! Дай сердечку взлететь!
Сделай так, чтобы я захотела.
Я ещё не могу захотеть.

Прошепчи мне заветное слово.
Улыбнись. Потерпи. Не спеши.
Я ещё приоткрыть не готова
тайны тела и тайны души.

* * *

Эх, разлюбить её, что ли?
Чувствую: скоро предаст.
Сердце исполнено боли.
То – не любовь, а балласт.

Сдали чугунные нервы.
Чувству заткнуться велю...
В страхе быть брошенным первым
вот уж и сам не люблю.

* * *

Редкий снег. Ни травы, ни листочка.
Холод, холод над миром висит.
Лишь в душе где-то жгучая точка
наливается кровью, болит.

Вот и смерклось. Лишь даль розовеет.
Всё спокойно. Боль где-то в глуби.
И тяжёлые вороны реют
над руинами нашей любви.

БЕСПРИНЦИПНОЕ СЕРДЦЕ

Горелым и мёртвым потянет...
И правду увидишь – до дна.
Потом беспощадная память
не даст ни покоя, ни сна.

И всё-таки около смерти
нутро твоё вновь оживёт.
И вновь беспринципное сердце
тоскует, и любит, и ждёт.

Любовь полыхает так ярко!
Хоть жизнь безнадеги полна.
И Пушкина, и Бонапарта
не раз предавала жена.

Полёт переходит в паденье,
и падает с глаз пелена.
Чужая беда – не спасенье –
лишь тень пониманья она.

* * *

Всё распалось понемногу –
невозможно жить.
Я обиделся на Бога –
не могу простить.
Денег нет. Крива дорога.
Вымерла родня.
Я хочу спросить у Бога:
– ТЫ забыл меня?
Безнадёжно. Одиноко...
Кто так злобно мстит?
Я обиделся на Бога.
ОН меня простит....

ОПЫТ ОБЩЕНИЯ

Худо мне. Опускаются веки...
Затошнило... А всё поделом.
Отравился дурным человеком
хуже, чем откровенным дерьмом.

Средь убогих намерений льстивых
я ведь знал, не наивен и крут:
– Не ходи на совет нечестивых! -
оплюют, оберут, обосрут...

ДЕРЕВЕНЩИНА

Вл. Корнилову

Есть городская деревенщина.
Им – телевизор да кино.
Всегда разобраны все женщины,
и допито всегда вино.

Они не бриты и лысеючи,
они в нечистых башмаках.
И не нашли себе лазеечки,
и не хотят нашармака...

И что-то им иное дорого.
А что? – не вымолвит язык...
Всегда идут в другую сторону,
подняв истёртый воротник.

В любой игре им нечем крыть
и некого заткнуть за пояс.
И никогда не могут скрыть
свою разросшуюся совесть.

ПОХВАЛА

Зачем эта тьма? Отчего пропадаю?
С чего так упорно болит голова? –
Смертельно опасна месть негодяя...
И всё же опасней его похвала.

ДИАЛОГ О ЧИСТОМ ПОЛЕ

- Погуляй, брат, в чистом поле!
До круженья головы.
Сколько света! Сколько воли!
Сколько неба и травы!

- Что ты! Там однообразие!
Всё для праздного ума.
В чистом поле много грязи
и звериного дерьма...

- В чистом поле свист, да удаль!
Там тоску свою развей!

- В чистом поле лишь простуда,
Лишь продует до костей.

- В чистом поле кружит птица.
Вместе с ней бы покружить!

- Ждёт тебя, болван, больница -
пусту голову сложить...

* * *

Живу в своей норе берложьей
то жизнью ангела, то фавна.
Не все подвластно воле Божьей,
а человечесьей и подавно.
И в мире ничего не ясно.
Лишь думы дьявола ясны!
Но, может быть, не все подвластно
и адской воле сатаны.

ВОСПОМИНАНИЕ

Голосит, орёт баян,
ходит посре́дь улицы.
Я гуляю, полупьян.
Ждёт к обеду курица.

Райку, доченьку свою,
поднимаю на руки.
У неё «уди-уди»
и цветные шарики.

Пляшет мой сосед хромой.
Мостовая в семечках...
Ах ты, красный Первомай! –
золотое времечко.

ОПТИМИСТ

Летом не помню, что будет зима.
Сыт! – И не знаю, что буду голодным.
Мир! – И забыл, что бывает война...
Жив! – И не верю, что стану холодным.
И хорошо...

ПОЛОВОДЬЕ

Солнце... Ясная песня синицы.
Карк вороны. Пар нежно струится.
Под снегами большие труды -
звон и клёкот весёлой воды.

Даже псам, даже детям неймётся -
раззадорился их кровоток.
Радость даже к вороне крадётся,
как упорный подснежный росток.

И, когда от избытка свободы,
разомкнутся снега и земля,
хлынут радость и вешние воды:
радость - в души, а воды - в поля...

Разломав отчуждения лёд,
скинув путы вчерашнего долга,
половодье простор захлестнёт,
понимая, что всё ненадолго.

* * *

Хорошеет лицо у поющего,
даже если он худо поёт.
Хорошеет лицо у дающего,
даже если он мало даёт.

Но взгляните на морду орущего,
что корыстью и злобой влеком...
И как тягостно видеть берущего...
Что с его происходит лицом?

* * *

Даль не та. И женщины не те.
Сам не тот! Но тяга не изыдет.
Дикую потребность в красоте
ни сдержать, ни сбросить, ни насытить.
Оттого и гибну. Не спасти...
Жизнь чадит, сгорает понапрасну.
Ни души, ни глаз не отвести,
если даль иль женщина прекрасна.

ЖОРА

(Разговор фраера с дамой полусвета)

- Ах, какая отменная жопа!!
- Что же - пошлости Вам по плечу.
Удивите, хоть чем-нибудь, Жора!
Я давно удивиться хочу.

С Вами можно подохнуть от скуки...
Что Вы cedите пошленький стих?
Уберите вспотевшие руки
с итальянских колготок моих!

В результате унылой попойки
пусть у нас завязался роман...
Понимаю - Вам хочется в койку,
ну а мне - посетить ресторан.

Но скажу Вам, мой миленький Жора,
не шуршите деньгами, дразня.
Ваш бумажник, и мысли, и рожа
ну, совсем не волнуют меня.

И добавлю, красавчик, на ухо,
что напрасно Вы кажете прыть.
У меня снизу тускло и сухо -
Вы меня не смогли удивить.

* * *

Сон о скором лете.
Солнца голос зычный.
Вот и разноцветье!
Вот и разноптичье!

Пробужденье крови.
Взгляд, немое слово...
Мёртвые любви
оживают снова.

Но, как ты ни прыток,
доведут до боли
красоты избыток,
недостаток воли.

И сомнут, погубят
блажь и склонность рабья -
это разнолюбье.
это разнобабье.

* * *

Мир болезненный, проклятый, –
мгла, и смута, ложь и страх...
Бог, где сын твой? – Он распяты.
Святой Дух где? – Он в бегах.

Что за нечисть тут порхает?
Запах тлена над страной?
Бог! Где главный твой архангел?
– Он давно стал сатаной.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ РОДНАЯ

Корысть! О, кто тебя не знает!
И кто тебя не видел, кровь?
Как деньги гнут и распинают
Надежду, Веру и Любовь.

В тенётах атомного века,
в его компьютерном чаду
я зрю паденье человека.
И сам я падаю... Паду...

И всё-таки хочу постигнуть,
что наслоила глубь веков.
Вот исламист - готов погибнуть!
А европеец - не готов!

И, как укор, алкаш облезлый,
бомжиха с запахом мочи...
А ты молчи, ешь харч полезный,
и хапай, хапай... и молчи.

Я точно вижу, чую, знаю,
как мрёт душа в капкане дней...
Цивилизация родная
на горькой совести моей.

* * *

После дикой, бессмысленной пьянки
я уже ничего не хочу.
И, как демон иль сломленный ангел,
сквозь тоннель в мирозданье лечу.

И хохочут носатые черти.
И амурчик трубит в гнутый рог...
Для меня репетицию смерти
изобрёл осмотрительный Бог.

ГИБЛОЕ ВРЕМЯ

Я люблю это гиблое время,
и вранью, и иллюзиям рад.
Терпких дней безнадежное бремя
безнадежно тащу наугад.

В этой жизни мы все погорельцы,
все убогие, надо понять...
Не пеняйте, мол Брежнев, мол Ельцин...
Ну, а вы-то что? Так вашу мать!

Друг мой милый, алкаш и гуляка,
видя дней наших мутную слизь,
всё же мы обошлись без ГУЛАГа,
без окопов с тобой обошлись!

Что ты ходишь с помятою рожей?
Что бутылочку тащишь и снесь?
Всё устроит и всё подытожит
неизбежная, скорая смерть.

Порча тела, души разрушение
и пришедшее в ветхость пальто
всё ж заставят ценить все мгновенья,
потому что за ними – ничто...

* * *

Верю, знаю, что придёт время,
когда о нас, ныне живущих,
будут думать как об убогих, алчных дикарях –
хуже, чем мы думаем о неандертальцах
или даже о павианах.

* * *

Плотней, чем гравитацией
и электро-магнитными полями,
МИР пронизан нежностью
и печалью.

* * *

Почему в моей стране,
призрачной империи,
знают только два пенсне –
Чехова и Берии?

СТАЛИНИСТСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Сталин, Гитлер – нет красы!
Дальше мысль зашкалена:
уд – не знаю, но усы
больше всё ж – у Сталина!!

* * *

Все рождаются для великой цели.
Все живут с природой в унисон.
Курица рождается – чтобы съели,
ну, а ты – для СЧАСТИЯ рождён.

* * *

Властитель сумм – властитель дум.
Властитель дум – властитель дам...
А ты, поэт, не будь угрюм.
Пошли их всех... И строй свой храм!

ИНФОРМАЦИЯ

Раб информации жалкой –
факса, экрана, газет...
Палкой меня надо, палкой! –
Жру тот гнилой винегрет.

Как же ты терпишь, Всевышний?
Длится ублюдочный пир.
От информации лишней
гибнет наш алчущий мир.

* * *

Помедли, смерть! Помедли, хоть немного.
Остановись! Не рушь моё житьё.
Подумалось, а, может, ты от Бога,
как давнее рождение моё?

Вот ворон вьёт назойливые петли
над глупую мою голову...
Помедли, смерть! Ты всё-таки помедли.
Я не сбегу. Я точно буду твой...

* * *

Измены, слёзы, срывы...
Оргазмы, чувств извивы...
Скандалов круговерть...
Любви альтернатива
не ненависть, а смерть.

МУЧЕНИЦЫ

1.

Стоит, опухшая, хмельная...
Блюёт, опёршись у перил...
Она? Нет. нет... ОНА! я знаю...
Вот та, которую любил!

В какие же забралась кущи
вот эта, мученица дна?
Подбитый глаз, чулок приспущен,
стоит, растрёпана, бледна...

И, не оправившись от шока,
я вспоминал, боясь взглянуть,
её роскошнейшую попу,
её божественную грудь...

Вокзальные мелькают лица.
Таращатся. И пот на лбу.
Она блюёт и матерится,
и злобно смотрит на толпу.

И, отвернувшись виновато,
я вспоминал свою вину:
как мы рассорились когда-то,
и я пустил её ко дну.

И как в одной из подворотен
я ей кричал: – Ты неверна!..
Как я был мелок, горд, и злобен.
Как горько плакала она...

2.

Батоном и пивком пирует
бомжиха, толстая, больная,
орёт, беснуется, танцует,
поддатая, немолодая...

Кругом народец прёт вокзальный,
прёт напролом, ругаясь люто.
И предлагают секс оральный
Надюха, Верка, тетя Люба...

Всё, как всегда, всё так не ново.
Национальных нет идей...
Вот два мента, сняв дань с торговок,
спешат собрать оброк с блядей.

РАЗГОВОРЫ О КОВДЕ

- Это кто же так дышит неровно?
Кто трусцой совершает пробег?

- А-а! Товарищи, это же Ковда! -
Непонятный весьма человек.

- Ну а кто там танцует неловко?
Кто девицу повёл на ночлег?

- То небритый лысеющий Ковда -
несолидный, пустой человек!

- У кого есть «Боржоми» и водка,
и извечная дурь в голове?

- Ну конечно, конечно, у Ковды...
Вот уж точно - не наш человек!

- У кого в строках чистая правда?
Кто себя не щадит и коллег?

- Ненавижу! - Опять этот Ковда,
неприятный, дурной человек!

ПОЧЕМУ?

Утро... Свет с голубой высоты.
Облаков безупречное диво.
Средь великой такой красоты
почему б нам не жить справедливо?

Речка тихая, травы, цветы...
И к воде наклонённая ива...
Средь великой такой красоты
почему мы так жалки и лживы?

Это что - неуменье иль грех?
Мы во что так упорно играем?
И зачем свой бесспорный успех
так бездарно и верно теряем?

И кого нам и в чём обвинять?
Укрепляется дух изуверский...
Неужель, чтоб хоть что-то понять,
мы должны докатиться до смерти?

МОНОЛОГИ ЗНАКОМЫХ

1.

Ты всё думаешь: – Статен и юн!
И на женщин победно взираешь...
Надоедливый старый пердун,
ты давно уже всё просераешь!
Что даёт эта жалкая спесь
уходящей минуте бесценной?
И скажи, что ты делаешь здесь?
Что ты небо коптишь во вселенной?
Ускользнул, как налим или язь.
Всех надул... Только смерти боишься...
И в какой ты грязи копошишься!
И какую в душе носишь грязь!

2.

Как живу я, болтун и неряха?
Эта жизнь... – ах, какая потеха!
Веселюсь, содрогаясь от страха.
И страшусь, содрогаясь от смеха.

Износилась судьба, как рубаха.
А подштопать – так я неумеха.
И, пожалуй, уже не до страха...
Не до страха уже, не до смеха.

3.

Криво всё, потеряна дорога.
Вру и трушу. Продолжаю гнить.
Если дьявол побеждает Бога,
то меня нетрудно победить.

Что я видел? - Скотство да сиротство...
Всё порушу, свергну и предам.
С детских лет лишь жалкое уродство
окружает, бродит по пятам.

Среди дней бессмысленного танца
гибну, гибну в склоке и борьбе.
Но не сдамся. Слышите: не сдамся!
Нет, не сдамся самому себе...

4.

Есть с кем пожрать, кого полапать,
с кем скудный гонорар пропить...
Но перед кем упасть и плакать?
С кем о высоком говорить?

У всех, у всех ума палата.
Вон тот – хитёр, а тот – лихой.
Но перед кем упасть и плакать?
Неужто пред самим собой?
Да я и сам почти такой.

5.

Тарелки бил, кричал, что не вернусь.
И применял угрозы, фарисейство...
И блефовал для сохранения уз...
Как Горбачёв хотел спасти Союз,
так я хотел спасти своё семейство.
Но поздно... И срывался разговор.
Я нервничал, и сердце слишком билось...
Как у него – со мною лишь позор,
и также – ничего не получилось.

6.

...Но не волк я по крови своей
О. Мандельштам

Ты прости – у меня нету сил.
Я за всё расплатился на свете.
Я тебя никогда не любил,
хоть у нас уже взрослые дети.
И сейчас после стольких годов,
когда стал я забывчив и болен,
я раскаяться в этом готов,
разрыдаться со всех колоколен.
Я, наверно, неправильно жил.
(Но не волк я и ты не волчица!)
И я знаю: давно заслужил
всё плохое, что может случиться.

7.

Ямщик, не гони лошадей...
Из романса
Ну, сколько же я буду гнить?
Я бросил дочурку и мать.
Мне некого больше любить.
Мне не по ком больше страдать.
Мне тускло средь яркого дня.
Мне некого ночью обнять.
Простите, простите меня...
А, впрочем, не надо прощать.

8. МОНОЛОГ БАНКИРА

Я люблю деньги. Я очень люблю деньги!
Шелест и похрустывание новеньких купюр
для меня приятней, чем шелест листвы в лесу
и поскрипывание свежего снега.
А звяканье золотых украшений моей жены
прекрасней, чем плеск весеннего ручья
и колокольный звон...

9.

Всяк человек есть ложь...
Из старообрядческого псалма
Не тронь меня, не тронь!
Не мучь меня, о Боже.
Всяк человек – есть вонь.
И я, наверно, тоже.

В припадке чистоты
открылся я судьбине.
И Ты, о Боже, Ты
всё ведаешь отныне.

Но правды не найдёшь.
Старайся, но не очень.
Всё, всё на свете – ложь.
Ты тоже, между прочим.

Не щурь уныло глаз.
Поникни головою.
Будь честен хоть сейчас,
хотя б с самим собою.

10. ЧЛЕН СЕМЬИ

Я жизнь прохромал без полёта...
А он – раздолбай и нахал...
Я лишь на него и работал.
Он деньги и время украл.

Скотина! прибежище беса!
В избытке любви и страстей...
Зачем я его не обрезал,
как требовал дед-иудей.

Он жизнь не желает итожить –
в восторге от каждого дня.
Его невозможно стреножить!
Уж лучше стреножьте меня.

11. МОНОЛОГ СТАРОГО МАРАЗМАТИКА

Куда спешу болезненно и тяжело?
Каких страстей набрался к декабрю?
Почто гнилой, паршивый старикашка,
я на неё, прекрасную, смотрю?

Зачем в плену угара и дурмана,
сражённый глупым чувством наповал
в постыдной мгле запретного романа
запретные красоты целовал?

Вот эти плечи, задницу и сиси...
Развёрстых глаз блаженный, сладкий дым...
И стёртый член взлетал в такие выси,
что ныне не доступны молодым.

Творец! Ты создал эти процедуры!
На что без них надеяться и жить!
Парят тяжеложопые амуры...
И ни одной проблемы не решить.

Так и умру бессмысленным и грязным...
В крови – пожар, в кармане – ни шиша.
В кратчайший миг сладчайшего оргазма
через уретру вырвется душа.

* * *

Не всяко семя сможет прорасти.
Не всякое прочтут стихотворенье.
Не всё цветёт, что может зацвести,
что жаждет жизни, славы и цветенья.

Не всякая взыскуется душа.
Даёт плоды не всякое начало.
Тот победит, в ком больше куража,
в ком больше куража и ритуала.

* * *

Ты тоже был женат на бляди...*
И. Бродский, «Бюст Тиберия»

Знать, есть на то великие причины.
Такая жизнь! Чего уж лить елей?..
Ах, бедные, забытые мужчины –
ругаем жён и хвалим матерей!

Приятен флирт, и для жены забава.
Устала дом лелеять и хранить...
Ты иногда имеешь всё же право
жене своей пощёчину вклепить...

Но вот, когда развод тебя потреплет,
добавит пищи сердцу и уму,
твоя жена всё в мире перетерпит,
чтоб было счастье сыну твоему.

И пусть ты смят, разбит и есть причина,
чтоб по щеке слеза текла в ночи,
не уподобься Бродскому, мужчина!
Ты уходи, и всё ж молчи, молчи!

---

* «Поэзия должна быть глуповатой», но подловатой она быть не должна

СТИХИ МАСТЕРА

И.Б.

Слова летят, обильны, как листва.
Но нет ствола, ветвей, корней предмета.
Тут может быть избыток мастерства,
но нет тепла и щедрости поэта.

И, может, стоит время поберечь
и не вникать в повадочку уродца.
Сей серый сумрак может и увлечь,
но никогда душа не отзовется.

Нет Бога – и не будет ничего.
Нет отклика – холодная пустыня.
Лишь цепкий ум, да злое мастерство,
да едкая бесовская гордыня.

ИМПОРТ-ЭКСПОРТ

Во-о-о-ля! Нет цензуры. Даль открыта.
Новая толкучка у корыта.
Перемена стиля и оков.
Что же к нам завозят, кроме СПИДа?
Кроме пепси и боевиков?

Я гляжу, гляжу в четыре глаза –
жизнь полна уродства и чудес.
Что же мы вывозим, кроме газа?
Женщин, нефть, ещё, пожалуй, лес...

Чем живём? Чем набиваем брюхо?
Нам Господь показывает шиш...
Что же мы теряем, кроме духа?
И кому от этого барыш?

1991

О ВЕЛИКОДУШИИ

1.

О, великое Римское право!
Иудейско-христианский завет!
И законов хватает и славы...
Только великодушия нет.
Что Он плёл в той вселенской разрухе,
в алом венчике стынувших роз?
Что кричал молчаливо сквозь вьюги
недострелянный белый Христос?..

2.

Что мы знаем о Божеской милости?
Что спасёт, сохранит бытие?
Что ценней и верней справедливости? –
Только великодушье твоё!
Ничего ты собою не значишь.
Дух раздавлен и совесть в крови...
От мучений ли бьёшься и плачешь?
– Нет, от чистой бессильной любви...

НЕ СИРОТА!

*Сними с меня усталость, мать-смерть.
Б. Чичибабин*

Ты думал: волшебство и божество...
Но сколько лет - невнятица и смута...
И всё ж грядёт последняя минута,
после чего не будет ничего.

И всё!.. Закроют за тобою дверь.
И мать-жизнь откинется устало,
и криво улыбнется мать-смерть,
и закричит, завоюет мать-слава...

* * *

Сочится утро, лёгкий свет лия.
На стенах гаснет листьев трепетанье.
Вновь чувствую загадку бытия,
уклончивую тайну мирозданья.
И теплится, и тлеет пониманье:
её носитель, может быть, и я.

Она во мне – не видно никому.
Она во мне – мне видно одному,
чуть брезжит, словно дальнее светило...
Вот вглубь уходит, в бездну, в полутьму.
Не уловлю, не трону, не пойму...
Всё унесёт проклятая могила.

БАРТЕР

Как хорошо на просторе
с птицами петь про восход!
Кто-то нас поит и кормит,
кто-то одежду даёт...

Девичьи торсы и лица!
Гимны цветку и стиху!..
Кто-то в земле копошится,
горбится в пыльном цеху.

Там работяга рутинный,
туп, неотёсан, нелеп...
Мы им стихи и картины...
Нам – лишь одежду и хлеб!

Вечером из магазина
тот работяга идёт,
но не стихи и картины –
пару бутылок несёт...
И, улыбаясь, поёт...

ВНУТРЕННИЙ ДИАЛОГ

– Ну, куда ты, драный, полупьяный?
Старый пень, что у тебя в мозгу?

– Я без этой женщины туманной,
как без сердца, выжить не могу.

– Это ты-то? Плут непостоянный!
Идиот, о чём ты говоришь?
Стал облезлой мрачной обезьяной...
До золы, до тлена прогоришь!
Безнадёжней будь и откровенней.
Выбрось всё, все узы разорви!..

– Но без этой женщины осенней
нет мне в жизни счастья и любви.
Всё пропало... Кувыркаясь, в бездну,
словно птица сбитая, лечу...
Я без этой женщины небесной
выжить не могу и не хочу.

* * *

Мало ведал о карме и каре,
знал любви переменчивый свет.
Прожил в праздничном, сладком угаре
с двадцати до шестидесяти лет.

О, как шло всё отчаянно-смело!
Как грешил, не умея устать!..
Лишь теперь я не знаю, что делать,
как забыться и как умирать.

* * *

Не хочу привычного обмана, –
нас никто с тобою не хранит.
Сколько лет мы вместе? – странно... странно...
И душа – то тлеет, то горит...

Знаю, знаю, как мне будет плохо,
безнадёжно будет, но опять
рвусь и рвусь к тебе через эпоху,
как горбуша – вверх по водостоку
рвётся, чтоб отдать свою молоку
и чтоб смерть достойную принять.

Жизнь во мне болит и усыхает,
вянет, как нестойкие цветы...
Словно кислорода не хватает.
Словно нет ни пищи, ни воды.

РЕВНИВЫЙ МУЖ

Холоден, разумен,
мало говорит.
Словно злой игумен,
косится, косит.

Видит прегрешенья,
тайные дела
и твоё горенье,
где меня сожгла.

Понимает юмор,
Знает, что к чему...
Ждёт, чтобы я умер...
Я и впрямь умру.

ЗОЛОТАЯ РЫБКА

Пусть обманет – я прощу.
Отстрадаю, отгрющу,
рвать не стану эти сети.
Если хочет – отпущу...
Как иначе жить на свете?

Беспринципно помяну
эту женщину одну,
так похожую на ветер,
словно в бездну загляну.
Как иначе жить на свете?

Сам не свят – и не кляню.
Да, прощу её вину –
как волна прощает ветер,
как песок простит волну.
Как иначе жить на свете?
Бог прощает сатану...
Будет время – обману...

* * *

До сердцевины обнажён,
познав предательства узоры,
лежал под собственным ножом,
вкушая страх и боль позора.

Уже на грани бытия,
почти не ощущая муки,
сопротивлялся смерти я,
себе выкручивая руки.

И резанул наискосок,
себя осилил в иступленьи,
отринув горечь и сомненья,
любовь в душе своей иссёк.

* * *

Зачем кружу, скитаюсь по Вселенной?
Зачем грешу, но славлю благодать?
Зачем хочу в нелепой жизни бренной
о жизни вечной что-нибудь понять?

Зачем молюсь, и плачу, и тоскую?
Зачем судьбине горло подставлял?
Зачем люблю тебя, а не другую,
хоть неизбежный чувствую провал?

Какие танцы жизнь кругом танцует?
П...а над ней восстала, как звезда.
Чадят года, растраченные все.
Обуглились последние года.

А, может, лгу я, лгу, что всё так плохо?
Совсем не чад – пожар меня клубит...
Вот хохот твой, переходящий в похоть,
и голый секс, взывающий к любви...

* * *

Улыбнись, сядь ко мне на колени.
Пусть всё будет, как в том сентябре...
Разреши, прикоснусь к твоей тени,
если не разрешаешь к себе.

Не впадай ни в тоску, ни в смятенье.
Ведь сегодня особенный день.
Разреши, прикоснусь к твоей тени.
Я люблю у тебя даже тень.

* * *

Детей и внуков свора
всё лезет, лезет в гору,
не зная свой секрет –
что я всему опора...
А мне опоры нет.

О СВОБОДЕ

Эти мутные, дымные годы
встали в памяти, совесть креня.
Я имел слишком много свободы,
и она поглотила меня.

И душа словно ринулась в воду –
плеск и визг от зари до зари,
и тонула в избытке свободы,
и пускала в неё пузыри.

ВРЕМЯ ЗОЛОТОЕ

Средь наваждений и тоски,
среди сумятицы и блуда,
мои проказы и причуды
жизнь растащили на куски.

И всё же, Господи, продли
мне это время золотое –
и наваждения любви,
и упоение тоскою.

* * *

Надоело ходить по врачам.
И по дамам ходить надоело.
На кровать волоку по ночам
это грузное, жёсткое тело.

За дисплеем штаны протирать,
корчить лик молодого поэта!..
Неужели пора умирать
и забыть всё, что знаю «про это»?
Да, пора - понимаю и это.

Всё развеялось - дымка ли? дым?
И душа, словно старая клуша...
Димка! Димочка! Димонька! Дим!
Что ж не смог вечно быть молодым?
Не сберёт свою ясную душу.

Но не худо ж писал иногда...
И не зря просадил те года.
Ковда! Ковдочка! Вадька! Дымочек!..
А ты помнишь, как жил ты тогда?
Помню... Но не скажу - ставлю прочерк.

Век был крут, но по-своему мил –
протащил через муки и беды...
А как жил, разлагался, любил -
Пусть копают жуки-ковдоведы...

2005

ДРЕВО РОССИЯ

Лист злобно ветку ругает.
Ветка не верит стволу.
Ствол корневище поносит...
Дерево всё же растёт.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ

Г. Фролову

Нам наши предки завещали
Француза, турка, немца – гнать.
Чечня... Авган... – моря печали.
Мы всё профукали, просрали...
Как наши деды побеждали! –
Так нам уже не побеждать.

Былое вспомнится украдкой
иль мемуар прочту опять:
шелка, и грации, и складки
на кринолинах, грудь и стать,
цыгане, страсти, тройки, шали...
Как наши бабки блядовали! –
Так нам уже не блядовать...

Честь, совесть, братство, свет в потёмках... –
что нам долбили с давних пор.
А вышло – хамство, склока, ор,
корысть и подлость, ложь и мор...
И нечего сказать потомкам,
и с болью опускаем взор.

ВРАГ

1.

Живу, себя, родного, не любя.
Не сотворю из себя кумира.
Я устаю от самого себя
поболе, чем от остального мира.

В неистовом, безжалостном бою
со лжи в себе срываю все покровы.
Но жизнь идёт. И снова устаю.
И снова ложью зарастаю новой.

2.

Я – главный враг свой, сильный и коварный.
Борюсь упорно, проявляя прыть.
При всех победах полупоэтических
я сам себя не в силах победить.
Так много лет... Ах, нет – десятилетий!..
Как совесть мрёт и корчится душа.
И всё ж хочу ещё пожить на свете.
Жизнь непонятна – тем и хороша!
Но было, было!.. Выбился, прорвался.
Подборки... Книжки... Но не стало сил.
И всё забыл, забросил... Промотался.
Всех победил – себя не победил...
И рот набив ганноверским печеньем
и юношеский помня эталон,
я жизнь свою читаю с отвращеньем
и вижу, что напрасен и смешон.
Остаток дней не розами увенчан.
Не льстить себе осмелился посметь...
Борьба честна, бессмысленна и вечна...
Её прервёт, пожалуй, только смерть.

3.

Что хулим? На что пеняем?..
Скука! – вижу по глазам.
Я связался с негодяем.
Этот негодяй – я сам.

Всем он лжёт, всех девок любит...
Скот! Вчера подбил мне глаз...
Знаю: Бог меня погубит,
если чёрт помирят нас.

Буйствую, кричу, страдаю...
Матерю! – и он в ответ.
Никогда не побеждаю...
Но и поражения нет.

4.

Борюсь с собой пока хватает сил.
Но мой кураж скукожился, увял.
Я никогда себя не победил.
И никогда себе не проиграл.

Ах, что я лгу!.. Двудликая судьба!
Чью сторону берёт она в борьбе?
Я беспощадно победил себя...
И безнадежно проиграл себе.

БЕССМЕРТИЕ

1. МАТЬ И СЫН

Сизый голубь лежит на дороге.
Пёс пушистый впечатан в асфальт.
Дядя Боря – сосед одноногий...
Гроб с соседом несут в катафалк.

– Мама, что это? – Милый, не бойся...
– Мама, что это? Страх не унять...
– Ты узнаешь когда-нибудь после.
Не спеши это всё понимать.

– Мама, что это? Он не вернётся?
– Это СМЕРТЬ, милый, но не страшись:
Эта участь тебя не коснётся –
у тебя будет вечная жизнь.

У тебя будут счастье и воля...
И, однажды, в прозрачную тишь,
ты взлетишь над дорогой и полем,
над зелёной землёй полетишь,
над землёй полетишь, полетишь...

2. ЧЕРЕЗ МНОГО ЛЕТ

Умер друг, и второй, после третий...
Умер тот, кто моложе меня.
Тут разгул, наваждение смерти –
всех берёт среди ночи и дня.

Это что же творится на свете?
Я глаза воспалённые тру.
Умирают старухи и дети...
Ну, а я? Никогда не умру?

А святые где? – Ах, перестаньте...
Я-то ладно – живу, как свинья.
Где вы Марченки, Корчаки, Ганди...
Где ты, честная мама моя?

Луч надежды мелькнул и размылся.
Боже, где ты? Мы странный народ.
Тот умрёт, кто ещё не родился.
Не родится – тогда не умрёт!

Люди, милые! Книге не верьте...
Сколько баек, обманов, химер!
И уныло мерцает бессмертье,
улыбается зло Агасфер.

Весь умру я: и личность, и лира.
Не помянут калмык и тунгус.
И музеем не станет квартира...

Всё уйдёт, как Советский Союз.

Сизый голубь упал на дорогу,
Пёс пушистый раскатан в асфальт...
Что ты делаешь? – крикнул я Богу.
И подумал, что мне его жаль.

* * *

Так это я наивно полагал,
что правильно торю свою дорогу?
И мчал вперёд, ловчил и вечно лгал
себе, друзьям, и Родине, и Богу.

И день настал... Легла на сердце мгла.
И кто-то внятно прошептал на ушко,
что жизнь моя не правильно прошла,
что я и есть – тот, с кем бороться нужно.

Давно подозреваю сам себя.
Что жил не так, не ту учил науку.
И что корысть вела, а не судьба,
и всё проспал, протрусил и профукал.

Лишь делал вид, что правду всем рубил,
а сам – в пирог надкушенный вцепился.
И лишь жене и матери грубил,
а вот к начальству нежно относился.

И сам себя незримо загубил.
Гордиться, презирать и мстить не вправе.
И женщине, которую любил,
лишь беды да печали предоставил.

2003

* * *

Нам сатана милей, чем ты, всеблагий Боже!
Умрём без доброты, но хамство ближе нам...
И тьмы высоких истин нам дороже
нас вечно унижающий обман.

* * *

Мы забрались в такие глубины,
что стало тяжело дышать.
Мы так давно друг друга любим,
что начинаем уставать.
И что-то там, в душе, сточилось,
прогнулось, перенапряглось.
И понимание истончилось.
Любви проскальзывает ось.
Молчим, киваем и шуткуем.
Уныло смотрим, мудро врем...
Мы лжём!! А, значит, существуем.
А будем лживы – не помрём.
И не страшны уже утраты...
И начинаем понимать,
что всё! – любить уж поздновато...
Но что не поздно умирать.

СОВРЕМЕННОСТЬ

Мат, блевотина, грязь, пёсы говна...
Огулял богоносицу бес.
И солидный, с брюшком, уголовник
разгоняет лоснящийся «Мерс».

Банды, банки, банкеты, банкноты...
А в подъездах - зажми крепче нос.
От избытка дерьма и свободы
жизнь скользит из хаоса в хаос.

Словно тлен прошлогоднего снега,
словно тяжкий, шизоидный сон,
прут святые новейшего века:
Михалков, Розенбаум, Кобзон...

НЕЗРИМЫЕ ПУТИ

Торю незримые пути.
Рисую словом, словно кистью...
Хочу природу превзойти
по красоте и бескорыстью.

В глухом, безжалостном краю,
пусть обречённо, но ищу я,
как позабыть беду свою
и превозмочь беду чужую.

Времён улавливая шум,
вдруг вижу я в оцепененье,
что в глупости таится ум,
и в слепоте таится зренье...

И, погружаясь в мглу и ночь,
и потеряв свою дорогу,
хочу беспомощному Богу
и человечеству помочь.

Гноятся совести культы
и аритмично бьётся сердце...
Торю незримые пути.
Но и они – лишь к смерти, к смерти...

ПРОРОЧЕСТВО

Ни денег, ни здоровья, ни утех...
Всё расплылось в безднах леденящих.
Но помни, помни, старый пустобрех,
что горести твои ничтожней тех,
что предстоят в ближайшем настоящем...

* * *

Свои стихи, свои пророчества
несу в сортир...
Я долго полагал, что творчество
очистит мир.
Но не было в той мысли истины...
Разлад, распад...
Нет! Строфы мира не очистили -
пусть чистят зад.

УРОВЕНЬ ПРИТЯЗАНИЙ

Дух мой ни на что не притязает.
Это длится много дней и лет.
Притязаний уровень сползает,
как вся жизнь – в вокзальный туалет.

Потому-то гордости не видно.
В каждом доме – бед иконостас.
Притязаний уровень – постыдный,
он у трупа больше, чем у нас.

Мертвецу – и пресса, и кладбище,
ордена, народная любовь.
Ну, а ты гуляй, паршивый нищий,
радуйся, что не остыла кровь.

* * *

Трещина мира
проходит через задницу поэта.

* * *

Смолкайте, пустые желанья!
Уйдите, пожалуйста, прочь!
Я отдан был вам на закланье,
но больше мне с вами невмочь.

Отблядствовал, отсуетился,
Словес наболтал на века...
И всё ж не сломался, не спился
и даже не умер пока.

Так полнитесь вечностью строчки!
Кричи суть, что зрела во мне:
о маме, о сыне, о дочке,
о Боге, любви и войне...

Я вновь отрицаю бессилье.
И вижу: в глухом полусне
вздывается сфинксом Россия
вдали, предо мной и во мне.

СТРАНА ЛЮБВИ

Не слушайте! – всё болтовня.
Она жива – страна любви.
В не раз сожжённых деревнях
всё те же спасы на крови.
И я хочу ещё взойти
на белые её вершины,
и там открыться до кости,
до самой тайной сердцевины.
И оступиться, и упасть...
Повиснуть на краю ущелья.
Чтоб вновь дошла немая власть
её безумного ученья.

БУДЕМ БЫТЬ

Ах, тяжела житейская наука!
Простого нет – есть сложное одно.
Но если в счастье новая проруха –
мы ляжем спать или пойдём в кино...

Нет! Мы не склонны извлекать уроки.
Мы склонны думать, что дела не плохи.
И потому надменны и слепы.
Велики мы тогда, когда убоги...
Нам жизнь ещё порасшибает лбы.

И что заслуги прежние и званья?
Опять непониманье иль обман!
(уверить смею случай не последний!..)
Ну, что ж, пока присядем на диван
иль к косяку привалимся в передней.

Пластинку заведём. И всё заметней
проступит грусть над пеленою страха.
Что ж, погрустим – нам некого винить.
Допустим к сердцу вечный голос Баха.
И будем быть...

КРАСОТА

В этой женщине избыток красоты.
Как увижу – совершить мечтаю кражу.
Вот несёт по пляжу алые цветы...
Впрочем, нет – она себя несёт по пляжу.

От неё торчу, балдею каждый миг,
хоть смутна она, капризна и порочна...
Я не знаю, красота ль спасает мир?
Но меня она погубит – это точно.

ПОПЫТКА РОМАНСА

Живу обычно и необычайно...
И, блажь свою не в силах укротить,
я всё надеюсь встретить Вас случайно
и, не спеша, до дома проводить.

Во что я верю? Что я жду отныне?
Душа моя летает и поёт...
Вы мне своё прошелестите имя
и, улыбнувшись, спросите моё.

Я назовусь Вадимом. Вы – не знаю.
Любовь начнётся... Радость не унять...
Но выйдет так, что я Вас потеряю.
Я не сумею Вас не потерять.

Блеснёт слеза в безмолвной укоризне.
И высохнет, подобно миражу.
И снова врозь пойдём по этой жизни,
которой я не очень дорожу.

Не удивлюсь ни боли, ни разрыву –
ведь счастья нам никто не обещал.
Какая блажь – под старость стать счастливым,
когда всю жизнь терзался и страдал!

* * *

Кольнёт неожиданно сердце –
и вспомнишь, что ты уж не молод.
И больше не веришь, что солнце
растопит слежавшийся холод.

Вновь сдавит понурое сердце...
Отпустит. – Ты вновь не убит.
Но не о любви, а о сексе
стенает душа и болит...

ГОРМОН

Пойду потревожу бармена –
я, видно, совсем идиот:
чудовищный выброс гормона,
когда она мимо идёт.

И разум, и волю уносит...
И хочется в рай иль дурдом,
когда она чёлку отбросит
и плавно поводит бедром.

В нелепом придуманном мире
я вправе её целовать.
Мой мускул, пространство топыря,
пытается брюки прорвать.

Я вижу: она меня знает.
Стою, как стреноженный конь...
Неужто, она понимает,
какой меня гложет огонь?

По сердцу калёным железом...
Она всё родней и родней.
То юбка с глубоким разрезом,
то джинсы влитые на ней.

И жизнь не покажется адом.
Пусть даже не выпадет фарт.
Качнёт убедительным задом,
чтоб вызвать insult иль инфаркт...

Чудовищный выброс гормона.
И снова захочется жить!
Пойду потревожу бармена,
чтоб счастье и боль заглушить.

2002

ФЕВРАЛЬ

Посмотри: мир ещё безответен –
он былого не смог побороть.
Да и нами ещё не доеден
старой жизни солидный ломоть.
Так давай передышку даруем –
пусть бывшее затянет быльём...
Вот тогда мы с тобой попируем,
вот тогда мы своё доберём.

ТАК ЧТО ЖЕ МНЕ ЛЮБИТЬ?

Мир новый, ну а я живу по старой мерке.
Хоть харч уже не тот и женщины не те.
И, может, потому, что криво всё и мерзко,
незримо возросла потребность в красоте.
Но где её найти? – Повсюду умиранье.
Повсюду на Руси избыток подлецов.
Так что же мне любить? Что требует вниманья? –
Вот небо... Вот цветок... Вот детское лицо...

* * *

Я задаю себе головоломку
и чувствую: пора начать аврал.
Каких роскошных дам не сладил в койку!
Каких прекрасных строк недокропал!

Как нудно и упорно ел капусту!
Как сладко дрых, рассудочен и вял...
Как промотал божественное чувство!
Каких друзей прекрасных растерял...

* * *

В борьбе и склоке катят годы,
а новые грядут – в крови.
А я, как прежде, раб свободы,
раб ускользящей любви.
С любым подонком чую братство –
уменье лгать, уменье нить...
Но эти сладостные рабства
до смерти не на что сменить.
Растленье, прах, гнилые воды...
Любой распад перетерплю.
Я раб любви, я раб свободы...
И эти рабства я люблю.

* * *

Всё кропаю каляки-маляки.
Что-то рою, копаю, как крот...
Разбирать эти мраки и враки
невозможно – лишь чёрт разберёт.

Лязг и скрежет творю, а не пенье,
смерть и тленье, распада приют...
И прозренья мои, и презренья
никому ничего не дают.

Но пока не поехала крыша,
и пока в главных помыслах чист,
отовсюду, мне кажется, слышу
нарастающий дьявольский свист.

Вечно чувствую трепет и жженье,
жажду жить и желанье уйти...
Поражение за пораженьем...
Но иного не знаю пути.

ПЕРЕД РАЗРЫВОМ

Интуитивно ясно мне,
что здесь не надо оставаться.
И всё же ясно не вполне,
куда же надо подаваться.

Оковы медленно терял,
но след оков так странно дорог.
Я не особо доверял
свободы гулким коридорам.

Но если снова задержусь,
то снова годы тягомотин,
пустых сомнений глупый груз...
Но я и тороплюсь не очень.

Уйти – морока из морок.
А оставаться – ох, не сахар!
И виснет жизни алый клочок
на ржавой проволоке страха.

* * *

Средь вселенских пустых холодов,
где душе ничего уж не мило,
словно смерч, накатила любовь,
подняла, понесла, закружила.

Оторвав от расчётов и дел,
вдруг такие миры приоткрыла!
И в такой утащила предел –
где царует нечистая сила...

Но не страшно уже ничего
на земной, на небесной ли тверди.
И ликует моё существо
в предвкушенье паденья и смерти

* * *

Я стою и смотрю в эти блёклые дали:
три коровы, коза, травяной бережок.
Дальше горстка домов. Средь вселенской печали
это место Господь всё ещё бережёт.

Прохожу через лес, через поле и речку...
Словно стайка гусей, стайка храмов встаёт.
А кругом гомонит суматошно-беспечный,
нежно окающий полупьяный народ.

Мутно смотрит в глаза, голубо или сине.
Ворошит огород, где картошке цвести...
Сколько раз Бог спасал бедолагу Россию,
неужели теперь не сумеет спасти?

Но не нужен я им. И глаза их враждебны.
Изобьют иль убьют... Я мгновения длю...
Всё равно я люблю эти выси и бездны,
это поле, и речку, и рощу люблю.

Сколько мыслей больных; сколько чувств виноватых!
Я, наверно, уеду, но помнить хочу
этот сбор белогрудых церквей гусеватых.
Я и сам по-над ними взлетаю... лечу...

* * *

Я проживаю буднично и плавно,
накапливаю мутность у зрачков.
И так неторопливо и бесславно
теряю злобу на своих врагов.

DEUTSCHLAND

1.

В изобилие колбасы и сладости,
чистота берегов у реки.
Уплетаю немецкие радости,
на халяву, за обе щеки.

А в российском дымящемся космосе,
где своё отсидел, отходил,
НА-ДО-Е-ЛО! Спасибо же, Господи! –
всё же спас, накормил, напоил.

Я не знаю, как в Хайфе иль Бостоне,
всё понять – уж давно нету сил.
Но прости эти ложки и простыни,
что вчера на Flomarkt'e* схватил.

Житель Орска, Торжка иль Елабуги –
городишки в моче и дерьме –
был бы счастлив жевать этот гамбургер,
что противен неправому мне...

Рождество! Так послал бы мне водочки.
Слишком правильно всё и везде.
И прости эти жалкие шмоточки,
чем разжился я в Красном кресте...

Я готов прошагать это капище,
и удел не покажется мал...
Но назначь-ка Termin** мне на кладбище!
Friedhof*** чистенький ты замотал...

---

* Flomarkt (нем.) – блошинный рынок, толкучка.

** Termin (нем.) – место и время встречи.

*** Friedhof (нем.) – кладбище (в немецком языке – мужского рода).

2.

Буйство глаз и половодье чувств...
С. Есенин

Подавился свиною сосиской.
Есть к дантисту Termin, но не близкий...
Есть Farrad, Waschmaschine*, дисплей...
Но нет БОЛИ и ВОЛИ российской,
буйства глаз, половодья страстей...

Тут чугунный порядок тотальный,
чистота разъедает нутро.
Жалких песен звук не музыкальный,
вопли пьяных скинхедов в метро.

Утомил, утомил этот орднунг,
хоть и нужен он... Бог мне простит.
Я ступаю уныло, не гордо,
а на сердце усталость и стыд.

Лысоватый, чумной иноземец,
без зонта средь дождливого дня,
ковыляю... Внимательный немец
исподлобья глядит на меня.

---

* Farrad (нем.) – велосипед, Waschmaschine (нем.) – стиральная машина.

3.

Цвет повыцвел. И съёжился свет.
Божий дар пересох, расплылся...
Я устал, промотался, пропился...
До какой нищеты докатился –
ничего, кроме прошлого, нет.

Среди дней, утомительно-тошных,
погружаюсь в судьбы окоём.
Всё копаюсь бессмысленно в прошлом,
всё купаюсь бессмысленно в нём.

Истончились года, обветшали,
покосились, сломались года.
Ничего нет, помимо печали, –
лишь усталость, да боль, да тщета.

Ветерок над Ганновером сонным,
мусорок возле баков шуршит.
Чуждо всё – даже хлеб! даже солнце!
Ни единой родимой души.

Мутной дымкой подёрнулись дали.
Утомило мелькание лет.
Ничего нет, помимо печали.
Даже прошлого, в общем-то, нет.

Под прищуром холодного взгляда
я сникаю, бессилён и нем.
По кругам эмигрантского ада
ухожу, чтобы сгинуть совсем.

4.

Ты обещен дочиста,
калека из калек,
Отечество и Отчество
потеряны навек.

Отныне – одиночество,
прогорклая судьба.
Без Родины и Отчества
ты не ценней раба...

Так что ж, Моё Высочество,
дела твои плохи:
ни Родины, ни Отчества –
лишь память да стихи...

5. ПАРАДНЫЙ ПОРТРЕТ

В немецком городе старинном,
в пустынном зале среди дня
я увидел одну картину -
в ней что-то привлекло меня.

И, неуч, недотёпа сонный
(был автор неизвестен мне),
я вдруг узнал Наполеона
в роскошной раме на стене.

Гримаса времени седого,
где хаос, логика, азарт -
раздавленный при Ватерлоо
коротконогий Бонапарт.

Сомнительный был образ явлен.
Чем он велик? – решите вы.
Он был до этого раздавлен
убогим бегством из Москвы.

И вот, народами проклятый,
он – полуцарь и полубог,
стоит пузато-лысоватый
с собачкой маленькой у ног...

Как он взрастил в себе уroda,
заставил столько в землю лечь,
когда влил в лицо народу
столь убедительно картечь?

Как совместились неслучайно
его загадочная смерть,
его побед великих тайна
и поражений круговерть!

Гордыня и характер вздорный,
и удивительная смесь:
его насущные реформы
и вероломство, наглость, спесь...

Не веет благостью небесной
сей неожиданный портрет.
Мы знаем всё - но всё неясно.
Всё помним - пониманья нет...

6.

Брови рисованная дужка,
взор, полный страсти и огня...
Моя безумная подружка
летает в ступе вокруг меня.
Остановилась, что-то просит,
смеётся, плачет и зовёт,
и лжёт, и любит, и поносит,
злословит, кается и лжёт.
А я в раскованности детской,
но лысоватый и седой,
кричу ей что-то по-немецки,
я - старый мальчик молодой.

7.

Нет, Deutschland мне рассудком не понять,
аршином общим тоже не измерить.
Она мне не любовница, не мать...
Ей благодарен, но не в силах верить.

Всё помню, всё навязло на зубах:
тотальный орднунг и чуть скрытый страх...
Как Гитлер тут возвысился кровавый?
Как Геббельс похозяйничал плюгавый?

Как совместились Бисмарк здесь и Бах?
Как совместились Рильке, Ницше, Гауф?..
Всё, что читал, что слышал – всё враньё.
Германия и лечит, и калечит.

И образ расплывается её
и плавится в огне противоречий...
И не лежит душа к немецкой речи.

8. В ГАННОВЕРСКОМ МУЗЕЕ

Лукас Кранах, Сандро Боттичелли,
Питер Брейгель – вы всё ж не истлели!
Через время – кривое стекло –
поражали, светили и грели,
затыкали души моей щели,
а иначе бы всё утекло.

Смерть, любовь и безумство воспеты...
Изменить эту сторону света –
безнадёжно, как Бога просить...
Можно лишь замахнуться на это –
не понять, но хотя б отразить.

Всё же вы оказались мудрее:
через войны, и мор, и века
задержались в немецком музее,
чтобы действовать наверняка.

И придётся, добравшись до сути,
и понять, и принять, не коря,
что не зря на земле жили люди.
Мы-то зря, да вот эти не зря!

На мадонн, на слепцов-оборванцев,
на детей и собак кутерьму,
на пьянчуг, заблевавших корчму,
всё смотрю – не могу оторваться.
Не могу объяснить почему.

9.

Какая боль сгустилась по России!
Какая грязь! Какой великий мор!
Ворьё, враньё, глубинное бессилье
и сумасбродный пьяный разговор.

Я здесь любил, здесь стал «плохим» поэтом.
Здесь брат убит... Я это ж получу...
Но чувствую родным похабство это.
Сюда упорно лезу и хочу.

Ну, а пока в Германии удобной
лечусь и жру, и жру, набив живот.
И рвусь к земле холодной и голодной
я – полукровка, жидопатриот.

Течёт слеза. И толку нет от крика.
Вся жизнь моя – разлад и благодать –
закат и смерть империи великой,
где доводилось мыслить и страдать.

10.

Средь дымных наваждений суеты,
средь жалких склок и душераздирааний
нахлынут умерщвлённые мечты
и горько-сладкий яд воспоминаний.

И прядают, качаются кусты,
оставшиеся птицы напевают.
И на ветру рябины полыхают.
Спокойно всё... Но всё перекрывает
незримое дыхание беды.

И хорошо, что скованы уста,
и холод поразил останки лета.
И хорошо, что слишком я устал.
И хорошо, что нету пистолета.

Зачем я здесь? И что это за боль?
И что со мной и с миром происходит?
Мы никогда не свидимся с тобой –
и эта боль вошла и не уходит...

Но как целебны дали за рекой...
Как осень лжёт, ласкается и лечит!..
Когда всё понял, наступил покой.
КОГДА УШЛА НАДЕЖДА, СТАЛО ЛЕГЧЕ.

ПРИЗРАК БРОДИТ ПО ЕВРОПЕ

1.

Всё, всё просрал брадатый Маркс.
Всё, всё, что он наплёл – химера.
И опостылел красный Марс.
Всех манит пылкая Венера...

Но нам опять не повезло:
кровавый призрак коммунизма
увял, но бродит призрак-зло
ГЛОБА... – Ах, нет! – ГОЛУБОЛИЗМА!

Верлен, Уайльд и Жан Маре,
Уитмен, Элтон Джон, Нуреев,
Виктюк, Версаче и Моисеев...
Голубовато на дворе...

2. ПРИЗРАК ГОЛУБОЛИЗМА

Опять конфликт, опять со всеми.
Опять конфликт с самим собой.
И даже с Богом... Лысо темя,
и денег нет – само собой.

А тут весёлый бродит немец.
Сопит, голубоглаз, пузат.
Наверно гомик – он всё время
свой оттопыривает зад.

Я наблюдаю, зол, недужен,
как ходит этот педераст.
Зачем смотрю я? Он мне нужен?
А, если нужен, разве даст?

Ах, полоумная Европа,
я знаю, как никто другой,
что здесь напрасно ищут жопу,
как будто в жопах есть покой!

Читатель милый, что я – рыжий,
как Бродский? Или голубой?
Я – на Галактику обижен...
И денег нет, само-собой.

3. УЛИЧНАЯ КАРТИНКА

Кобель пытался трахнуть кобеля –
и на того проворно взгромоздился,
уд красненький, елозя и скуля,
вогнуть ну хоть куда-нибудь стремился.
И на орбите дрогнула Земля.

А я смотрел на этих кобелей
и думал: – Свет передовых идей,
увы, дошёл не только до людей,
хоть псы не часто смотрят телевизор,
где лесбиянки, пидоры, Левински...
И скалится уныло Асмодей.

* * *

Листьев цветных хороводы.
Ясная даль – голуба.
Осенью дышит природа.
Осенью дышит судьба.

Выпали зубы. Расчёска
стала давно не нужна.
И на душе нету лоска –
сморщена, сжата, смутна.

Лист пролетел, позолочен...
Золотом выстлан карниз.
Вот и кончается осень.
Вот и кончается жизнь.

* * *

По поводу мира вы правы -
он падший с далёкого дня.
И то ж - в отношенье державы,
и то ж - в отношенье меня.

Я знаю тоску и блаженство
(к тоске всё же больше привык).
И я не достиг совершенства,
но честности всё же достиг.

Кто силой, умом, кто грехами
останется - выберет Бог.
А я лишь стихами, стихами...
Я только лишь это и смог.

Читайте их, милые люди -
соскучиться точно не дам.
Прощайте! А, впрочем, не будем
прощаться - увидимся ТАМ.

* * *

Ветры Вселенские дуют.
Вечность подводит итог.
Что-то упорно диктует
мне обезумевший Бог.

Нервно в ночи просыпаюсь -
сердце трепещет, болит.
За карандашик хватаюсь
я – сумасшедший пиит.

Нервно бумагу мараю.
Истина! Свет! Волшебство!..
Утром глаза открываю –
и не пойму ничего.

* * *

Я памятник себе...
А. Пушкин

Посмертно я стану известным поэтом.
Мои творения будут изучать в школах.
А иностранные бакалавры
в иностранных университетах
будут писать обо мне диссертации...

Пузатые, лысые ковдологи и ковдоведы
попытаются разобрать мои муторные черновики,
которые я сам с трудом разбираю.

Будут выяснять, кого я любил, кого презирал
и сколько во мне еврейской крови...

В конце концов, моим именем назовут водку,
что много почётней,
чем получить Буккера.

Тем более что слово ВОДКА
получается простой перестановкой букв
слова КОВДА!

Так что, привет тебе,
мой будущий читатель и почитатель!
Пей «Ковду», спасай Россию.
И желаю тебе удачи – в изучении меня!

* * *

Это перестройка виновата –
не уйти от смуты и позора:
ладно, пусть Газманов – не Гамзатов...
Но Киркоров! – вместо Керкьегора?!

* * *

Лёгкий, беспутный, печальный,
словно осенний листок,
слушаю плеск изначальный,
слушаю времени ток.

Пусть на земле этой милой
жёсткий царует закон.
Равен я этому миру,
только добрее, чем он.

Жизни скользит паутинка,
бьётся, дрожит на ветру.
Вечной Вселенной былинка,
я никогда не умру.

В светлой слезе на реснице
солнце затеет игру...
Жизнь будет длиться и длиться –
я никогда не умру,
я никогда... я...

FUTURUM

Будешь, будешь у дома сидеть
в суспензории грязном и волгллом
и на женщин упорно смотреть
в ожиданье напрасном и долгом.

Будешь слушать настойчивый вздор
от соседа по лавочке драной,
и крушиной крушить свой замок,
и с трудом подниматься из ванной.

Будешь, будешь газетой шуршать,
обсуждая судьбу перестройки,
и больничный режим нарушать
со старушкой болтливой и бойкой.

Будешь нудно кряхтеть и бубнить,
мелким шагом кружить возле дома.
И натужно пузырь порожнить,
проклиная свою аденому...

Вдруг заметишь притихшую смерть,
этот мир понимая не очень...
Будешь, будешь у дома сидеть...
Да уже и сидишь, между прочим.

* * *

Муть. Бездна. Лязг противоречий.
Нос вытащишь – увязнет хвост.
Хаос первичен и конечен.
Да и в серёдке лишь хаос.

Блажь. Водка. Пьяная дорога.
Жизнь прихотлива и страшна.
И замыслы благие Бога
перекрывает Сатана.

Вот плутократия, к примеру.
Куда идём – не нам решать.
Какая дикая химера –
свобода ржать и разрушать.

Свобода полупавианам,
героям пепси и попсы.
Свобода геем, лесбианам,
что только пачкают трусы.

И главное – свобода грабить,
вершить и потреблять обман...
Господь не в силах с этим сладить...
Он предоставил это нам...

* * *

Облаков кочевые народы,
куст осёдлый... – их можно любить.
Я как в церковь, хожу на природу.
А куда ещё стоит ходить?

Лес, трава, полевая ромашка.
И беспутно кружащий листок,
и писклявая тощая пташка
скажут: – Милый! Ты не одинок...

Заблестит сизой дымкой долина
и излучиной белой река,
улыбнутся подзолы и глины,
где лежать мне века и века...

И отпустит глухая тоска...

2001

МОЛИТВА

В безнадежнейшем опыте
я устал обещать.
Не прощай меня, Господи, –
сколько можно прощать.

В этом рвущемся космосе
я без цели и сил.
Покарай меня, Господи, –
я того заслужил.

Среди пыли и копоты
слишком скуден итог.
Умертви меня, Господи, –
я Тебе не помог.

ВАЛУН

Огромный серый камень,
бугристый и рябой,
врыт в землю под ногами –
подброшен мне судьбой.

Взираю через силу.
Шальную мысль таю:
– Такой бы на могилу
грядущую мою!

Чтоб я не мог очнуться,
чтоб вечности вкусил...
И чтобы в мир вернуться,
мне не хватило сил.

* * *

Как живут, как поют, как танцуют?
Не свихнулись от стольких грехов!
Как вообще до сих пор существуют
без моих гениальных стихов?

Как ещё на столбах не повисли,
от сует не устали пустых
без моих безалаберных мыслей,
без нелепых прозрений моих?

Им всё лучше - пируют, летают...
и не ведают смертной тоски.
Может быть, оттого процветают,
что мои не читают стихи?

НАБРОСКИ К АВТОБИОГРАФИИ

* * *

Всё, что выпало здесь постепенно,
что осело от прожитых дней –
всё судьбы моей накипь и пена,
сгусток прожитой жизни моей.

Что так косо смогло записаться,
что коряво так смог записать –
по-иному могло не сказаться,
по-иному не вышло сказать.

Эта груда – блокноты, бумажки,
эти кляксы, каракули, муть,
глупый мусор, мазня первоклашки –
это мой неприкаянный путь.

Само слово «КОВДА» или «КОВДЯ» по-украински означает наковальню. Так что, в отличие от Кузнецовых, Ковалевых и Кувалдиных, Ковда – не тот, кто бьёт, а тот, кому приходится держать удар...

Отец мой родился во Владикавказе в 1904 году в семье почтальона. Он рассказывал, что его отец, мой дед, родился на Украине в деревне Григоровка Полтавской губернии. Позже семья переехала в станицу Темиргоевская на Кубани (ныне Ставропольский край).

...Однажды в 1941 году, за несколько недель до начала войны, к нам в московскую квартиру на Малой Якиманке, постучал незнакомый человек. Ему открыли дверь, вошёл молоденький лейтенант-лётчик. Он сказал, что недавно окончил лётное училище и случайно узнал про семью Ковда, живущую в Москве. Его фамилия была тоже Ковда. Он решил найти своих однофамильцев через адресный стол и узнать, не родственники ли они, поскольку фамилия наша очень редкая. Короче говоря, он оказался родом из той самой Григоровки под Полтавой. Там у деда, который переселился на северный Кавказ, осталось четыре брата. И этот лейтенант оказался потомком одного из них. Он просидел в гостях недолго. Ушёл, обещав скоро зайти. Но больше никогда не появлялся, и не удивительно – почти все лётчики 1941 года погибли. А в Григоровке, возможно, и сейчас есть родственники.

Моя мать родилась в Одессе, девичья фамилия её – Цыбулевская. В середине двадцатых годов она поступила учиться в Краснодарский медицинский институт, где и познакомилась с отцом, в те годы студентом Краснодарского сельскохозяйственного института.

Во время войны она работала врачом в крупном госпитале. Мы, обычно, представляем себе госпитали по фильмам о войне, где показывают большую палату, в которой перебинтованные раненые, лёжа или сидя на койках, смотрят детскую художественную самодеятельность и аплодируют. Но так, оказывается, было не всегда.

В 1943 году в ночное дежурство матери несколько раненых, раздобыв водки, напились и устроили дикую драку. Мать и дежурная медсестра начали их разнимать. При этом один из дерущихся, которого отталкивала медсестра, взял свой костыль за ножку и хотел на прощание добавить своему противнику, которого в это время отталкивала мать. Костыль угодил ей по голове. В результате мать попала в тот же госпиталь, где пролежала несколько месяцев с черепно-мозговой травмой. После этого она двенадцать лет жила с бесконечными головными болями. В сосудах головы образовались спайки. Она продолжала работать врачом физиотерапевтом до 1955 года, когда после сильнейшей нервотрёпки у неё произошёл инсульт, и она ушла из жизни. Ей было 50 лет.

Мой отец стал со временем одним из лучших в стране специалистов по орошению пустынь и борьбе с засолением почв. Он был старшим научным сотрудником в Почвенном институте АН СССР и получил за свои работы Сталинскую, а позже Государственную премии. В 1958 году его

пригласили на работу в ЮНЕСКО в департамент естественных наук. Под его руководством была составлена почвенная карта мира, а также началось изучение влияния деятельности человека на биосферу и т.д. Его работы способствовали развитию сельского хозяйства во многих странах мира, где произошла «зелёная революция». Только в СССР ничего нельзя было сделать. В 1968 году отец возвращается в Москву и в 1971 году организует Институт агрохимии и мелиорации в Пушкино, а в 1973-м – Почвенный факультет МГУ. Здесь он и проработал почти до самой смерти в 1991 году.

Мой родной брат, Александр Ковда – физик, выпускник МИФИ. Работал в научно-исследовательском институте. В пятидесятых годах попал под облучение во время испытания атомной бомбы на Новой земле. Защитил кандидатскую диссертацию. Во время перестройки вынужден был подрабатывать ночным сторожем в ларьке, поскольку имел двух несовершеннолетних детей. В 1995 году его на дежурстве избил пьяная шпана. Через два часа он скончался, пытаясь добраться домой.

Мой двоюродный брат со стороны матери Шура Цыбулевский – жил после войны в Тбилиси. Там его, первокурсника-филолога в 1948 году арестовали вместе с группой друзей по обвинению в создании антисоветской организации. Он просидел в лагере семь лет и был выпущен по амнистии в 1955 году. Через несколько лет его реабилитировали, слава Богу, не посмертно. Позже он прославился на всю Грузию, когда, имея острый глаз, обнаружил в дупле огромного старинного дерева одного из парков средневековую грузинскую поэму. Об этом появилась статья Симона Чиковани в Литературной газете. Александра Цыбулевского стали активно печатать в Грузии. Он писал замечательные стихи и прозу. С ним дружили Булат Окуджава, Евгений Евтушенко, Белла Ахмадулина, Александр Межиров. В 1975 году его сердце не выдержало предательства со стороны близких людей, правда, не по политической части, и он скончался в 47 лет. У него при жизни вышло две книги в Тбилиси и третья, посмертно, в Москве (благодаря стараниям А. Межирова).

Как видите, наша семья, как и большинство семей страны, страдала и от уродливой карательной системы и, в не меньшей степени, от царившей и царящей в стране уголовщины.

То, что я написал выше, сыграло роль в моём становлении, как человека и как литератора. О многом другом, в частности о себе лично (где учился, где работал, на ком женился...) писать пока не хочется. Кое-что можно понять из стихов. Издал всё-таки восемь с половиной книг. Ни за что не стыдно, ни от чего не отказываюсь. Раньше я с меньшим омерзением ходил по редакциям и, соответственно, чаще печатался в периодике. По гроб жизни благодарен Борису Слуцкому, давшему мне в 1966 году «доброе пути» в центральной печати, Давиду Самойлову, написавшего рекомендацию в Союз писателей. А также Василию Субботину, Евгению Винокурову, Николаю Старшинову, Михаилу Львову, Михаилу Луконину за доброе отношение и деликатную помощь в публикациях. Как ни странно, все они – поэты фронтового поколения. Пытаюсь осмыслить, почему именно поэты-фронтовики всерьёз мне помогали? Когда-нибудь напишу об этом подробнее. И о своих литературных ровесниках тоже напишу.

Ещё добавлю, что самого любимого поэта у меня нет. Люблю многих: и классиков, и современников. Сожалею, что нынешнему читателю ничего не говорят имена моих замечательных друзей-поэтов Александра Тихомирова и Льва Тарана. Их давно уже нет на свете, но стихи остались, и верю, что их час наступит. И всё же чаще других перечитываю Фёдора Тютчева. Такие его стихотворения, как «Два голоса», «Silentium», «Накануне годовщины 1864 года» потрясают глубиной и страстностью содержания при полной простоте и естественности поэтической манеры. Мне кажется, что именно здесь русская поэзия достигнет своих вершин. Не в этом ли истинное проявление так называемого «поэтического мастерства»? Но таким путём идти трудно и, зачастую, невыигрышно. Не зря сказал Б. Пастернак, что простота «всего нужнее людям, но сложное понятней им».

Поделюсь также некоторыми странностями, связанными с моей фамилией. Дело в том, что на Белом море у Полярного круга в районе города Кандалакша существует река Ковда, озеро Ковдозеро, станция Ковда Мурманской железной дороги и большое поморское село Ковда с хорошо сохранившейся деревянной церковью, которой не менее 300 лет. Я побывал там, и мне рассказали, что до войны по Белому морю ходил пароход «Ковда». Но его за старостью лет разрезали на металлолом. Может быть, этот красивейший северный уголок имеет отношение к отцовскому роду? Не знаю. И ещё: мы с покойным братом когда-то выяснили, что если переставить буквы слова «Ковда», то может получиться «водка». Много лет мы об этом даже не

подозревали. Но это свойство нашей фамилии я, пожалуй, не оправдываю.

Вышеприведённые «Наброски к автобиографии» написаны в 1999 году. С тех пор в моей жизни произошли крутые изменения. В конце 90-х годов я серьёзно заболел. Серьёзней некуда. Естественно, начал лечиться, но одновременно прощался с жизнью. Иллюзии мне не свойственны. Да и пожил немало. Наверное, две трети друзей уже «присоединились к большинству». Видимо, и мне пора... На лечение требовались деньги, которых не было. К тому времени я потерял литературные заработки (гонорары за книги, публикации, выступления, руководство литературным объединением), потерял и заработки киношные. Уже несколько лет работал охранником, а точнее – сторожем. Сначала на автостоянке (вместе с поэтами Ю. Денисовым и А. Брагиным), потом в музее Аксакова, а после в Доме книги. Но и такую работу становилось находить всё труднее. Поэтому, когда появилась возможность выехать в Германию и лечиться там, я не раздумывал...

С 2001 года живу в Ганновере. Хотя часто бываю в Москве.

После некоторого шока начал писать и публиковаться в России и на Западе. В 2004 году я и московский поэт М. Грозовский (он – отставной физик, я – отставной математик) выпустили в издательстве Наука совместную книгу стихотворений под названием «Грозовда».

Сейчас вы держите в руках моё первое «Избранное» – итог многолетней работы... Но главное не в этом. Главное, что немцы меня вылечили. Четыре года чувствую себя хорошо (тьфу-тьфу-тьфу, конечно!). За что я им бесконечно благодарен.

В отчаянные дни 1998 года, когда в стране разразился дефолт, написались такие строки:

И чую, горечь затая:
дни жизни сочтены –
вросла агония моя
в агонию страны.

Но прошло время – я ожил. Надеюсь, что и Россия возродится. По-моему, Бог (или судьба) упорно даёт ей шанс.

А я, поскольку остался пока на Земле, просто обязан написать что-то действительно важное, беспощадно честное про жизнь. И постараюсь это сделать.

Вадим Ковда
14 апреля 2006 г.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Книга избранных стихотворений Вадима Ковды состоит из четырёх больших разделов. Первые три: «Счастлив ли Бог?..», «Жизнь люблю больше смысла её» и «Скрежет» включают в себя в основном стихотворения из ранее изданных книг. Последний раздел «Крепнет связь любви и смерти» включает стихи из книги «Грозовда», а также стихи, написанные в последние годы. Необходимо сказать, что позиция автора далеко не всегда совпадает с позицией героев его произведений. Даже если эти произведения написаны от первого лица. Иногда стихотворения противоречат друг другу. Автор считает, что это происходит из-за противоречий самой жизни, да и писались стихи в разные годы.

КНИГИ ВАДИМА КОВДЫ:

«Будни» – изд. «Молодая гвардия», 1971;
«Полустанок» – изд. «Советский писатель», 1976;
«Сентябрь» – изд. «Современник», 1981;
«Птица счастья» – изд. «Советский писатель», 1982;
«Житель» – изд. «Молодая гвардия», 1984;
«Трепет» – изд. «Современник», 1987;
«Невольник жизни» – изд. «Советский писатель», 1989;
«Смута» – Ашхабад: Туран-1, 1992;
«Грозовда» (совм. с М. Грозовским) – изд. «Наука», 2004.

Стихи поэта печатались в журналах «Юность», «Новый мир», «Радуга», «Москва», «Знамя» и др., альманахах «Поэзия», «День поэзии», «Кольцо А», – а также в антологиях, литературных сборниках, газетах...